

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№ 3

2025

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS,
FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№3

2025

Редакционная коллегия:

Главный редактор

НАРОЧНИЦКАЯ Екатерина Алексеевна — канд. ист. наук, руководитель Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы, ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований Института Европы РАН.

Ответственный секретарь

ЩЕРБИНА Анна Владимировна — канд. фил. наук, сотрудник Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы.

Члены редколлегии

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — д-р полит. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации, профессор-исследователь Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ).

КАПИТОНОВА Наталия Кирилловна — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ (МГИМО), МИД Российской Федерации.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна — д-р ист. наук, иностранный член Сербской академии наук и искусств, президент Фонда исторической перспективы; член Общественной палаты РФ.

ПЛЯЙС Яков Андреевич — д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Финансового университета при Правительстве РФ, профессор РАНХиГС при Президенте РФ.

РУДАЯ Елена Николаевна — канд. ист. наук, руководитель научно-просветительских и культурных программ Фонда исторической перспективы.

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна — д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора социальной философии Института философии РАН.

ШИШЕЛИНА Любовь Николаевна — д-р ист. наук, заведующая Отделом исследований Центральной и Восточной Европы Института Европы РАН.

ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — д-р экон. наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Editorial Board

Editor in chief

Ekaterina NAROCHNITSKAYA — Ph.D. in History; Head of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook; Leading Researcher, Department of Country Studies, Institute of Europe RAS.

Executive secretary

Anna SCHERBINA — Ph.D. in Philology, expert of the Center for Research and Analytics, Foundation for Historical Outlook.

Members

Oxana GAMAN-GOLUTVINA — Doctor of Political Science, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Comparative Politics Department of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Professor at Higher School of Economics (HSE University).

Natalia KAPITONOVA — Doctor of History, Professor, Professor at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

Natalia NAROCHNITSKAYA — Doctor of History, President of the Foundation for Historical Outlook; Foreign Member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation.

Yakov PLYAIS — Doctor of History, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Political Science Department of Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Elena RUDAYA — Ph.D. in History, Head of Scientific, Educational, and Cultural Programs, Foundation for Historical Outlook.

Valentina Fedotova — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy RAS.

Lyubov SHISHELINA — Doctor of History, Head of the Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe RAS.

Petr YAKOVLEV — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Содержание:

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Екатерина ЛАБЕЦКАЯ. Военный разведчик, дипломат и ученый Николай Иванович Исаев	8
--	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Стивен ВЕРТХАЙМ. Инструментальный интернационализм: Американские истоки Организации Объединенных Наций. 1940–1943	22
--	----

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

Наталья ТРАВКИНА. Какое будущее ждет Демократическую партию США?	46
--	----

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Петр ЯКОВЛЕВ, Наиля ЯКОВЛЕВА. Испания через 50 лет после диктатуры: внешнеэкономические и внешнеполитические аспекты	64
---	----

Ладислав ЗЕМАНЕК. Секьюритизация в Европейском союзе (на примере Чехии)	79
--	----

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

Антон КРУТИКОВ. Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 1. Февральская революция и активизация национальных процессов в прибалтийских губерниях	92
---	----

Антон КРУТИКОВ. Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 2. Законотворческая деятельность в мае-июне 1917 г. и ее итог	103
---	-----

Authors	115
---------------	-----

Abstracts and Keywords	116
------------------------------	-----

Contents:

TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Ekaterina LABETSKAYA. Military Intelligence Officer, Diplomat and Scientist
Nikolay Ivanovich Isaev 8

INTERNATIONAL RELATIONS

Stephen WERTHEIM. Instrumental Internationalism: The American Origins
of the United Nations, 1940–1943 22

AMERICAN DOSSIERS

Natalia TRAVKINA. What is the Future of the US Democratic Party? 46

EUROPEAN COUNTRIES IN REGIONAL AND GLOBAL DEVELOPMENTS

Petr YAKOVLEV, Nailya YAKOVLEVA. Spain 50 Years after the Dictatorship:
Foreign Economic and Foreign Policy Aspects 64

Ladislav ZEMÁNEK. Securitisation in the European Union (The Czech Case) 79

HISTORICAL COMPASS

Anton KRUTIKOV. The Provisional Government of Russia and the Reforms
of Local Self-Government in the Baltic States in 1917. Part 1. February Revolution
and the Intensification of National Processes in the Baltic Provinces 92

Anton KRUTIKOV. The Provisional Government of Russia and the Reforms
of Local Self-Government in the Baltic States in 1917. Part 2. Legislative Activity
in May–June 1917 and its Results 103

Authors 115

Abstracts and Keywords 116

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-8-20

УДК 94

ЕКАТЕРИНА ЛАБЕЦКАЯ

Военный разведчик, дипломат и ученый Николай Иванович Исаев

Аннотация. Статья посвящена судьбе Николая Ивановича Исаева (1903–1969) — ветерана советской военной разведки, в годы Великой Отечественной войны отдававшего все силы укреплению военно-экономического потенциала Советского Союза в битве за победу над фашистской Германией и милитаристской Японией. Впоследствии Н.И. Исаев много сделал для подведения научного базиса под военную аналитику Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Отдельное внимание уделено участию Н.И. Исаева в становлении экспертного взаимодействия представителей структур Академии наук СССР и Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР, в том числе в создании одного из ведущих научных направлений в рамках ИМЭМО АН СССР. При написании статьи использованы материалы архивов МИД РФ, ИМЭМО РАН, семьи Н.И. Исаева и воспоминания дочери разведчика — Юлии Николаевны Исаевой.

Ключевые слова: военная разведка, военная аналитика, военно-промышленный комплекс, ГРУ, ИМЭМО, Н.И. Исаев, Китай, Маньчжоу-го, размещение производительных сил, США, Япония.

В год 80-летия победы в Великой Отечественной войне и с учетом важности исторической памяти особый смысл приобретают биографические исследования, посвященные судьбам тех, кто сыграл неординарную роль в приближении Великой Победы. К таким личностям относился советский разведчик, дипломат, фортификатор и ученый Н.И. Исаев.

9 января 1969 г. в газете «Красная Звезда» был напечатан маленький некролог: «Боевые друзья и товарищи с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной смерти инженер-полковника в отставке Исаева Николая Ивановича и выражают соболезнование родным и близким покойного»¹. А 8 января на кладбище у гроба Н.И. Исаева от имени ГРУ (Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР), боевых друзей и товарищей, выступил полковник А.К. Тюрин:

«Сегодня мы провожаем в последний путь одного из лучших ветеранов нашей службы, инженер-полковника Исаева Николая Ивановича... Все свои лучшие годы Николай Ивано-

¹ Красная звезда. 09.01.1969.

Сведения об авторе: ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна — ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, lbtskaya@imemo.ru.

вич отдал службе в вооруженных силах, в рядах которых он находился с 1922 по 1960 год, почти 40 лет. С 1935 по 1967 год Николай Иванович работал в Главном управлении Генерального штаба на ответственных должностях, последнее время был начальником управления, а затем перешел на преподавательскую работу в Военной Академии... Мы высоко ценим внесенный им вклад в становление и развитие новых направлений в работе, которые в настоящее время приобрели особенно большое значение.... После получения возможности ухода на заслуженный отдых коммунист Исаев не воспользовался этим правом, а продолжал энергично трудиться в институтах Академии наук, никогда не забывая о своей принадлежности к Вооруженным Силам, стремясь и в новых условиях вносить достойный вклад в укрепление могущества нашей социалистической Родины...»¹.

Николай Иванович Исаев родился в 1903 г. в Курской губернии (ныне Курской области), в городе Рыльск, который в период Первой мировой войны, революции и Гражданской войны испытал на себе все страсти, характерные для «смутных времен». Реалии детства и юности, совпавших с переломной политической эпохой, рано заложили в характер Н.И. Исаева такие черты, как патриотизм, отвага, ответственность, целеустремленность, жажда знаний, креативность и нестандартность мышления. Будучи старшим сыном в многодетной семье, он всячески помогал родителям, оказавшимся из-за болезни отца (инвалида Первой мировой войны) в непростых материальных условиях, ухаживал за младшими братьями и сестрами. Родные платили Н.И. Исаеву горячей любовью и глубоким уважением до конца его жизни.

Раннее детство Н.И. Исаева прошло на Лианозовских рыбных промыслах на южном побережье Каспийского моря, в Персидской Астане. Там его отец, Исаев Иван Евгеньевич, работал икрянщиком [Личное дело Исаева...]. В тех краях Николай Исаев впервые познакомился со спецификой Востока, знание которого позднее существенно помогло ему в общении с генералитетом Квантунской армии, составлявшей костяк японского военного потенциала 30–40-х годов XX в.

По заданию легендарного создателя советской военной разведки Яна Карловича Берзина Н.И. Исаев сражался против милитаристской Японии на «невидимом фронте» под дипломатическим прикрытием сначала вице-консула, затем консула советского представительства в Маньчжоу-го в Дайрене/Дальнем, ныне Даляне. Уже в 1930-х годах было очевидно: агрессивность милитаристской Японии в Азии (зверства в Китае и Корее, захват Маньчжурии и создание марионеточного Маньчжоу-го, провокации на советской и монгольской границе) — всего лишь прелюдия надвигающейся Второй мировой войны. Соответственно, Квантунское направление в работе Разведупра, как в обиходе именовалось Разведывательное управление Штаба РККА², выделялось в одно из наиболее значимых на Дальнем Востоке.

1 Запись выступления полковника А.К. Тюрина // Личный архив Ю.Н. Исаевой.

2 Разведывательное управление Штаба РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии) — официальное название центрального органа военной разведки Советской России в 1921–1926 и 1934–1939 гг.; наименование «Главное разведывательное управление» (ГРУ) было принято в 1942 г.

Длительная заграникомандировка в Маньчжоу-го (декабрь 1935 г. — январь 1940 г.) стала ярким этапом в жизни Н.И. Исаева, принесла заслуженное уважение коллег и бесценный личный и профессиональный опыт, позволивший ему стать одним из лучших наставников нового поколения элитной советской военной разведки. Неслучайно в год «золотого юбилея» ГРУ (1968 г.) коллеги просили уже тяжелобольного Н.И. Исаева поделиться своими воспоминаниями хотя бы в 15-минутном выступлении. Уговорили — и благодарная аудитория не отпускала ветерана почти два часа. Руководство же ведомства попросило его написать подробные мемуары. Несмотря на плохое самочувствие, Николай Иванович сел за печатную машинку. Но — увы, перенесенные за годы службы в военной разведке два инфаркта и стресс от нахлынувших воспоминаний надорвали сердце ветерана. 4 января 1969 г. оно остановилось. Приехавший по поводу организации похорон генерал от ГРУ забрал все экземпляры незаконченной рукописи вместе с копиркой, чем поразил внуков Николая Ивановича. Так воспоминания разведчика канули в стенах самого, пожалуй, закрытого военного ведомства СССР.

В 2010 г. российские правопреемники советского ГРУ, отвечая на письмо Ю.Н. Исаевой с просьбой допустить ее в архив для знакомства с личным делом отца и стенограммой его выступления на 50-летнем юбилее ведомства, прислали формальный ответ. В официальном письме за подписью тогдашнего начальника ГУ ГШ ВС РФ генерал-полковника А.В. Шляхтурова¹ подтверждались работа Н.И. Исаева в ведомстве, командировка в Японию и некоторые малозначимые детали его биографии, но утверждалось, что стенограмма выступления Н.И. Исаева на 50-летию ГРУ якобы не велась, а его рукопись не сохранилась. Стало ясно, что даже спустя три четверти века после окончания работы Н.И. Исаева на японском направлении советской военной разведки его личное дело остается под грифом «совершенно секретно».

Тем не менее еще в 2015 г. в свет вышла фундированная книга Ю.Н. Исаевой [Исаева], основанная на открытых источниках Архива внешней политики (АВП) МИД РФ, семейных фотоархивах и воспоминаниях членов семьи Н.И. Исаева.

* * *

Биография Н.И. Исаева интересна с точки зрения становления личности достойного сына Отечества, кавалера Ордена Ленина (4 мая 1947 г.), двух Орденов Красного Знамени (5 ноября 1944 г. и 13 июня 1953 г.), Ордена Отечественной войны I степени (25 августа 1944 г.), Ордена Красной Звезды (5 августа 1945 г.) и шести медалей — «За Победу над Германией» (1945 г.), «За Победу над Японией» (1945 г.), «30 лет Советской Армии и Военно-морского флота» (1948 г.), «В память 800-летия Москвы» (1948 г.), «40 лет Вооруженных Сил СССР» (1958 г.), «20 лет Победы над Германией» (1965 г.).

1 Письмо от 17 апреля 2010 г. № 313/П/83 на бланке Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации за подписью начальника Главного управления А.В. Шляхтурова // Личный архив Ю.Н. Исаевой.

Знание разговорного фарси, а также черты лица, унаследованные от бабушки — восточной красавицы, привезенной дедом Николаем Исаевым из военных походов в период Крымской войны, позволили 14-летнему юноше разыскать в одной из больниц близ Дунайских рыбных промыслов купцов Шелеховых отца-инвалида и вывезти его в персидском обозе обратно в Рыльск. Вместе с персами Исаевы преодолели территории, находившиеся под немецкой оккупацией, властью отрядов Деникина (1918–1919 гг.), батйки Махно, «зеленых» и прочих квазиреволюционных банд.

Трудно воплощалась детская мечта Николая Исаева стать кораблестроителем. Гимназия в императорской России давала своим выпускникам сильное образование, но золотой медалист рыльской классической гимназии все же не дотягивал до уровня санкт-петербургских гимназистов. С первого раза поступить на кораблестроительный факультет в Петрограде юноше не удалось. Работая в Рыльске статистиком и учась на краткосрочных статистических курсах при Курском Губернском статистическом бюро (декабрь 1919 г. — август 1921 г.), он досконально проштудировал лучшие учебники по математике и в сентябре 1921 г. все же поступил на кораблестроительный факультет Ленинградского политехнического института. Но семейные обстоятельства в январе 1922 г. вынудили Николая Исаева оставить учебу и вернуться в Рыльск для помощи родителям. А осенью 1922 г. он был командирован Рыльским уездным военкоматом в Московскую инженерную школу, по окончании которой с осени 1925 г. приступил к службе в саперных частях Красной Армии (был командиром взвода, политруком и командиром саперной роты). В 1929 г. поступил в Военно-техническую академию им. Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде, из которой в связи с реорганизацией военных академий был переведен в созданную Военно-инженерную академию, на морской факультет. Дипломный проект Николая Исаева «Защита базы морского флота» был использован при строительстве броне-башенной батареи № 30 (ББ-30), прославившейся в ходе многомесячной обороны Севастополя в Великую Отечественную войну, и укреплений Балаклавы. Руководство Академии прочило Николаю Исаеву успешную научную карьеру и планировало направить его по профилю в адъютантуру. Но вмешался Разведупр РККА (позже реорганизованный в ГРУ ГШ ВС СССР). Руководитель ведомства Я.К. Берзин, армейский комиссар 2-го ранга, в ответ на характеристику Н. Исаева заявил руководству Академии: «Вот такие нам и нужны».

Разведупру требовались специалисты по береговым укреплениям для работы на Квантунском полуострове. В мае 1935 г. Н.И. Исаев поступил в распоряжение военной разведки СССР и со всей свойственной ему скрупулезностью занялся изучением потенциального противника на дальневосточном направлении.

Ему повезло: он принадлежал к поколению молодых красных командиров, которые еще успели впитать передовые теоретические разработки РККА, подготовленные небоснованно репрессированными позднее выходцами из Императорской Академии Генерального штаба. Особый интерес для Н.И. Исаева на новом поприще представляли работы Александра Андреевича Свечина, возвращенного в 1932 г. в Разведупр в звании комдива после снятия с него сфабрикованных обвинений. Позднее Свечин

был снова репрессирован по надуманным обвинениям и в 1938 г. расстрелян (в 1956 г. реабилитирован) (в 1938 г. был расстрелян и Я.К. Берзин, также впоследствии реабилитированный). А.А. Свечин изучал Японию как наиболее вероятного противника СССР. По мнению академика А.А. Кокошина, среди разработок Свечина особо выделялись «очерк по истории военного искусства Японии, военно-географическое описание Маньчжурии и Кореи, подготовка справочника по вооруженным силам Японии, а также материалы по русско-японской войне 1904–1905 гг. и японской военной доктрине» [Кокошин].

Н.И. Исаев, как воспитанник А.А. Свечина, был сторонником его идеи о важности «изучения противника в первую очередь на основе опубликованных материалов» [Кокошин]. Ничуть не умаляя значимости оперативной работы нелегалов, агентурной разведки, он считал важным экспертный анализ информации из открытых источников, подтвержденной агентурной работой «на местах». В Дайрене ему и самому приходилось проверять достоверность информации местных СМИ. Как вспоминала Ю.Н. Исаева, разведчик, будучи профессиональным инженером по береговым укреплениям, лично совершил многочасовой заплыв в район спецпроекта Квантунской армии — строившегося дока на берегу Дайренской бухты в Кансейси. Резидентура доложила о закладке дока летом 1938 г.¹ Но лишь в январе 1939 г. в СМИ появилось официальное сообщение о строительстве в этом районе [Исаева]. Док был столь засекречен, что на любительских фотографиях японские фотоателые бдительно «забеляли» стратегические объекты.

Советская разведка тесно сотрудничала с китайскими патриотами, подсказывая им удачные инженерно-саперные решения в их борьбе с японскими захватчиками [Лота]. Приглашая дочерей, Эмму и Юлию, в день рождения Юлии подняться посмотреть с башенки особняка в бинокль, Н.И. Исаев предполагал увидеть пожар на складах в порту Дайрена [Исаева. С. 110]. Ожидание подтвердилось, и в Центр ушло донесение об уничтожении пожаром четырех складов ЮМЖД², принесшем убытки на 7 млн иен³.

Н.И. Исаев уделял много времени аналитическим докладам в Центр касательно развития и размещения производительных сил, логистической структуры, реконструк-

1 АВП РФ. Ф. 146. Оп. 22. П. 191. Д. 4. Л. 20.

2 Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) — железнодорожная магистраль в Маньчжурии, от Харбина до Люйшуня (Порт-Артура) длиной более 1020 км, стала частью Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), была построена по линии Харбин–Порт-Артур в 1898–1903 гг. на основании Русско-китайской конвенции 1898 г. для установления железнодорожного сообщения с Квантунской областью и портами Дальним и Порт-Артуром. После Русско-японской войны 1904–1905 гг., согласно Портсмутскому мирному договору, большая часть Южно-Маньчжурской ветви КВЖД от Порт-Артура до Чанчуня длиной 735 км со всем принадлежащим имуществом отошла к Японии. По своим роли и значению ЮМЖД кардинально отличалась от заурядных компаний железнодорожного бизнеса и в период японской агрессии в Китай де-факто являлась правительством марионеточного Маньчжоу-го.

3 АВП РФ. Ф. 146. Оп. 22. П. 191. Д. 4. Л. 29.

ций береговых укреплений на Квантунском полуострове. По завершении Квантунской операции представитель Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Кузьма Николаевич Деревянко, подписавший Акт о капитуляции Японии, навещая в госпитале тяжелообольного Исаева, сказал: «Николай Иванович, по твоей карте шли как у себя дома!» Об этой удивительно точной карте ходили легенды, что ярко описал в своих мемуарах Герой Советского Союза генерал-лейтенант Василий Романович Бойко [Бойко].

Карта, по которой ориентировались советские десантники, освобождая Дайрен и Порт-Артур в августе 1945 г., — плод работы всей советской резидентуры на Квантунском (Ляодунском) полуострове. Но и роль профессионального военного инженера Н.И. Исаева велика. Об этом свидетельствуют переведенные в открытый фонд АВП РФ его донесения из Дайрена за 1935–1939 гг. Путешествуя по своему «консульскому округу», состоявшему из пяти уездов (Дайренского, Порт-Артурского, Киньчжоу, Пуланьдзян, Битцзыво), Исаев пристально следил за политико-экономической ситуацией в регионе. С весны 1937 г. в Дайрен — промышленный центр и портовый узел — из Порт-Артура перебазировалась резиденция японского генерал-губернатора, Порт-Артур же превратился в закрытую военную базу. Но к этому времени Исаев, изучив побережье Квантунского полуострова, уже подготовил черновую карту его береговой защиты с учетом стратегических возможностей захвата береговых укреплений Квантунской армии с тыла.

(На фото: Порт-Артур. Праздник цветения сакуры. Исаев Н.И. стоит 2-й справа от Командующего Квантунской армии и японского посла в Маньчжоу-Го Дзиро Минами, сидящего в центре.)

Важную информацию обеспечивал резиденту и его широкий круг общения в Дайрене, включавший элиту квантунского губернского военного истеблишмента Японии, представителей дипломатического корпуса и местного интернационального бизнес-сообщества. Частым собеседником Н.И. Исаева был Ёсукэ Мацуока, крупный военнополитический деятель милитаристской Японии 1930–1940-х годов. Прибыв в Дайрен в декабре 1935 г., Исаев 26 февраля 1936 г. уже был гостем Дайренского клуба, где в честь только что избранного президента этого клуба г-на Мацуоки, вступившего в 1935 г. на пост президента ЮМЖД, давали парадный ужин¹.

(На фото: Раут в Английском клубе Дайрена. Во главе стола — консулы США и СССР. 1938г.)

Познакомившись с молодым эрудированным советским дипломатом, Ё. Мацуока на каждом светском мероприятии находил повод для общения с Н.И. Исаевым. А поводов в период 1936–1939 гг., когда отношения между СССР и Японией были весьма сложными, хватало. Персональный контакт давал возможность Исаеву глубже изучить личность г-на Мацуоки, дать этому незаурядному человеку максимально объективную характеристику. Вновь сказалась школа А.А. Свечина, уделявшего, как и К. фон Клаузевиц, внимание психологии, ибо «искра личностных отношений» нередко оказывает большое влияние на принятие и исполнение решений в военной сфере» [Кокошин].

1 АВП РФ. Ф. 146. Оп. 18. П. 168. Д. 90. 30.11.35. (Архив Голубцова).

Примечательно, что в апреле 1939 г. в Дайрене поползли слухи о предстоящей отставке г-на Мацуоки с поста президента ЮМЖД. Несмотря на противоречивые мнения дайренского бомонда и СМИ по поводу предстоявшего нового назначения Мацуоки, лишь Н.И. Исаев предугадал дальнейшее развитие его карьеры, напророчив ему пост министра иностранных дел. Ёсукэ Мацуока действительно был назначен главой японского МИД и занимал этот пост на протяжении крайне значимых для международных отношений 1940–1941 гг. Немалый вклад был внесен Исаевым, по его возвращении из командировки, и в организацию визита Мацуоки в Москву. После подписания 13 апреля 1941 г. в Москве советско-японского пакта о ненападении Исаев впервые за годы работы на японско-маньчжурском направлении смог позволить себе отпуск.

Важной сферой своей работы в Дайрене разведчик считал подготовку научно-аналитических докладов в Центр. Он внимательно отслеживал все книжные новинки и другую информацию. В официальном японском справочнике-путеводителе [An Official Guide...] его заинтересовали железнодорожные подъездные пути к портам островного государства и погодные условия в ключевых регионах Японии. Проанализировав эти данные, Н.И. Исаев информировал Центр: «В случае войны японцы в двухнедельный срок смогут перебросить на континент огромные массы войск» [Исаева. С. 58].

Внимание Н.И. Исаева привлекла и вышедшая в США серьезная монография С. Денлингера и Ч. Герри, анализирующая научно-технические и военно-экономические возможности государств — потенциальных участников вероятной войны на Тихом океане [Denlinger, Gary]. Он отметил содержащиеся в монографии выводы о балансе интересов в «стратегическом треугольнике» США — Япония — Россия, о неизбежности вовлечения России (в силу ее дальневосточных интересов) в вероятную войну между США и Японией. С первой же диппочтой Н.И. Исаев отправил экземпляр книги в Москву. В Центре монографию оценили по достоинству. Ее срочно перевели на русский язык, и руководство Генштаба рекомендовало Наркомату обороны СССР незамедлительно ознакомить с ней командный состав. Однако советское издание [Денлингер, Гери] вышло с купюрами: из текста был изъят раздел с анализом геополитических интересов СССР [Denlinger, Gary. P. 197–200]. Акцент в переводном варианте монографии делался на тактико-технических характеристиках флотов государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Советская специфика не позволяла публиковать в открытой печати геополитический анализ баланса сил в мире, но очевидно, что он был учтен руководством СССР, принявшем решение вступить в войну с Японией в 1945 г.

Отслеживая публикации местных СМИ, Н.И. Исаев обратил внимание на горячую тему: «Дайрен переживает кризис водоснабжения». В Центр ушел доклад¹, подытоживший специально проведенное Исаевым исследование системы водоснабжения Квантунской области. Информация о слабостях и уязвимости этой системы оказалась очень востребованной в августе 1945 г., в период Квантунской операции, когда в регионе вновь обострилась проблема с водой.

1 АВП. Ф. 146. Оп. 22. П. 191. Д. 4. Л. 21.

* * *

В Разведупре и ГРУ полковник Н.И. Исаев проработал до января 1957 г., занимая последовательно должности заместителя начальника отделения, помощника начальника отдела, начальника отдела (с февраля 1944 г.). Его биография может служить одним из зеркальных отражений специфики советского общества 1930–1950-х годов, в том числе перекосов и волюнтаризма советского руководства, трагически искалечивших жизнь многих людей. Превратности судьбы миновали Исаева в профессиональной, но не в личной сфере. По нему отрикошетили беды отца и братьев, испытывших тяготы фашистской оккупации, плена, концентрационного лагеря, а потом и ГУЛАГа.

Инженер-полковник Н.И. Исаев был назначен заместителем начальника управления ГРУ в июне 1945 г. Тогда «темным пятном» его биографии было лишь пребывание отца-инвалида и малолетнего брата Петра на оккупированной немцами территории Курской области. Но в начале июля 1945 г. пришла информация о его брате Иване Исаеве, числившемся с весны 1942 г. пропавшим без вести. Оказалось, что Иван, брошенный тяжелораненым и контуженым на поле боя под Керчью в период ожесточенных сражений 1942 г. за Крым, попал в лагерь для военнопленных в Германии. После войны лагерь оказался в оккупационной зоне союзников, из которой все узники были этапированы в ГУЛАГ. Анкета же Н.И. Исаева пополнилась еще одним «черным пятном» в «злополучном» 17-ом пункте («Были ли Вы или Ваши ближайшие родственники в плену или интернированы в период Отечественной войны, где, когда, при каких обстоятельствах освобождены»).

Несмотря на это, с февраля 1949 г. по январь 1957 г. полковник Н.И. Исаев занимал генеральскую должность начальника одного из управлений в Главном управлении Генштаба ВС СССР — руководство учло его высочайший профессионализм.

Во второй половине 1940-х годов анализ Фултонской речи британского премьер-министра У. Черчилля (5 марта 1946 г.), очевидным образом коррелировавшей с подготовленным штабом американского генерала Д. Эйзенхауэра планом «Всеохватность» («Totality»)¹, ядерными амбициями президента США Г. Трумэна и положениями официально отрицаемого правительством Великобритании плана операции «Немыслимое» («Unthinkable»)², окончательно убедил офицеров ГУ Генштаба, что научно-технический прогресс, научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) западных стран имеют военную направленность.

1 Секретный план военных действий против СССР «Тоталити» («Всеохватность») начал разрабатываться по приказу президента Г. Трумэна в октябре 1945 г. (на случай, если войскам США в Германии и Австрии «будут угрожать другие силы»).

2 Операция «Немыслимое» — кодовое название двух планов (наступательного, затем оборонительного) Великобритании и США, разработанных весной-летом 1945 г. в отношении СССР по заданию премьер-министра У. Черчилля. Британское правительство категорически отрицало существование подобных планов вплоть до 1998 г. В настоящее время документы, относящиеся к этим планам, хранятся в Национальном архиве Великобритании.

Опыт, приобретенный в командировке в Маньчжоу-го, укрепил убежденность Н.И. Исаева в необходимости тщательного отслеживания информации в открытых источниках, в том числе в СМИ. Ибо профессиональное сопоставление этой информации с оперативными данными — важная база стратегических и прогнозных оценок. Молниеносная война на Дальнем Востоке была выиграна в немалой степени благодаря действиям советской военной разведки, в том числе советской резидентуры на Квантунском полуострове, в Дайрене и Порт-Артуре. Свидетельство тому — слова главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А.М. Василевского: «Столь высокие темпы наступления советских войск, действовавших на отдельных операционных направлениях, стали возможны лишь благодаря тщательно продуманной группировке войск, знанию природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом операционном направлении (курсив мой. — Е.Л.), широкому и смелому использованию танковых, механизированных и конных соединений, внезапности нападения, высокому наступательному порыву, решительным до дерзости и исключительно умелым действиям, отваге и массовому героизму воинов Красной армии и моряков» [Василевский].

В этом контексте закономерно, что Н.И. Исаев, возглавлявший к тому времени в Главном управлении генштаба одно из аналитических управлений, привлек к сотрудничеству экспертов профильных институтов АН СССР. Постепенно инициатива вылилась в проект создания на базе одного из отделов Института экономики (ИЭ) нового «мозгового центра» — Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), основанного в 1956 г. Представляя интересы своего управления в ГУ ГШ ВС СССР, Исаев тесно взаимодействовал в реализации этого проекта с Анушаваном Агафоновичем Арзуманяном (1904–1965) [Личное дело Арзуманяна...], работавшим в Институте экономики (с апреля 1953 г. — заместителем директора). Для представляемого Исаевым военного ведомства особый интерес в конце 1950-х — начале 1960-х годов имел политико-экономический анализ трендов развития военно-промышленных комплексов бывших союзников по антигитлеровской коалиции, структур их бюджетов, новых направлений НИОКР, специфики размещения производительных сил.

Во многом взаимопониманию Н.И. Исаева с А.А. Арзуманяном способствовал тот факт, что у обоих за плечами был военный опыт. Майор Арзуманян в годы Великой Отечественной войны являлся лектором политотдела 18-й Армии, возглавляемого Л.И. Брежневым. Их бывшее взаимодействие отчасти способствовало и реализации проекта ИМЭМО, поскольку с мая 1953 г. по февраль 1954 г. генерал-майор Брежнев являлся заместителем начальника Главного политического управления Министерства обороны СССР. С февраля 1956 г. по 1960 г. уже генерал-лейтенант Брежнев был секретарем ЦК КПСС по оборонной промышленности. По-видимому, не без его поддержки 13 апреля 1956 г. Арзуманян и был назначен первым директором ИМЭМО.

Н.И. Исаев и А.А. Арзуманян, представлявшие поколение, которое не только прошло через годы войны, но и прочувствовало рикошет необоснованных репрессий, перегибов и волюнтаристских решений, хорошо понимали и друг друга, и специфику свое-

го времени. Побывавший в ежовских застенках Арзуманян без колебаний согласился взять на работу дочь Исаева, на тот момент супругу сына «врага народа». Это пятно в анкете Юлии Исаевой и год, проведенный в декрете, делали проблематичным ее трудоустройство. Но в октябре 1957 г. ее зачислили старшим научно-техническим сотрудником в сектор проблем милитаризации капиталистических стран ИМЭМО, возглавляемый А.А. Санталовым [Личное дело Исаевой...]. Здесь же она защитила кандидатскую диссертацию, на базе которой в 1969–1971 гг. были опубликованы ее монографии в СССР, ГДР и ФРГ. Однако Н.И. Исаев этого уже не увидел.

Тем временем Н.И. Исаев перешел на учебно-педагогическую работу. С января 1957 г. по октябрь 1960 г. он являлся старшим преподавателем Войсковой части № 75033, сегодня известной как Военно-дипломатическая академия. В те времена это специализированное военное учебное заведение готовило военных дипломатов (военных атташе) и сотрудников военной разведки. Наряду с педагогической деятельностью, Исаев вел серьезные научно-исследовательские проекты. Их итогом стали закрытые разработки служебно-оперативного характера, пособия по военной экономике капиталистических стран и блоков. Материалы Н.И. Исаева публиковались в Трудах войсковой части № 75033 и Краснознаменной академии военно-воздушных сил, в сборнике статей журнала «Военный зарубежник», в журналах «Военная мысль», «Тыл и снабжение Советской Армии», «Мировая экономика и международные отношения», в издательстве «Иностранная литература», в газетах «Правда» и «Красная Звезда». В этой связи Совет части № 75033 ходатайствовал перед ВАК о присвоении Н.И. Исаеву ученого звания «доцент».

С октября 1960 г., согласно решению IV сессии Верховного Совета СССР о значительном сокращении вооруженных сил, Н.И. Исаев был уволен в запас. Желая продолжить научную работу, он обратился к директору ИМЭМО А.А. Арзуманяну с просьбой зачислить его научным сотрудником в сектор проблем милитаризации экономики капиталистических стран, обезглавленный в связи со смертью его руководителя А.А. Санталова.

Примечательно, что значимость исследований милитаризации экономики капиталистических стран, развернутых в свое время как раз по рекомендации Н.И. Исаева группой академических институтов под эгидой ИМЭМО, акцентировал первый заместитель начальника ГУ ГШ ВС СССР, генерал-лейтенант Х.-У.Д. Мамсуров. В своем письме в дирекцию ИМЭМО он отмечал, что в 1958–1959 гг. ГРУ получило от ИМЭМО по этой тематике «более двух десятков крупных и ценных исследований» [Копия письма из МО СССР...].

А.А. Арзуманян, хорошо знавший Н.И. Исаева, решил использовать его опыт, аналитический потенциал и контакты в Генеральном штабе и приказал «с целью обеспечить необходимые масштабы и должное качество исследований технико-экономических явлений и процессов, происходящих в капиталистических странах», а также в соответствии с Постановлением Президиума АН СССР от 09.12.1960 г. № 1065 создать в ИМЭМО

отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ)¹ в составе пяти секторов. Исаева Арзуманян назначил в ОТЭИ заведующим сектором размещения производства и производственных связей [Приказ № 255...]. Опыт работы с кадрами позволил Н.И. Исаеву подобрать в сектор талантливую молодежь.

Позже, когда в отделе назрели разногласия касательно дальнейшего развития исследований и началась реорганизация, обусловленная в том числе сведением счетов, Н.И. Исаев не мог согласиться с таким подходом. В апреле 1965 г. он уволился из ИМЭМО по собственному желанию и ушел заведовать сектором в ВИНТИ АН СССР, руководство которого приветствовало разработанную ветераном советской военной разведки концепцию исследования актуальных направлений технико-экономического развития капстран [Приказ № 148...].

По иронии судьбы и законам профессии, разведчик становится известным, потерпев профессиональное фиаско. Некоторых из таких, склонных к самопиару, Л.В. Шебаршин язвительно именовал «видимыми бойцами невидимого фронта» [Шебаршин]. Но много талантливых разведчиков, успешно выполнив свой долг перед страной, молча канули в Лету. Достоин ушел в безмолвие и Н.И. Исаев.

Литература

Бойко В.Р. Большой Хинган — Порт-Артур. М. 1990.

Василевский А.М. Дело всей жизни. Воспоминания. Книга 2. М. 1988.

Денлингер С., Гери Ч. Война на Тихом океане. М.-Л. 1939.

Исаева Ю.Н. Три четверти века тому назад (хроника одной жизни). М. 2015.

Кокошин. А.А. Об отечественном военно-теоретическом наследии 1920–1930-х гг. и проблемах его современного осмысления и использования // РСМД. 08.12.2023. — URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-otechestvennom-voenno-teoreticheskom-nasledii-1920-1930-kh-gg-i-problemakh-ego-sovremennogo-osmysl/?sphrase_id=196603744 (дата обращения: 11.04.2025).

Копия письма из МО СССР, ГШ ВС СССР от 07.04.1960 г. за №279 // Архив ИМЭМО РАН.

Личное дело Арзуманяна А.А. // Архив ИМЭМО РАН.

Личное дело Исаева Н.И. // Архив ИМЭМО РАН.

Личное дело Исаевой Ю.Н. // Архив ИМЭМО РАН.

Лота В.И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918–1945 гг. М. 2008.

Приказ № 148 от 21.04.1965 // Архив ИМЭМО РАН.

Приказ № 255 от 28.12.1960 // Архив ИМЭМО РАН.

Шебаршин Л.В. Хроники Безвременья: Заметки бывшего начальника разведки. М. 1998.

1 Существуют различные, основанные на неизбежно субъективных воспоминаниях, версии создания ОТЭИ ИМЭМО. Поскольку с этим отделом связана работа Н.И. Исаева на определенном этапе его жизни, было бы полезным опираться в том числе на архивные факты, подтверждающие воспоминания Ю.Н. Исаевой, чье научное становление прошло в ИМЭМО с октября 1957 г. по июнь 1972 г.

Denlinger S., Gary Ch.B. War in the Pacific: A Study of Navies, Peoples, and Other Battle Problems.
N.Y. 1936.

An Official Guide to Japan. Tokyo. 1933.

*Автор и семья Н.И. Исаева выражают благодарность архивным
службам МИД России и ИМЭМО АН СССР/РАН, друзьям семьи и кол-
легам, оказавшим содействие в доступе к архивам и предоставив-
шим свои воспоминания.*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-22-44

УДК 94; 327

СТИВЕН ВЕРТХАЙМ

Инструментальный интернационализм: Американские истоки Организации Объединенных Наций. 1940–1943

Аннотация. Вопрос о том, почему Соединенные Штаты захотели создать Организацию Объединенных Наций, получил поверхностное освещение в историографии, несмотря на тщательное изучение конференций 1944–1945 гг., где непосредственно учреждалась ООН. Ответ кроется в более раннем периоде Второй мировой войны, с середины 1940 по 1942 г., когда под давлением стремительно развивавшихся событий американские официальные лица и экспертный истеблишмент решили, что их страна должна не только вступить в войну, но и надолго стать по ее завершении мировым лидером. Среди тех, кто разрабатывал послевоенный курс, в 1941 г. неофициально, а в 1942 г. уже под эгидой Госдепартамента, идея международной политической организации приобрела популярность потому, что в ней увидели незаменимый инструмент для реализации послевоенного мирового первенства США, для умножения, а вовсе не ограничения американской мощи. Разработчики послевоенной стратегии посчитали, что всемирная организация легитимирует мировое верховенство США в глазах американской общественности, так как она будет восприниматься символом кульминации интернационалистских стремлений покончить с политикой с позиции силы, хотя в своем проекте ООН сами они исходили из радикальной критики Лиги наций именно за то, что она претендовала на преодоление политики силы.

Ключевые слова: интернационализм, изоляционизм, всемирная международная организация, Вторая мировая война, Организация Объединенных Наций, Соединенные Штаты, Госдепартамент, Лига Наций.

Когда в Европе началась Вторая мировая война, мало кто из американцев предполагал, что Соединенные Штаты вскоре присоединятся к общей международной организации, не говоря уже о том, чтобы стать главным творцом новой. Не допускали этого даже виднейшие сторонники Лиги Наций. Куинси Райт, один из выдающихся политологов своего времени, в частной переписке высказывал убеждение, что на протяжении ближайших десятилетий международная организация будет иметь «второстепенное значение в мировых делах» [Quincy Wright to Manley Hudson...]. К лету 1940 г.

Сведения об авторе: ВЕРТХАЙМ Стивен (Wertheim, Stephen) — старший научный сотрудник Программы государственного управления Фонда Карнеги; приглашенный исследователь Центра глобальных проблем права Йельской школы права Йельского университета; доктор философии по истории (Колумбийский университет, 2015), stephen.wertheim@columbia.edu.

перспективы стали еще туманнее. Когда Гитлер за шесть недель захватил Францию, шокировав всех, включая собственных генералов, это лишний раз убедило американских наблюдателей, что их страна была права, держась в стороне от международного порядка, который оказался так легко сметен.

Однако к концу 1942 г. США уже планировали создать преемницу Лиги Наций. Президент Франклин Д. Рузвельт собрал советников Госдепартамента для обсуждения послевоенного устройства мира, и они решили основать новую международную политическую организацию с универсальным членством и участием США.

Почему Соединенные Штаты решили в первую очередь создать то, что стало Организацией Объединенных Наций? Почему был выбран принцип универсальности, охватывающий каждое государство независимо от его размеров, в противовес таким альтернативам, как свобода односторонних действий, англо-американское партнерство, «концерт» великих держав или отдельные региональные системы?

Удивительно, но этот вопрос остается без ответа. Исследования американских источков ООН сосредоточены на более поздних этапах, от стартовавших в 1943 г. переговоров главных держав до конференций в Думбартон-Оксе и Сан-Франциско и ратификации Сенатом США Устава ООН [См.: Bosco; Divine; Hilderbrand. Dumbarton Oaks... Hoopes, Brinkley; Schlesinger]. Но, как показывает почти единогласное голосование Сената (89 голосов «за», 2 против), эти знаковые форумы в основном доработали и реализовали уже имевшуюся базовую концепцию. Сама же концепция создания ООН нуждается в объяснении — ее нельзя просто принять за данность¹.

Ведь Лига Наций в глазах многих, включая планировщиков Рузвельта, выглядела полным провалом. Она не смогла разрешить важнейшие политические споры, и не только потому, что Америка стояла в стороне. Потерпела провал концепция Лиги Наций, которая изначально конструировалась не столько для вооруженного противодействия агрессору, сколько для выражения «общественного мнения», понимаемого как мировое общественное сознание [См.: Jaeger. P. 589–618; Mazower, *Governing the World...* Ch. 5; Thompson. P. 113–125; Wertheim. *Reading the International...* P. 27–63]. К осени 1940 г. такой подход уже казался более чем наивным. Стремление выйти за рамки политики силы вылилось в наблюдение за тем, как страны Оси захватывают почти половину мира.

1 Данная статья опирается на ряд работ, в которых прослеживается ход планирования послевоенной политики в Государственном департаменте и других инстанциях в период с 1940 по 1943 г.: [Borgwardt; Hearden; Husain; Johnstone. *Against Immediate Evil...*; Johnstone. *Dilemmas...*; O'Sullivan; Smith]. Однако, в отличие от названных публикаций, главная задача данной статьи состоит в поиске объяснения, почему США в принципе захотели создать универсальную политическую организацию. Подчеркивается значение такого фактора, как поиск внутренней легитимации. Утверждается, что решающий поворот произошел в процессе работы по послевоенному планированию, проводившейся вне правительственных структур в 1940 и 1941 гг.

В 1940–1942 гг. в американском мышлении произошла революция, но не в том смысле, что американцы вернулись к прежнему интернационалистскому проекту (времен Вильсона. — Прим. редакции). Вместо этого госчиновники и интеллектуалы переосмыслили словарь интернационализма, чтобы выковать нечто новое: приверженность военно-политическому превосходству США в мировых делах. Под давлением международной катастрофы внешнеполитические элиты решили, что их страна должна взять бразды правления послевоенным миром и что мировое лидерство исключает всемирную организацию. Когда в 1940–1941 гг. архитекторы будущего набрасывали первые чертежи американского господства, они представляли, что Соединенные Штаты будут выполнять функцию мирового жандарма посредством тесного партнерства с Великобританией и ее доминионами белых переселенцев, но ни с кем больше. Идея состояла в том, чтобы проецировать «американо-британскую» власть на международный уровень, а не контролировать силу через международную организацию.

Только в 1942–1943 гг., поняв, что великодержавная исключительность оттолкнет американскую общественность, разработчики послевоенного курса (а затем и Ф.Д. Рузвельт) увидели преимущества в более широкой глобальной инстанции. Если бы удалось совместить американское превосходство с универсальной формой, то такая новая международная организация могла бы одновременно облегчить глобальное господство США и завоевать поддержку американского народа, а также развеять подозрения других государств. Целенаправленное использование американского наследия — противостояния силовой политике, а также интернационализма и международной организации легитимировало бы американское доминирование с позиции силы гораздо эффективнее, чем любой национальный односторонний курс или ограниченный альянс.

Дорога к ООН, таким образом, пролегла через парадоксы. Отказываясь замалчивать их, автор данной статьи предлагает иную объяснительную схему, отличную от линейной логики тех немногих текстов, где всерьез учитывается осмысление и планирование послевоенного мира в первые годы Второй мировой войны. Все они трактуют ООН как продукт «Речи о четырех свободах», Акта о ленд-лизе и Атлантической хартии, хотя ни в одном из трех этих источников всемирная организация даже не упоминается¹. Получается, что мировое лидерство и всемирная организация взаимно подразумевали друг

1 В большинстве описаний историками «политика Четырех свобод, Атлантической хартии и ООН», как выражается Дэн Плеш, сводится к телеологической прогрессии и единому пакету мер. Плеш, например, утверждает, что ООН выросла из Декларации двадцати шести государств, которая, в свою очередь, «основывалась на речи Рузвельта о "Четырех свободах" в январе 1941 г. и Атлантической хартии, подписанной им и Черчиллем в августе того же года». Элизабет Боргвардт увязывает Атлантическую хартию с принципом «многосторонних институтов», заявляя, что Хартия «предвосхитила ориентацию на верховенство права, заложенную в Нюрнбергском уставе, коллективную безопасность, сформулированную в Уставе ООН, и даже идеологию свободной торговли, заложенную в Бреттон-Вудских соглашениях, учредивших Всемирный банк и Международный валютный фонд». Дэвид Рейнольдс резюмирует консенсусную точку зрения: «Четыре свободы, Атлантическая хартия и Декларация ООН стали ориентирами для нового международного порядка» [Plesch. P. 2, 9; Borgwardt. P. 5; Reynolds. From World... P. 328].

друга, были чуть ли не двумя сторонами одной и той же «интернационалистской медали» (тезис, более-менее прямо выдвинутый политологом Г. Джоном Айкенберри)¹. Именно такую трактовку в свое время продвигали сами архитекторы мирового лидерства США: они превратили вооруженное превосходство в воплощение «интернационализма», привязав его к идеалу международной организации и противопоставив тому, на что они наклеили обновленный ярлык «изоляционизм». Дуализм «интернационализма» и «изоляционизма» прикрывал то, что целью теперь стало превосходство и эта цель была противоположной традиционному интернационализму с его стремлением положить конец войнам и господству сильных над слабыми. В реальности разработчики американской послевоенной стратегии первоначально предпочитали мировое лидерство без мировой организации, да и потом, даже объединив два эти концепта, отдавали приоритет первому².

Вместо того, чтобы вторить своекорыстным концепциям, используемым приверженцами превосходства США, данная статья показывает, как по мере развития событий формировались реальные концепции. Для этого вначале дается краткий обзор того, на какой основе американские эксперты мыслили глобальное верховенство США в 1940–1941 гг., а затем анализируется поворот к разработке в Госдепартаменте проекта всемирной организации. Американские создатели ООН ценили свое творение в сугубо инструментальном смысле и не стеснялись говорить об этом. Международная организация больше не мыслилась как апофеоз мирового духа или сосуд вечного мира — она стала средством для достижения цели. Интернационализм описал полный круг

1 Дж. Айкенберри считает, что США создали высоко институционализированный послевоенный порядок, в рамках которого они согласились с ограничениями на осуществление своей власти, чтобы укрепить и продлить свое первенство. Его аргументация отчасти основана на тезисе, что Соединенные Штаты по своей природе являются «сдержанной сверхдержавой»: поскольку они не стремились к подчинению других, они с готовностью приняли институциональные ограничения. На самом деле, как показывается в данной статье, американские госчиновники и привлеченные ими аналитики ценили демонстрацию подавляющей военной мощи выше создания универсальной политической организации. Неслучайно они сначала полностью исключали последний вариант и приняли его только после того, как из проекта были вычеркнуты наиболее обязывающие положения о коллективной безопасности [Ikenberry. P. 201–202].

2 Данное утверждение опирается на трактовки Роберта Хильдебранда и Марка Трахтенберга, которые подчеркивают политико-силовые аспекты Устава ООН, разработанного в 1944–1945 г. Однако они игнорируют вопрос о том, почему в 1940–1943 гг. официальные лица США вообще пришли к решению создавать универсальную политическую организацию. Концентрируясь на первых годах войны, данная статья оспаривает тезис Хильдебранда, что только на Думбартон-Окской конференции 1944 г. свойственные «большой четверке» «националистические мечты о гегемонии» разрушили более креативный и амбициозный замысел международной организации, имевшийся у американских планировщиков. Напротив, именно эти планировщики с осени 1940 г. работали над выстраиванием послевоенной гегемонии во главе с США, отказываясь тогда, как отмечает сам Хильдебранд, от любой всемирной организации с всеобщим членством [Hilderbrand. Dumbarton... P. X; Hilderbrand, Trachtenberg. P. 218–219].

с XVIII в.: мечта об упразднении политики силы превратилась в инструмент управления миром¹.

Такой итог вряд ли просматривался в быстро меняющихся обстоятельствах первых двух лет войны, до японской бомбардировки Перл-Харбора в декабре 1941 г., ввергнувшей США в войну. Однако с самого начала было ясно, что вильсоновский рецепт большой политики провалился как практически, так и концептуально. Когда в начале 1940 г. Государственный департамент собрал свой первый комитет по послевоенному планированию, все согласилось со словами помощника госсекретаря Адольфа Бёрла: «Участие Соединенных Штатов в политическом объединении, подобном Лиге Наций, вероятно, невозможно». Комитет желал восстановления мировой торговли, предпочтительно через некую международную экономическую организацию, но все его 15 членов делали ставку на сочетание экономического универсализма с политическим регионализмом. Лига Наций, фантазировали они, распадется на географически разделенные организации, государства Европы прекратят боевые действия, разоружатся и войдут в континентальное политическое объединение, способное поддерживать мир с помощью международных военно-воздушных сил и благодаря отмене единогласного принятия решений. Соединенные Штаты в любом случае останутся в пределах своей «естественной и действительной» панамериканской сферы [Berle. Organization of Peace... См. также: Advisory Committee...January-May 1940].

Эти планы отражали урок 1930-х годов: любая эффективная система безопасности зависит от готовности великих держав применять силу для защиты либерального порядка. Но что если одним из таких защитников, применяющих силу, станет нацистская Германия или англо-французский блок, захотевший лишить Америку возможности торговать? [A. Berle Diary...] Какой рычаг могла бы использовать нейтральная Америка, чтобы задать контуры послевоенного устройства? По признанию одного из аналитиков, слишком много кругов нужно было свести к квадратуре: «Я предпринял несколько попыток изложить на бумаге свои концепции мирового порядка и уничтожил результаты, так как увидел, что они были слишком конкретизированными» [Wilson. World Order...].

Тот комитет был распущен после мая 1940 г., когда немецкое завоевание Европы сделало неактуальной конференцию нейтральных стран, на которой сосредоточились его планы.

Если в государственном аппарате с трудом видели перспективу всеобщей международной политической организации, то сторонники Лиги Наций вне администрации были дезориентированы не меньше. Приверженцы вильсонианства отреагировали на начало войны в Европе созданием Комиссии по изучению организации мира (CSOP) — пожалуй, самой влиятельной неправительственной группы, пропагандировавшей в военный период международную организацию. Возглавил группу историк Джеймс

1 Об истории либерального интернационализма в Европе и Америке см.: [Bell; Mazower. Governing... Mazower. No Enchanted... Sluga; Clavin].

Шотвелл, ответственный за антивоенный пакт Бриана — Келлога 1928 г., а попытками наметить контуры нового международного порядка руководил (в 1940–1941 гг.) Куинси Райт [См. Johnstone.Against... Josephson. Ch. 13; Simpson. P. 317–324] Однако все усилия этих эмблематичных фигур вильсонианства лишь выявили смятение в их умах. Утратив веру в «общественное мнение» как основу международного порядка, они столкнулись с незавидным выбором: вывести Лигу Наций из большой политики, ограничив ее социально-экономической деятельностью, или поддержать принцип принудительных санкций, что выглядело невыполнимым практически и противоречило их интернационалистским устремлениям.

Для некоторых членов CSOP, таких как корпоративный юрист и будущий госсекретарь Джон Фостер Даллес, «исключительно консультативная» Лига Наций представляла собой максимум того, чего можно было достичь, и единственное, к чему могла бы присоединиться Америка [J. Foster Dulles to Wright... Также см.: P. Jessup to Wright... A. Wolfers to Wright...]. В апреле 1940 г. Дж. Шотвелл предложил, чтобы CSOP продвигала идею Лиги, занятой только экономическими и социальными вопросами [J. Shotwell to Wright...]. Это не удовлетворило К. Райта, который отказался умерить амбиции и расстаться с целью покончить с политикой силы. «Мы должны докопаться до сути и заняться проблемой безопасности», — писал Райт. Он критиковал «социальщиков» за повторение ошибочного представления 1920-х годов, что сотрудничество в неполитических областях будет распространяться на другие сферы [Wright to C. Eagleton...]. Однако проблема безопасности не имела решения, и Райт был близок к признанию этого. При нынешнем состоянии общественного мнения, писал он, эффективная международная организация требует «подавляющей силы», но невозможно сказать, откуда эта сила возьмется, не говоря уже о том, как ее можно регулировать [Second Draft of Statement...Также см.: Wright Q].

Не имея возможности разработать подробные планы, CSOP вплоть до конца 1940 г. выступала с расплывчатыми публичными заявлениями. Она сосредоточилась на продвижении идеи участия США в мировой политике, утверждая, что желание участвовать важнее, чем форма, которую их участие примет [C. Eagleton to Wright...].

Планирование послевоенной системы обрело новую актуальность, когда вермахт весной и летом 1940 г. одержал верх в «странной войне», нацисты прошли маршем по Парижу и Гитлер превратился в единственного хозяина Европы. Германская военная машина, казалось, захватит Британские острова, а возможно, и Британскую империю. Полная смена структуры геополитической власти доказала американским наблюдателям, что либеральные формы взаимодействия, не способные, вопреки ожиданиям интернационалистов, заменить вооруженную силу, фактически зависят от нее как от фундамента.

Эксперты — особенно в полуофициальных кругах, таких как Совет по международным отношениям (CFR), который занимался вопросами послевоенной политики от имени Госдепартамента с начала 1940 г. до Перл-Харбора, — судорожно вычисляли

территорию американских интересов, подлежащую силовой защите [См. Shoup, Minter. Ch. 4; Smith. Ch. 10; Santoro; Schulzinger; Wertheim, *Tomorrow, the World...* Chs. 1–3]. Сначала, в июне и июле, они полагали, что послевоенные Соединенные Штаты смогут занять не более «половины полушария», от Северной Америки до середины Бразилии. Такой вариант не выглядел катастрофическим в узком материальном плане: экономисты CFR подсчитали, что в основном автономная экономика США, при торговле на этом пространстве, будет функционировать адекватно [Wertheim. *Tomorrow, the World...* P. 93–95, 104–106]. Осенью, однако, Великобритания показала, что может противостоять натиску нацистов, и американские внешнеполитические элиты решили, что США должны защищать не только все полушарие, но и, по сути, весь мир, за исключением Европы, которая, как виделось, останется подчиненной нацистам. Результатом стал тезис, открывший новую эпоху во внешнеполитической истории США: Соединенные Штаты должны обладать преобладающей военной мощью на максимально возможной части земного шара. Эта концепция, получившая внутри Совета по международным отношениям рабочее название «Большая область», лежала в основе американского послевоенного планирования на протяжении большей части 1941 г. Весной Конгресс принял Акт о ленд-лизе, чтобы помочь союзникам; американская политическая система действовала исходя из предположения, что национальная безопасность США зависит от выживания британского флота в Атлантике и благоприятного баланса сил в Европе и Азии¹.

Именно в этом контексте издательский магнат, основатель *Time*, *Life* и *Fortune*, Генри Люс выступил в феврале 1941 г. со своим знаменитым призывом к «американскому веку». «Полная возможность лидерства — у нас», — заявил Люс. Он провозгласил это во имя «интернационализма», но ни разу не упомянул международную организацию. На каком основании называл он себя «интернационалистом»? Ответ кроется в обращении Люса к «престарым, избитым ярлыкам — вопросу изоляционизма и интернационализма» [Luce. P. 63]. Люс отстаивал интернационализм постольку, поскольку он был против «изоляционизма» — клише, навешиваемого на противников не столько вхождения в международную организацию, сколько военных вмешательств.

Этот дуализм «интернационализм — изоляционизм», хотя и названный Люсом устаревшим, был на самом деле новым. Только в середине 1930-х годов термин «изоляционизм» начал циркулировать в американском политическом дискурсе — почти всегда не как самоопределение, а как оценочный эпитет [Blower. P. 345–76; Wertheim. *Tomorrow, the World...* P. 57–62]. Те, кто считали себя интернационалистами, переосмыслили это слово и собственный проект, противопоставляя его новому «изоляционистскому» имиджу оппонентов. Американский «изоляционизм», утверждали они, привел к мировому кризису, цепляясь за устаревшее ограничение политических и военных обязательств США рамками Западного полушария [См., например, Lippmann. P. 11.]. Смыслы «интернационализма», направленные против национализма и политики силы, отошли на

1 Об истоках американского глобализма в 1940–1941 гг., с упором на Рузвельта и большую дипломатию, см. [Reynolds. *From Munich...* Schmitz].

задний план. Интернационализм теперь стал означать антиизоляционизм; он подразумевал прежде всего проецирование военной мощи США за пределы Западного полушария и, в принципе, повсюду, где только могли обнаружиться чья-то военная сила и ее источники.

В результате оказалось возможным бороться против «изоляционизма», не будучи сторонником членства в международной организации. Растущее число американцев, поддерживавших вступление во Вторую мировую войну и последующую политику вооруженного превосходства, не обязательно становились приверженцами Лиги Наций или какого-либо нового подобного объединения. На первый план вышел совершенно иной способ устройства послевоенного мира.

На протяжении большей части 1941 г. разработчики американской послевоенной стратегии предполагали, что Соединенные Штаты вступят в исключительное партнерство с Великобританией и ее империей белых доминионов. В июле в Совете по международным отношениям наметили план «постоянной политической связи» с Британским Содружеством [Sharp. The Political...]. Для группы, отвечавшей за политическое планирование в Совете (ее возглавлял, международный бизнесмен и давний сторонник англоязычного единства Уитни Шепардсон), американо-британское объединение было привлекательным по той же причине, по которой всемирное объединение было малопривлекательным. Только первое могло обладать подавляющей военной силой «под контролем тех, чьи эгоистические интересы обеспечат ее применение», как выразился один из членов Совета, военный обозреватель Джордж Филдинг Элиот [Memorandum of Discussions. №. P-A5...]. Планировщики Совета по международным отношениям искали модели для американо-британского сотрудничества не в Лиге Наций, а в Имперских конференциях доминионов Британской империи и в межправительственных структурах союзников времен Первой мировой войны [Sharp. Institutional Arrangements...].

Одна из причин, по которой элиты США сплотились вокруг идеи «американо-британской» структуры, заключалась в том, что «американское» стояло перед «британским»: они уверились, что Соединенные Штаты станут старшим партнером. Эта перспектива, казавшаяся сомнительной во время Первой мировой войны, в 1941 г. считалась вероятной по обе стороны Атлантики. «Pax Americo-Britannica», «американо-британский мировой порядок» — так Арнольд Тойнби, писавший для спонсируемой Форин офисом Британской службы внешнеполитических исследований и прессы (подразделения Chatham House — прим. ред.), характеризовал желанное будущее [Цит. по: Douglas. P. 107–8].

Обозреватель журнала Fortune Рэймонд Лесли Бьюэлл придумал формулу «американо-британское лидерство». Большую часть межвоенного периода Бьюэлл руководил исследованиями для Ассоциации внешней политики и критиковал то, что он называл «американским империализмом» в Латинской Америке и европейским колониализмом в Африке; Бьюэлл хотел, чтобы интервенционизм великих держав был поставлен под международный контроль и регламентировался общественным мнением [Buell. P. 73].

Но в 1940 г., встревоженный нацистским «новым порядком», он покинул прежний пост, чтобы возглавить отдел послевоенной политики в издательском доме Г. Люса. Теперь он высмеивал Лигу Наций, именуя ее «безлидерным международным органом». «В будущем, — писал Бьюэлл, — Америка не сможет сражаться в поддержку системы безопасности, компетенцию и функционирование которой она не контролирует» [Buell to TIME Inc...].

В августе идея исключительного американо-британского сотрудничества достигла кульминации в Атлантической хартии, провозглашенной Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем у берегов британского доминиона Ньюфаундленд. Историки часто оценивают Атлантическую хартию как шаг к возрождению всемирной организации [см. напр.: Hoopes, Brinkley. P. 40; Kennedy. P. 25; Plesch. P. 24–27]. Для Рузвельта это было вовсе не так. Когда Черчилль предложил высказаться за «эффективную международную организацию», Рузвельт вычеркнул это словосочетание, заменив его обтекаемой формулой «более широкая и постоянная система всеобщей безопасности». Он заявил британскому премьеру, что только Америка и Великобритания, а не какая-то всемирная организация, могут поддерживать мир после войны [Department of State... 11 August 1941 (11 a.m. meeting)]. Советник президента, заместитель госсекретаря Самнер Уэллс выразил протест, обескураженный небрежным замечанием Рузвельта, что «ничто не может быть бесполезнее, чем воссоздание такого органа, как Ассамблея Лиги Наций» (цитируется в пересказе Уэллса). Но Рузвельт и ухом не повел. Возможно, новая Лига Наций может оказаться полезной в будущем, сказал он. До этого момента осуществлять полицейскую опеку будут Соединенные Штаты и Великобритания, и ни одна другая страна не сможет эффективно участвовать в этом [Department of State... 11 August 1941 (afternoon meeting)]. Как прокомментировали аналитики Совета по международным отношениям, «восемь пунктов» Атлантической хартии «далеко не дотягивают до “четырнадцати пунктов” Вильсона в плане поддержки всеобщего (или хотя бы регионального) международного механизма, посредством которого рузвельтовские «основные свободы человека» [то есть «четыре свободы», выделенные в ежегодном обращении Рузвельта к Конгрессу в январе 1941 г. — прим. ред.] могли бы стать реальностью» [Sharp. Comparative Analysis...].

Атлантическая хартия ознаменовала собой пик интереса Америки к объединению с Британской империей для исполнения роли мирового полицейского. По сути, Хартия была созвучна высказанному два месяца спустя призыву военно-морского министра Фрэнка Нокса установить на ближайшие сто лет американо-британское господство на морях. «Могут сказать, что это опасная сила, коль скоро ею управляют столь немногие», — сказал Нокс. — И в этом доводе есть доля истины. Но как бы неубедительны и неадекватны ни были побуждения американцев и британцев к всеобщему благу и развитию цивилизации, какой бы вероятной ни была возможность злоупотребления такой властью, все же гораздо опаснее, если бы эта власть перешла в руки агрессивных наций, стремящихся к собственному эгоистическому возвеличиванию» [Knox. P. 18].

То, что было мечтой У. Шепардсона, представлялось Ф. Ноксу трагической необходимостью, но оба не скрывали, что предпочитают американско-британскую вооруженную гегемонию любой универсальной конфигурации.

Таким образом, в официальных коридорах отвергали варианты общего с остальными государствами контроля над международной властью. С этой позицией были практически согласны и бывшие пропагандисты вступления в Лигу Наций. Они отложили идею всемирной организации на отдаленное будущее — после переходного периода под американско-британским руководством. Такой позиции группа CSOP придерживалась с ноября 1940 г. по февраль 1943 г. В июне 1941 г. CSOP выступила за создание «совместных американско-британских военно-морских и военно-воздушных сил с необходимыми базами и подсобными службами, достаточно мощных для патрулирования морей и локализации вспышек насилия на суше». Такие силы должны были действовать «на начальном этапе» или, в ином варианте, «столько времени, сколько потребуется» [CSOP...]. Другими словами, Комиссия по изучению организации мира, как жаловался один из ее членов, предусматривала «более или менее бессрочную диктатуру Великобритании и Америки» [R.S. Greene to C. Eagleton...].

Этот диссидент из CSOP был не одинок. Когда Рузвельт и Черчилль приняли Атлантическую хартию, им не удалось произвести впечатление на одну из своих ключевых аудиторий — американскую общественность и ее представителей. Хартию осудили не только противники вступления США в войну [Например, Johnson Says... Р. 6; Taft. Р. 284]. Сторонники вступления в военные действия из Совета по международным отношениям были вынуждены констатировать, что Хартия «упала как мертвая утка» на Конгресс и общественность [Memorandum of Discussions. №. P-A14...]. Артур Свитсер, журналист, работавший в секретариате Лиги Наций, возглавил в рамках Совета политическую группу, язвительно критиковавшую Атлантическую хартию — не столько за ее содержание, сколько за прозрачность ее логики. Как отмечала эта группа в своих рекомендациях Госдепартаменту, «проектируемому американско-британскому патрулированию морей может быть слишком легко придан империалистический оттенок, причем не только пропагандистами стран Оси, но и совершенно искренними людьми» [A Comparative Analysis...]. Планировщики опасались, что союз с одной лишь Великобританией будет слишком неприкрытым и узким, чтобы получить общественную поддержку внутри страны.

Тогда американская политическая элита, которая в течение двух предшествовавших лет высмеивала саму идею всеобщей политической организации, начала обсуждать, не следует ли все же создать такую организацию. 26 августа, менее чем через две недели после провозглашения Атлантической хартии и впервые с момента поражения Франции, аналитики Совета провели по этому поводу продолжительные дебаты [Memorandum of Discussions. №.P-A14...]. К ноябрю руководители Фонда Вудро Вильсона отметили «весьма определенные признаки возвращения общественного интереса и благосклонности как к г-ну Вильсону, так и к программе, которую он отстаивал» [A. Sweetser to the Board...]. Это был неявный, но важный сдвиг, вызванный скорее внутренними соо-

бражениями, чем внешними. Проектировщики послевоенного мира опасались, что общественность США, под [негативным] впечатлением от формулы Атлантической хартии, откажется от мирового лидерства, а возможно, и от участия в международных делах вообще. Как заявил на заседании политической группы Совета по международным отношениям президент Университета Брауна историк Генри Ристон, было «критически важно начать здесь и сейчас перевоспитывать американский народ в духе его международных обязанностей». Лучшим средством для этого, по мнению Ристона, было вовлечение Соединенных Штатов в международные институты и совместные обязательства в неспорных областях, подрывая общественное сопротивление посредством символических актов сотрудничества [Memorandum of Discussions №. P-A16...].

Кроме того, имелась вторая причина. После того, как нацисты вторглись в июне на территорию Советского Союза, в США забеспокоились, что исключительное англо-американское соглашение может оттолкнуть СССР и другие государства. Как резюмировал А. Свитсер, «союз порождает союз». Меморандум, направленный Свитсером в сентябре в Государственный департамент, предупреждал, что «англо-американизм, если им не “управлять” самым тщательным образом, может выглядеть как претензия на мировую гегемонию, а панамериканизм — как эксклюзивистская или разделяющая позиция» [Sweetser]. По той же причине, по которой американо-британская исключительность возмутила американскую общественность (то есть из-за проглядывающей логики политики силы) она могла спровоцировать подобную реакцию со стороны государств-соперников. Возможно, некая более широкая, всемирная конструкция могла бы лучше реализовать цели американо-британского лидерства.

Как именно? Говоря конкретнее, как мировая организация могла бы создать ощущение общего участия, не предполагая общего контроля? Этот вопрос только начали ставить в 1941 г., когда столкнулись парадигмы американо-британского полицейского управления и всемирной организации. Тем не менее еще до официального вступления США в войну американская внешнеполитическая элита начала склоняться к новой позиции: Соединенные Штаты должны возглавить послевоенный мир, и обеспечить это может всемирная организация.

За четыре месяца, прошедшие с момента принятия Атлантической хартии до Перл-Харбора, идея всемирной организации восстала из мертвых, но не путем простого возрождения. Американская политическая элита не пересмотрела свой взгляд на Лигу Наций, задуманную и по-прежнему воспринимавшуюся как инструмент выражения общественного мнения и сдерживания военной силы. В противоположность ей новая всемирная организация приобрела привлекательность как инструмент управления общественным мнением и проецирования военной мощи. Проектировщики надеялись объединить суть, то есть мировое господство США в партнерстве с Великобританией, с универсальной формой. Новая организация должна была представить в привлекательном свете то, что в реальности обеспечивает порядок — подавляющую силу принуждения, имеющуюся наготове прежде всего у Америки. Как писал Свитсер, «с активной Америкой мир будет одним, с бездеятельной Америкой — другим» [Sweetser].

Через две недели после нападения Японии на Перл-Харбор и вступления США в войну президент Рузвельт одобрил создание правительственного комитета по планированию, который должен был продолжить работу, начатую Советом по международным отношениям [Advisory Committee on Post-War...]. Консультативный комитет Государственного департамента по послевоенной внешней политике впервые собрался 12 февраля 1942 г. в кабинете заместителя госсекретаря Самнера Уэллса [Advisory Committee... Minutes 1. Meeting of 12 February 1942]. Человек Рузвельта в Госдепартаменте, Уэллс возглавлял этот комитет вплоть до весны 1943 г., направляя дискуссии и подытоживая решения при достижении согласия по тому или иному вопросу. Минув государственного секретаря Корделла Халла, он напрямую информировал Рузвельта о работе комитета. Именно Уэллс (больше чем кто-либо другой) уговорил к марту 1943 г. скептически настроенного президента США поддержать идею универсальной политической организации и добиваться ее одобрения Британией и СССР [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 14 August 1942].

На публике С. Уэллс позиционировал себя как «второе пришествие» В. Вильсона. Стоявший в ноябре 1941 г. у гроба Вильсона, он стал первым в ближайшем окружении Рузвельта, кто одобрил участие США в мировой организации. «Редко в истории человечества прозрение государственного деятеля оправдывалось столь трагически и столь скоро», — говорил он о Вильсоне. Американцы «должны снова обратиться за светом и вдохновением к идеалам этого великого провидца» [Welles. Address... P. 29, 32]. Высокая, но слабая похвала: пророк видит, но не делает. С самого начала планирования всемирной организации Уэллс выставил Лигу Нации антимodelью. Необходим, говорил он, «полностью свежий подход» [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 14 August 1942], иначе через десять лет после войны «мы не придем ни к какой утопии», а «те же старые зависть, страхи, ненависть и напряженность вновь заявят о себе» [Subcommittee... Minutes 2. Meeting of 14 March 1942]. Под руководством Уэллса аналитики Госдепартамента приступили к вопросу, каким образом США могли бы проецировать всю свою мощь в мире, склонном к войнам.

В начале 1942 г., когда Соединенные Штаты уже вступили во Вторую мировую войну, дипломаты и полуофициальные эксперты, собранные Госдепартаментом, считали послевоенное превосходство Америки свершившимся фактом. Проявляя возросшие амбиции по сравнению с командой Совета по международным отношениям, члены Консультативного комитета прогнозировали, что весь послевоенный мир объединится под руководством США. Исчезли сложные географические расчеты, выполненные в год падения Франции, чтобы определить, к управлению какой частью разделенного мира должны стремиться Соединенные Штаты. Теперь глобализм стал не требующей обоснования аксиомой. Американские интересы и ответственность «охватывают весь мир», подтвердил географ Исая Боумен, один из нескольких аналитиков Совета по международным отношениям, переведенных в группу Госдепартамента [Subcommittee... Minutes 3. Meeting of 21 March 1942]. Хотя новости с военных театров весной 1942 г. были неоднозначными, планировщики представляли себе поверженный послевоенный мир, смотрящий на Америку в поисках указующего пути. «Народы, измученные ныне гнетом

вражеских сил, действительно будут нуждаться в руководстве во всем, — отмечал Боумен в марте. — Так было в 1918–1919 гг. Их умы утратили полагание на себя и независимость, и они отчаянно искали того, кто отдавал бы приказы» [Subcommittee...Minutes 2. Meeting of 14 March 1942].

Разрушение Гитлером старого международного порядка, казалось, стерло всю предшествующую историю, вот только именно Соединенные Штаты, а не Германия должны определять будущее. Например, при обсуждении проблемы меньшинств в Европе С. Уэллс заметил, что, хотя нынешнее поколение считает перемещения населения жестокой практикой, «следующее поколение не будет чувствовать так же, а мы должны смотреть далеко вперед». И. Боуман, возглавлявший подкомитет по территориальным проблемам, согласился. «Люди стали привыкать к идее переселения меньшинств, — сказал он, — поскольку Гитлер весьма далеко продвинулся в этом процессе» [ibid].

Желанный мир — «тот мир, которого мы хотим», как выразился один из членов Консультативного комитета — казался достижимым, но одно препятствие выделялось среди остальных [Advisory Committee...]. Это был не Советский Союз с международным коммунизмом. Хотя некоторых планировщиков тревожила возможность российского доминирования в Восточной Европе (а следовательно, и в Германии и в Западной Европе), опасения на этот счет оставались на заднем плане до самого конца 1942 г., пока Советский Союз все еще боролся за выживание. Нет, Комитет беспокоила проблема американского «общественного мнения». Редкая встреча проходила без того, чтобы кто-то не заметил, что все, к чему они стремятся, зависит от того, преодолеет ли общественность свое традиционное отвращение к участию в политических и военных делах вне Западного полушария. «С самой большой проблемой мы можем столкнуться дома, — говорил Боумен. — Как действовать, чтобы сохранить наше нынешнее ощущение ответственности, сегодня преобладающее у американской общественности, — сохранить его до наступления послевоенного периода и на протяжении его?» [Subcommittee...Minutes 4. Meeting of 28 March 1942]

Опросы общественного мнения были до известной степени обнадеживающими. Каждый из них, отмечал Уэллс, показывал, что общественность готова поддерживать мир и присоединиться к «международной организации, обладающей зубами» [Subcommittee...Minutes 9. Meeting of 2 May 1942]. Но никакие данные не могли унять тревогу планировщиков, убежденных в том, что «изоляциялизм» всегда может дать о себе знать. Дж. Шотвелл, включенный в число планировщиков Госдепартамента, писал: «Нынешняя война вызвала серьезную революцию в американском мышлении относительно проблемы национальной безопасности», — и тут же, несколькими предложениями ниже, сетовал, что «врожденная склонность американцев к их стародавней изоляции, вероятно, так же сильна, как и прежде» [Shotwell. Preliminary Draft]. Понимая мировое превосходство как нечто «неамериканское», проектировщики послевоенной стратегии стремились примирить свой проект с ценностями американской общественно-политической системы.

Это и было их главной озабоченностью, когда они задумывали создать новую всемирную организацию. 7 марта 1942 г. на первом заседании подкомитета по политическим проблемам, состоявшего из главных лиц большого Комитета, Уэллс заявил, что следует «точно исходить из того, что международная политическая организация будет создана». Практически не было дискуссий от том, как будет выглядеть такая организация. В основном обсуждали, когда провести мирную конференцию. Несмотря на ощущение, что Парижская (Версальская) конференция пыталась одновременно рассматривать слишком много проблем, они пришли к выводу, что Соединенным Штатам следует организовать мирную конференцию еще до окончания войны, чтобы «наша национальная воля к решению проблем установления мира со всеми их трудностями не рассеялась» [Subcommittee...Minutes 1. Meeting of 7 March 1942]. На следующем заседании, 21 марта, эта позиция была подтверждена. Только один аспект проекта международной организации удостоился обсуждения: необходимость ее скорого создания, чтобы закрепить «интернационализм» в общественном сознании и подавить «изоляционизм». Если отложить создание международной организации, то «американское общественное мнение может не поддержать нашу программу в достаточной мере, необходимой для ее продвижения», — предупреждал юрист Бенджамин Коэн из мозгового треста Рузвельта. Интенсивная работа прямо сейчас «дала бы время идеям кристаллизоваться в благоприятном виде до заключения перемирия». Уэллс согласился: «Если отложить создание международной организации, то это может дать американскому общественному мнению время отказаться от необходимого участия в международных делах» [Subcommittee...Minutes 3. Meeting of 21 March 1942]. Вопрос был решен — Соединенные Штаты, утверждал Уэллс, должны создать всемирную организацию и сделать это до окончания войны.

Приняв саму идею международной организации, планировщики обратились к ее структуре. Контуров того, что впоследствии стало Советом Безопасности ООН, наметились на заседании 28 марта. Члены подкомитета нашли способ совместить привилегии великих держав с универсальной формой. У них было три цели: создать эффективный полицейский аппарат, управляемый великими державами, сделать так, чтобы малые державы не чувствовали себя исключенными; обеспечить свободу действий Америки и получить согласие Сената на вступление США в организацию.

Подкомитет пришел к выводу, что начать следует с предоставления права принимать решения «большой четверке» во главе с США, в которую войдут Британия, Советский Союз и, возможно, Франция либо Китай. Этот узкий орган, опирающийся на военную силу, будет способен предпринимать решительные действия, в отличие от Совета Лиги Наций. Однако создать его нужно и можно, «не отбрасывая малые государства». Цель, заявил Гамильтон Фиш Армстронг из CFR, должна заключаться в «том, чтобы привить максимально широкое чувство сопричастности» остальным странам. Чувство сопричастности предстояло привить, поскольку речь шла, по сути, о симулякре участия. Планировщики задумались над вариантом, при котором в новом главном органе заседали бы еще четыре-пять малых стран, представляющих свои регионы на основе ротации, при условии что они будут лишены права вето, которым в Лиге Наций обладали все

ее члены в соответствии с правилом единогласия. Предполагалось, что «большая четверка», возможно, будет «самолично отбирать» представителей, направляемых этими государствами, чтобы обеспечить их пригодность. Когда Бёрл возразил, что этот план напоминает «стерильную интеллектуальную форму Совета и Ассамблеи Лиги Наций», Боумен заверил его в обратном. «Большая четверка» сохранит контроль в руках «тихой неосязаемой организации» за кулисами. Все, чего желали планировщики, — это найти средство, с помощью которого «все государства получили бы признание и возможность считать себя участниками принятия принятых решений». «Откровенно говоря, — подытожил Уэллс, — нам требовалась подачка для малых государств: некая организация, в которой они могли бы быть представлены и чувствовать себя участниками» [Subcommittee...Minutes 4. Meeting of 28 March 1942].

В середине июля Уэллс сформировал новый подкомитет под своим председательством (Подкомитет по международной организации), в задачу которого входила разработка проекта основополагающего акта для последующего представления его Рузвельту. После некоторых колебаний планировщики решили сохранить преемницу Ассамблеи Лиги Наций, чтобы побежденные державы и малые государства могли «встречаться и вентилировать свои обиды» [Subcommittee...Minutes 2. Meeting of 31 July 1942]. Рузвельт привел схожие обоснования, когда в марте 1943 г. излагал британцам в лице министра иностранных дел Энтони Идена предложение создать новую всемирную организацию. «Все наиболее важные решения» будет принимать «большая четверка», сказал президент. Всеобщая ассамблея будет собираться примерно раз в год, но не для принятия каких-либо действенных мер. Малые страны будут лишь «выпускать пар» [Цит. по: Hearden. P. 156]. В представлении Рузвельта и его планировщиков всемирная организация должна была увеличить влияние сильных и умиротворить слабых. Вклад последних в «международное общественное мнение» уже не имел такого значения, как для поколения Вильсона — неслучайно планировщики Рузвельта сначала предполагали опереться на американско-британский союз и лишь позднее добавили в свой проект другие страны.

Помимо предоставления более широких полномочий великим державам, чего не было в Лиге Наций, американские разработчики в процессе своей работы в 1942 г. решили развязать этим державам руки, а не ограничивать, даже номинально, соблюдением международных правил. Дж. Шотвелл провел большую часть межвоенного периода в поисках критериев для определения агрессии, чтобы международное сообщество могло брать на себя эффективные обязательства по наказанию агрессоров. Теперь он стал зачинщиком отказа от чего-либо подобного [Josephson. Ch. 7–9]. Планировщики отвергли статьи 10 и 16 Лиги Наций, которые обязывали государства-члены применять санкции. На этот раз великим державам, входящим в Совет Безопасности, предоставлялась полная свобода действий как в определении того, что Устав ООН назовет «угрозой миру», так и в решении, следует ли действовать и каким образом [Subcommittee...Minutes 2 and 4]. Вместо того, чтобы пытаться укрепить международное право и юридическое урегулирование споров, планировщики сознательно стремились подчинить их политике великих держав. Шотвелл самолично клеймил «склон-

ность американцев (в противоположность британцам) сваливать в одну кучу все виды международных споров в рамках юридического подхода. Определение актов агрессии является политическим вопросом, который может быть решен только политически учрежденным органом», утверждал он. Шотвелл предлагал даже отказаться от Постоянной палаты международного правосудия [Лиги Наций], чтобы вернуться к неформальным методам арбитража, преобладавшим до Первой мировой войны [Subcommittee... Minutes 2; Subcommittee... Minutes 3. 7August 1942]. Он был готов пожертвовать двумя десятилетиями стараний либеральных интернационалистов придать международной политике юридический формат, учредив постоянно действующий суд и настаивая на его задействовании при разрешении споров [См. Burks. P. 891–905; Coates. Ch. 7].

Замечание Шотвелла об устаревшей «американской склонности» подчеркнуло, какой большой путь за короткий период прошли идеи интернационализма. Теперь американские лидеры рассматривали международное сообщество с позиции первенства и стали относиться к свободе действий так же ревностно, как британцы в годы Первой мировой войны [Egerton. P. 92–94; Yearwood]. Президенту Рузвельту всемирная организация вообще не показалась стоящей затеей, когда Уэллс в апреле 1942 г. прислал ему предварительный набросок «Администрации Объединенных Наций» [Welles S. Seven... P. 133]. На протяжении всего 1942 г. Рузвельт был твердо уверен, что диктовать условия мира должна будет «большая тройка» либо «четверка», в зависимости от включения в нее Китая¹. Президент не собирался передавать контроль над войной и миром очередной Лиге Наций с десятками подписантов, которых нужно было удовлетворить.

Позже Уэллс показал ему, что передавать контроль не придется. На двухчасовой встрече с президентом в январе 1943 г. Уэллс изложил, как планировщики послевоенного мира придумали совместить контроль со стороны великих держав со всеобщим участием [O'Sullivan. P. 72–73; Welles B. P. 334]. В составе такой всемирной организации США могли бы осуществлять больший контроль, чем в рамках четырехстороннего концерта. Проект Уэллса предусматривал, например, обязанность каждой страны-члена предоставлять свои силы и объекты в распоряжение великих держав. Интернационализируя колонии и стратегические базы, он открывал мир для доступа американцев [Subcommittee... Document 123-e]. Подробный доклад Уэллса, возможно, переубедил Рузвельта; кроме того, к тому времени Рузвельт был уже больше расположен к территориальным соглашениям, с большим подозрением относился к советским намерениям и решил возродить Францию в качестве противовеса, а не разоружать ее полностью [Hoopes, Brinkley. P. 52–54].

С 1943 по 1945 г. Рузвельт убеждал союзников поддержать идею новой всемирной организации, которую не одобряли ни Сталин, ни Черчилль, мыслившие в логике региональ-

1 Например, в мае президент Совета по международным отношениям Норман Дэвис беседовал с Ф.Д. Рузвельтом и сообщил другим членам Подкомитета по проблемам безопасности, что «его мнение уже практически сформировано»: контролировать послевоенное урегулирование должны США, Великобритания, Россия и Китай, и никто иной. [Subcommittee... Minutes 4. Meeting of 20 May 1942]. Также см.: [Dallek. P. 342, 389–390].

ных делений¹. Без инициативы Соединенных Штатов ничего подобного ООН не возникло бы. Однако последующие переговоры о праве вето и связанных с ним положениях, на которых сфокусировались историки, мало проясняют, почему США сделали своим высшим дипломатическим приоритетом создание организации — цель, которая вошла в число наиважнейших статей политического торга в Ялте и на других саммитах [Dallek. P. 519–522]. Несколько больше говорит нам момент зачатия организации, показывающий, в частности, что решение США создать ООН объяснимо лишь как часть, причем подчиненная часть, американского решения добиваться глобального военно-политического превосходства.

Представляя мир в желанном для себя виде, планировщики Рузвельта больше всего беспокоились о том, чтобы помехой на пути к нему не стал американский народ. Всемирная организация возникла как средство для достижения этой цели, инструмент подавления того, что они воспринимали как глубокое нежелание общественности поддерживать глобальное превосходство. Однако их инструментальное отношение к всемирной организации не должно заслонять истинный, иерархический идеал, символом которого она была для них. В наступающую эпоху американского лидерства Соединённые Штаты будут осуществлять контроль, но каждая страна будет иметь голос. Малые страны станут «проветриваться» на форуме Америки — Организации Объединённых Наций, присягая на верность сложившемуся порядку, даже тогда, когда будут «выпускать пар».

В конце одного из первых, наметочных совещаний, когда еще не было никакой ясности относительно того, как перекроить карту Европы, один из планировщиков кратко выразил суть проблемы. «Выносимость наших условий урегулирования станет великим испытанием», — сказала Энн О'Хара Маккормик, обозреватель *New York Times*. Америке требовалось «народное согласие с этими условиями». Уэллс согласился. «Если народ согласится со своей судьбой, как мы ее видим», — продолжила Маккормик, — «то можно ожидать, что мир будет длительным» [Subcommittee...Meeting of 4 April 1942]. Какой бы курс ни избрали Соединенные Штаты, каким бы произвольным этот курс ни был, это будет единственно верный путь. От всех остальных ожидалось, что они пойдут следом. То, что они могут действовать иначе и провалить «великое испытание», планировщики даже не обсуждали.

Но другие действовали как раз иначе. Народы мира, выходя из войны, не глядели пассивно на Америку в поисках руководства; у них была собственная повестка, начиная с подъема коммунизма в Восточной Европе. К 1947 г., всего через пять лет после того, как планировщики Госдепартамента впервые собрались в офисе Уэллса, их картина единого открытого мира — организованного под американским лидерством, с сотрудничеством великих держав и всеобщим участием — уступила место расколу холодной войны. Совет Безопасности зашел в тупик, а Генеральная Ассамблея вскоре превратилась в антиколониальный форум, поскольку быстрая деколонизация 1950–1960-х

1 Черчилль рассматривал множество предложений, но в 1942 и 1943 гг. он остановился на регионалистском решении, предполагавшем создание Совета Европы, располагающего международными полицейскими силами [Hughes. P. 177–194].

годов превратила глобальный Юг в большинство, а Соединенные Штаты — в «оппозицию» [Moynihan. P. 31–43]. Сама ООН стала внутри США объектом националистических нападков и теорий заговора. Из этого можно было бы заключить, что американское видение интернационализма времен Второй мировой войны полностью провалилось.

Однако поведение Соединенных Штатов, которые с 1945 г. демонстрировали инструментальную привязанность к международной организации, используя ее, когда это было удобно, и обходя, когда было необходимо, не так уж противоречит видению тех, кто сделал изначальную ставку на ООН и разрабатывал проект организации. Те американские правительственные круги уже не верили в международное сообщество, стоящее выше отдельных наций и служащее более высоким, глобальным интересам. После того как нацисты едва не завоевали мировое лидерство, американцы стали видеть в международном сообществе «немногим больше, чем арену, на которой будут вестись битвы [государств]», как пишет Сьюзен Педерсен о системе опеки ООН [Connelly. P. 41]. Они поставили перед собой цель поддерживать свое военное превосходство в международной жизни, решив, что это единственный способ держать мир в порядке. Международные организации часто служили эффективными инструментами для этого проекта, обеспечивая действиям США легитимность, которую ни одна отдельно взятая страна не может получить в одиночку, — в соответствии с замыслом проектировщиков послевоенного мира. Например, в Корейской войне разрешение ООН на военное вмешательство заменило согласие американского Конгресса, а различные институты ООН нередко «очищали» поддерживаемые США инициативы в области глобального управления от их конкретных корней¹.

Концепция антиизоляционистского интернационализма, возникшая во время Второй мировой войны, сыграла важную роль в переходе американской политической системы к политике глобального превосходства и последующем сохранении приверженности идее мирового верховенства. Концептуализируя категорию изоляционизма и противопоставляя ей интернационализм, официальные лица и интеллектуалы той поры сняли противоречие между доминированием в силовой политике и ее преодолением. Обе эти цели, будучи антонимами изоляционизма, стали казаться вполне совместимыми, если не тождественными. Возможно, это и обеспечило их сохранение в качестве ключевых установок проекта американского мирового лидерства как в период холодной войны, так и после ее завершения.

Источники

A. Sweetser to the Board of Directors of the Woodrow Wilson Foundation. 7 October 1941 // Seeley G. Mudd Manuscript Library. Princeton University. Princeton. Woodrow Wilson Foundation Records. Box 5.

1 То, как подразделения ООН могут отмывать средства США в программах глобального управления, иллюстрирует книга Мэтью Коннелли «Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population» [Connelly].

- Advisory Committee on Post-War Foreign Policy: Preliminaries, n.d. Folder The Advisory Committee on Post-War Foreign Policy (General) // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- A. Sweetser to the Board of Directors of the Woodrow Wilson Foundation, 7 October 1941 // Woodrow Wilson Foundation Records. Seeley G. Mudd Manuscript Library. Princeton University. Princeton. Box 5.
- A. Wolfers to Wright. 12 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Advisory Committee Chronological Minutes 1. Meeting of 12 February 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- Advisory Committee Chronological Minutes 1. Meeting of 12 February 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54.
- Advisory Committee on Problems of Foreign Relations (January-May 1940). On the State Department's postwar planning group in 1940 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 108.
- Berle A. Organization of Peace. 3 January 1940 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 108.
- Berle Diary. 29 January 1940 // Adolf Berle Papers. Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Box 211.
- Buell to TIME Inc. Post-War Committee, 'Americo-British Power in the Post-War World'. 13 January 1942 // Raymond Leslie Buell Papers, Library of Congress, Manuscript Division, Wash. Box 25.
- C. Eagleton to Wright. 19 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- A Comparative Analysis of the Wilsonian and Roosevelt-Churchill Peace Programs. №. P-B32. 3 December 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- CSOP, Outline of Program. 7 June 1941 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Department of State Memorandum of Conversation. British-American Cooperation. 11 August 1941 (afternoon meeting) // Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Sumner Welles Papers. Box 151.
- Department of State. Memorandum of Conversation. 11 August 1941 (11 a.m. meeting) // Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. NY. Sumner Welles Papers. Box 151.
- J. Foster Dulles to Wright. 19 December 1939. Addenda I // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 13.
- J. Shotwell to Wright. 1 April 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Memorandum of Discussions. №. P-A16, 15 October 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Memorandum of Discussions. №. P-A14, 26 August 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Memorandum of Discussions. №. P-A5, 19 February 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- P. Jessup to Wright. 13 December 1939 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

- Quincy Wright to Manley Hudson. 12 December 1938. Addenda I // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 15.
- R.S. Greene to C. Eagleton. 23 October 1941 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Second Draft of Statement, Commission to Study the Organization of Peace. 22 June 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.
- Sweetser A.* Approaches to Postwar International Organization (Preliminary Draft). №. P-B30. 17 September 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* A Comparative Analysis of the Wilsonian and Roosevelt-Churchill Peace Programs. №. P-B32, 3 December 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* Institutional Arrangements for Postwar American-British Cooperation (Preliminary Draft). №. P-B28, 17 September 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Sharp W.* The Political Considerations of American-British Partnership. №. P-B20, 4 June 1941 // Council on Foreign Relations Library. NY. Studies of American Interests in the War and the Peace.
- Shotwell J.* Preliminary Draft on International Organization', 31 July 1942. Subcommittee on International Organization Document 2 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 86.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 4. Meeting of 14 August 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 2. Meeting of 31 July 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 2 and 4 // National Archives. Wash. Harley Notter Files.
- Subcommittee on International Organization. Chronological Minutes 3. 7 August 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 85.
- Subcommittee on International Organization, Document 123-e. Draft Constitution of the International Organization. 26 March 1943 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 88.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 1. Meeting of 7 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 2. Meeting of 14 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 3. Meeting of 21 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 4. Meeting of 28 March 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 5. Meeting of 4 April 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Political Problems. Chronological Minutes 9. Meeting of 2 May 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 55.
- Subcommittee on Security Problems. Chronological Minutes 4. Meeting of 20 May 1942 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 76.

Talks with FDR, 1942–1944 // National Archives. Wash. Harley Notter Files. Box 54. Folder Talks with FDR, 1942–1944.

Wilson H. World Order. Memorandum. 22 January 1940 // Adolf Berle Papers. Franklin Delano Roosevelt Presidential Library. N.Y. Harley Notter Files. Box 108.

Wright Q. Proposals Respecting Political International Organization. 25 March 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

Wright to C. Eagleton. 10 October 1940 // Special Collections Research Center. University of Chicago Library. Chicago. Quincy Wright Papers. Box 5.

Литература

Bell D. Reordering the World: Essays on Liberalism and Empire. Princeton. 2016.

Blower B. From Isolationism to Neutrality: A New Framework for Understanding American Political Culture, 1919–1941 // Diplomatic History. 2014. Vol. 38. №2.

Borgwardt E. A New Deal for the World: America's Vision for Human Rights. Cambridge. 2005.

Bosco D. Five to Rule them All: The UN Security Council and the Making of the Modern World. Oxford. 2009.

Buell R.L. The Intervention Policy of the United States // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1928. № 138.

Burks D. The United States and the Geneva Protocol of 1924: A New Holy Alliance'? // American Historical Review. 1959. Vol. 64. № 4.

Coates B. Legalist Empire: International Law and American Foreign Relations in the Early Twentieth Century. N.Y. 2016.

Connelly M. Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population. Cambridge. 2008.

Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. N.Y. 1995.

Divine R. Second Chance: The Triumph of Internationalism in America during World War II. N.Y. 1971.

Douglas R.M. The Labour Party, Nationalism and Internationalism, 1939–1951. 2004. London; N.Y.

Egerton G. Great Britain and the Creation of the League of Nations: Strategy, Politics, and International Organization, 1914–1919. N.C. 1978.

Hearden P. Architects of Globalism: Building a New World Order During World War II. 2002.

Hilderbrand R. Dumbarton Oaks: The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill; London. 1990.

Hilderbrand R., Oaks D., Trachtenberg M. The Iraq Crisis and the Future of the Western Alliance // Andrews D. (ed.) The Atlantic Alliance Under Stress: US-European Relations after Iraq. Cambridge; N.Y. 2005.

Hoopes T., Brinkley D. FDR and the Creation of the U.N. New Haven; London. 1997.

Hoopes T., Brinkley D. FDR and the Creation of the U.N. Yale University Press. 1997.

Hughes. E.J. Winston Churchill and the Formation of the United Nations Organization // Journal of Contemporary History. 1974. Vol. 9. № 4.

Husain A. Mapping the End of Empire: American and British Strategic Visions in the Postwar World. Cambridge, MA. 2014.

Ikenberry G.J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton, NJ. 2001.

- Jaeger H.-M.* World Opinion and the Founding of the UN: Governmentalizing International Politics // European Journal of International Relations. 2008. Vol. 14. № 4.
- Johnson* Says Alliance Forged by Peace Aims // Los Angeles Times. 20.08.1941.
- Johnstone A.* Against Immediate Evil: American Internationalists and the Four Freedoms on the Eve of World War II. Ithaca. N.Y. 2014.
- Johnstone A.* Dilemmas of Internationalism: The American Association for the United Nations and U.S. Foreign Policy, 1941–1948. Burlington. 2009.
- Josephson H.* James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America. Cranbury. 1975.
- Kennedy P.* The Parliament of Man: The Past, Present, and Future of the United Nations. N.Y. 2006.
- Knox F.* World Peace Must Be Enforced: We Should Prevent the Rise of New Hitlers. Address to the American Bar Association, Indianapolis, 1 October 1941 // Vital Speeches of the Day. 1941. Vol. 8. № 1.
- Lippmann W.* Tried and found wanting // The Washington Post. 27.02.1941.
- Luce H.* The American Century // Life. 17.02.1941. P. 63.
- Mazower M.* Governing the World: The History of an Idea. N.Y. 2012.
- Mazower M.* No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton. 2009.
- Moynihan D.P.* The United States in Opposition // Commentary. 1975. Vol. 59. № 3.
- O'Sullivan C.* Sumner Welles, Postwar Planning, and the Quest for a New World Order, 1937–1943. N.Y. 2008.
- Pedersen S.* The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. N.Y. 2015.
- Plesch D.* America, Hitler and the UN. 2011.
- Reynolds D.* From Munich to Pearl Harbor: Roosevelt's America and the Origins of the Second World War. Chicago. 2001.
- Reynolds D.* From World War to Cold War. Oxford. 2016.
- Rofe J.S.* Pre-war Post-war Planning: The Phoney War, the Roosevelt Administration, and the Case of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relations // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. № 2. P. 254–79.
- Santoro C.* Diffidence and Ambition: The Intellectual Sources of US Foreign Policy. Boulder. 1991.
- Schlesinger S.* Act of Creation: The Founding of the United Nations. Boulder; Oxford. 2003.
- Schmitz D.* The Triumph of Internationalism: Franklin D. Roosevelt and a World in Crisis, 1933–1941. Washington. 2007.
- Schulzinger R.* The Wise Men of Foreign Affairs: The History of the Council on Foreign Relations. N.Y. 1984.
- Shoup L., Minter W.* Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N.Y.; London. 1977.
- Simpson S.* The Commission to Study the Organization of Peace // American Political Science Review. 1941. Vol. 35. № 2.
- Sluga G.* Internationalism in the Age of Nationalism. Philadelphia. 2013.
- Sluga G., Clavin P.* (eds) Internationalisms: A Twentieth-Century History. Cambridge 2017.
- Smith N.* American Empire: Roosevelt's Geographer and the Prelude to Globalization. Berkeley. 2003.
- Taft R.* Radio Broadcast to the Citizens of Ohio, 29 August 1941 // Wunderlin C. (ed.) The Papers of Robert A. Taft. Vol. 2. Kent. 2001.

Thompson J.A. Woodrow Wilson and a World Governed by Evolving Law // *Journal of Policy History*. 2008. Vol. 20. № 1.

Welles S. Address at Memorial Services at the Tomb of President Wilson in the Washington Cathedral, 11 November 1941 // *Welles S. The World of the Four Freedoms*. Columbia.

Welles B. Sumner Welles: FDR's Global Strategist: A Biography. N.Y. 1997.

Welles S. Seven Decisions That Shaped History. N.Y. 1951.

Wertheim S. Reading the International Mind: International Public Opinion in Early Twentieth Century Anglo- American Thought // *The Decisionist Imagination: Democracy, Sovereignty, and Social Science in the 20th Century*. N.Y. 2019.

Wertheim S. Tomorrow, the World: The Birth of US Global Supremacy in World War II, PhD Dissertation, Columbia University. 2015.

Yearwood P. Guarantee of Peace: The League of Nations in British Policy, 1914–1925. N.Y. 2009.

Перевод с английского Е.А. Нарочницкой. Оригинал: Wertheim S. Instrumental Internationalism: The American Origins of the United Nations, 1940–3 // J. of Contemporary History. Febr. 2019. № 54(2). DOI: 10.1177/0022009419826661.

АМЕРИКАНСКИЕ ДОСЬЕ

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-46-62

УДК 94(73); 323/324

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

Какое будущее ждет Демократическую партию США?

Аннотация. Президентские выборы 2024 г. в США, завершившиеся поражением Демократической партии, привели к углублению ее масштабного системного кризиса, который накапливался на протяжении последних 30–35 лет. Кризисные явления буквально пронизывают всю партию, начиная от ее руководства и заканчивая дезинтегрирующейся электоральной базой. Резко обострилась проблема идентичности партии, которая по существу превратилась в инструмент поддержания неолиберального миропорядка и сохранения власти в руках глобалистски ориентированных кругов американской финансовой элиты. Внутри Демократической партии нарастают противоречия и острая борьба между умеренными, центристскими силами и леворадикальным крылом, от исхода которой и будет зависеть дальнейшая политическая судьба демократов.

Ключевые слова: президентские выборы 2024 г. в США, Демократическая партия США, системный кризис, американский электорат, Дж. Байден, К. Харрис.

В самый разгар последней президентской кампании в США, летом 2024 г., в одном Европейском издании левой направленности появилось интервью с достаточно известным в прогрессивных кругах США и Европы политологом и экономистом К. Полихрониу. Общая идея интервью сводилась к тому, что американская двухпартийная система стала реликтовым пережитком прошлого и в современных условиях скорее наносит вред институтам политической демократии в США, нежели является ее главным активом и достижением. Применительно к президентским выборам 2024 г. именно двухпартийная система в начале президентской гонки впервые почти за 70 лет превратила выборы в матч-реванш двух кандидатов-геронтократов — президента-демократа Дж. Байдена и бывшего президента-республиканца Д. Трампа, чего не желала большая часть — почти 70% — опрошенных американских избирателей [Janikowicz, Porter]. А после «схода с дистанции» в середине лета Дж. Байдена именно двухпартийная система «проштамповала» выдвижение кандидатом на пост президента США от Демократической партии вице-президента К. Харрис, которая в ходе первичных выборов не только 2024 г., но и предыдущего выборного цикла в 2020 г. не получила ни одного голоса рядовых избирателей Демократической партии [Травкина].

Однако фасад президентской кампании 2024 г., по мнению К. Полихрониу, скрыл другую, более важную истину о природе двухпартийной системы США. Ее сугубо би-

Сведения об авторе: ТРАВКИНА Наталья Михайловна — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор политических наук, uspolitika@gmail.com.

нарный характер, с типично американским принципом «победитель получает все», «позволил сверхбогатым слоям Америки захватить контроль над политической системой и превратить США из несовершенной демократии в плутократию» [Boutri, Polychroniou]. В ходе президентской кампании 2024 г. Республиканская партия постепенно трансформировалась в «партию Трампа», а Демократическая партия окончательно перестала быть «народной партией», превратившись в политическую организацию, выражающую интересы глобалистски ориентированной финансовой элиты США. В итоге можно смело говорить о том, что в настоящее время «в Соединенных Штатах по сути сформировалась однопартийная система с единой правящей партией — партией бизнеса» [Boutri, Polychroniou], выражающей в прямой и завуалированной формах интересы всех срезов делового сообщества США — крупного, среднего и малого.

Нарастающая эрозия электоральных базисов двухпартийной системы США

Президентские выборы 2024 г. стали переломным моментом в американской политической истории в плане эволюции электората и изменений в составе американских избирателей. Традиционно американские социологические службы делят американский электорат на три основные группы: 1) зарегистрированных членов и сторонников Республиканской партии, 2) зарегистрированных членов и сторонников Демократической партии и 3) более или менее аморфную группу так называемых независимых избирателей. При этом на практике подсчет численности сторонников и членов трех основных групп избирателей осуществляется на основе их собственных оценок своей партийной принадлежности и ориентации.

Соотношение сил между тремя этими группами рельефно проявилось в президентской кампании 2016 г. Демократы и их сторонники имели тогда лидирующие позиции: численность избирателей Демократической партии достигала почти 50 млн человек, а их доля среди американцев, принявших участие в голосовании, — 36%. Второе место принадлежало членам и сторонникам Республиканской партии, которых насчитывалось 45 с лишним млн человек, или 33% проголосовавших. Наконец, замыкали перечень «независимые», чья численность, тем не менее, составила внушительные 42,4 млн человек, а доля — 31%.

На президентских выборах 2020 г. сама иерархия трех основных групп американских избирателей изменений не претерпела, однако процессы политической поляризации внесли заметные коррективы в численность и удельный вес электоральных групп. Сторонники Демократической партии заметно усилили свои позиции в электоральном корпусе: их численность возросла на 10 млн человек, в результате чего доля достигла 37%. Еще больше — до 12,5 млн человек — увеличились ряды избирателей Республиканской партии, их удельный вес превысил 36%. Укрепление электоральных позиций демократов и республиканцев было достигнуто за счет «независимых» избирателей, абсолютное число которых уменьшилось с 2016 г. почти на 1 млн человек, а удельный вес упал до 27%.

Следует, однако, иметь в виду, что президентские выборы 2020 г., проходившие в условиях пандемии COVID-19 и беспрецедентного «закрытия» экономики, целый ряд экспертов обоснованно считают аномальными, а их результаты — в значительной степени подтасованными. Эта точка зрения получила широкое распространение в мире, в том числе в американской политологии. Показательно, что ее в последнее время придерживается все большее число и российских исследователей. Так, А.Ю. Саламатин (профессор Пензенского университета) прямо констатирует факт «назначения» Дж. Байдена президентом США после «манипулятивных подтасовок», подчеркивая, что «специалистам и компетентным органам еще предстоит разобраться в хитросплетениях президентской кампании 2020 г., которая была беспрецедентно темной, непрозрачной. Демократы позже признавались, что они тогда «спасли демократию», сформировав «теневые структуры», собирая «теневые деньги» и распределяя их, в частности, среди более чем 200 левых групп, присвоив себе мандат на незаконную «перекройку» избирательной системы. Только в радикальную организацию «Жизни черных имеют значение», продвигавшую негритянский гегемонизм, было передано 1,5 млрд долл.» [Саломатин. С. 48].

Поэтому более показательными следует считать данные о структурных сдвигах в трех электоральных группах по итогам президентских выборов 2024 г. в сравнении с 2016 г. Принципиально важным фактором явилось увеличение общего количества американских избирателей на 18 млн человек (с 2016 г.) — до 154,7 млн. Наибольший прирост — более чем на 10 млн, до 52,5 млн человек — наблюдался в группе «независимых». Причем он был достигнут в том числе за счет демократического электората, который сократился более чем на 1 млн человек, до 48 млн. Численность республиканских избирателей возросла на 9 млн. человек — до 54,1 млн. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Структурные изменения в абсолютной и относительной численности американских избирателей в 2016–2024 гг., млн человек

Электоральные группы	Президентские выборы 2016 г.		Президентские выборы 2020 г.		Президентские выборы 2024 г.	
	млн человек	%	млн человек	%	млн человек	%
Демократы	49,2	36	59,2	37	48,0	31
Республиканцы	45,1	33	57,6	36	54,1	35
Независимые	42,4	31	41,6	27	52,6	34
Всего	136,7	100	158,4	100	154,7	100

[Reilly, Salit]

Общий итог зафиксированных масштабных сдвигов состоит в сжатии массовой электоральной базы демократов, оттесненных на третье место. В чистом выигрыше оказались республиканцы, переместившиеся по числу избирателей со второго места на первое. Однако по сравнению с президентскими выборами 2020 г. их электорат сократился в абсолютном и относительном выражении, а отрыв от «независимых» избирателей составил всего 1,5 млн человек. Учитывая опережающий рост этой последней группы,

можно сделать вывод, что в дальнейшем электоральное лидерство республиканцев отнюдь не гарантировано.

На протяжении трех последних президентских кампаний (начиная с выборов 2016 г.), в которых участвовал Д. Трамп как кандидат Республиканской партии, расхожим стал тезис о том, что именно фактор Д. Трампа и созданное им движение «Вернем Америке былое величие» (MAGA) явились основными причинами прогрессирующей поляризации американской политической системы. Приведенные выше цифры рисуют более сложную картину происходящих процессов. Скорее можно говорить о нарастающем кризисе Демократической партии как главном источнике политической турбулентности в современной Америке. Этот кризис привел не только к взрывному росту избирателей, позиционирующих себя в качестве независимых, но и к активному переходу избирателей-демократов в ряды сторонников Республиканской партии.

В этом плане важной вехой следует считать президентские выборы 2024 г. В отличие от большей части президентских компаний прошлого, проигранных демократами, вместо перегруппировки сил и последующей мобилизации на противостояние с республиканцами под лозунгом «что делать?», в среде демократов возобладали упадочнические настроения в духе «кто виноват?».

Исход демократического электората

Самую большую лепту в «разбор полетов» после поражения Демократической партии, возможно, внесли итоги социологического исследования по заказу газеты «Нью-Йорк Таймс», опубликованные в августе 2025 г. На первый взгляд, результаты голосования на президентских выборах 2024 г. не выглядели катастрофическими для демократов. За Д. Трампа проголосовало 77,3 млн человек (49,8%), за К. Харрис — 75,0 млн человек (48,3%) [2024 National Popular...]. Однако перевес Д. Трампа был достигнут в основном за счет того, что после президентских выборов 2020 г. из стана демократов к республиканцам перебежало в общей сложности 4,5 млн человек. Согласно статистическому учету зарегистрированных избирателей Демократической и Республиканской партий, ведущемуся в обязательном порядке в 30 штатах, число избирателей, сменивших свою партийную принадлежность, составило 2,1 млн человек. В остальных штатах, где отсутствовала система партийной регистрации избирателей, число перебежчиков в период 2020–2024 гг. оценивалось в еще 2,4 млн человек [Goldmacher, Smith].

Главным поводом для ощущения надвинувшейся на Демократическую партию политической катастрофы стали данные по 30 штатам с системой партийной регистрации избирателей. Бегство от демократов имело место во всех без исключения штатах, а также в столичном Вашингтоне (округ Колумбия). Наибольший отток был зарегистрирован во Флориде, где партийную ориентацию за 4 года сменили 1,2 млн человек. Остается открытым вопрос, какую роль в этой метаморфозе сыграл фактор Д. Трампа, который со всем своим семейством после изгнания из Белого Дома в 2021 г. прочно обосновался в Мар-а-Лаго (шт. Флорида).

Бегство из Демократической партии распространилось на все возрастные и расово-этнические группы американского населения. Но самыми тревожными для демократов оказались данные о вновь зарегистрированных избирателях в возрасте до 45 лет. В 2018 г. 2/3 избирателей этой возрастной категории, которые при регистрации указывали свои партийные симпатии, остановили свой выбор на Демократической партии. В 2024 г. подавляющее большинство вновь регистрировавшихся избирателей предпочло Республиканскую партию [Goldmacher. 5 Takeaway...].

Наиболее панически настроенные стратеги Демократической партии заговорили даже о «цикле умирания», поскольку регистрация новой партийной принадлежности является, по мнению американских политологов, запаздывающим показателем: значительная часть избирателей, как правило, прекращает голосовать за кандидатов партии задолго до формальной смены партийной привязки. Причем результаты отмеченного социологического опроса были опубликованы на фоне идущей полным ходом борьбы в Демократической партии «за то, каким образом демократам следует решать проблему падения числа зарегистрированных избирателей и какие группы должны получить финансирование для выполнения этой работы. Цена вопроса — сотни миллионов долларов, за которые сторонники партии сражаются с филантропами, а некоторые из важнейших избирательных округов Демократической партии — друг с другом» [Goldmacher, Smith].

Неутешительная для демократов картина подтверждается и социологическим опросом, проведенным в июле 2025 г. газетой «Уолл-Стрит Джорнэл». Судя по полученным ответам, популярность партии опустилась до самой низшей точки за последние 35 лет: 63% опрошенных заявили о своем негативном отношении к Демократической партии, 33% — о положительном, в том числе всего 8% — о «весьма положительном» [Zitner]. Согласно еще одному опросу, проведенному весной 2025 г. собственной социологической службой Демократической партии и опубликованному в июле, положительно к партии относилось только 35% респондентов. Большая часть респондентов считала современных демократов «слабыми», «утерявшими связь с избирателями» и погрязшими в идеологеме «воукизма» — причудливого смешения идей социальной справедливости с критической расовой теорией и призывами к революционным политическим действиям [The Rise and Fall of Woke?]. Чрезвычайно показателен и тот факт, что после президентских выборов 2024 г. среди избирателей Демократической партии резко усилились пессимистические настроения относительно ее политических перспектив. Согласно замерам авторитетной социологической службы агентства Ассошиэйтед Пресс и Центра изучения общественного мнения при Чикагском университете («AP-NORC»), если в июле 2024 г. 57% респондентов оптимистично оценивали будущее Демократической партии, то в мае 2025 г. их доля таковых снизилась до 35% [Parnes. New poll...].

«Разброд и шатания» в рядах Демократической партии после поражения на президентских выборах 2024 г. обернулись двоякими последствиями.

Во-первых, партийные массы внезапно прозрели и осознали, что Демократическая партия не имеет лидеров. Согласно результатам опроса известной англо-французской

социологической службы «Рейтер-Ипсос», проведенного в июне 2025 г., 62% высказались в пользу полной смены лидеров партии [Oliphant, Lange]. При этом в основе недовольства большинства демократов действующей партийной верхушкой лежит широко распространенное представление о «полном отрыве» руководства партии от нужд и чаяний основных масс избирателей. Личностная слабость как Дж. Байдена, так и К. Харрис, а на заключительном этапе предвыборной гонки летом-осенью 2024 г. и ее напарника, кандидата в вице-президенты, губернатора Миннесоты Т. Уолца, вылилась в «кризис идентичности» не только кандидатов демократов на высшие выборные должности американского государства, но самой Демократической партии как таковой.

Главную причину поражения демократов некоторые ведущие аналитики консервативного и либерального толка усмотрели в том, что ни Дж. Байден, ни К. Харрис «не сдвинулись вправо и не приняли более явно те или иные ...взгляды республиканцев» [Zhang]. Результаты социологического опроса «Рейтер-Ипсос», однако, свидетельствуют, что основная масса избирателей Демократической партии, наоборот, ждет от партийного руководства дальнейшего полевения по широкому кругу экономических и социальных вопросов» [Zhang]. Иными словами, в ходе президентской кампании 2024 г. лидеры демократов «по инерции» (с президентских выборов 2020 г.) сделали основной упор на борьбе с Д. Трампом и трампизмом как представляющими собой «экзистенциальную угрозу» институтам и системе американской демократии, вместо того чтобы с удвоенной энергией бороться за обеспечение социально-экономических прав основной массы «продемократически настроенных» избирателей и повышение их жизненного уровня.

Во-вторых, гораздо большей опасностью для политической судьбы Демократической партии, чем растущая разочарованность в ней и ее руководстве со стороны основной массы рядовых избирателей, могут оказаться безразличие к исходу выборных кампаний и отказ от поддержки руководства партии ее основных финансовых спонсоров. Среди состоятельных доноров Демократической партии широко распространяется мнение, что поддерживать ее финансово — значит выбрасывать деньги на ветер. На протяжении 2025 г. спонсоры перечислили на счет Национального комитета Демократической партии «жалкие» 15 млн долл., сосредоточив внимание на поддержке кампаний отдельных политиков и действуя скорее из соображений дружеской поддержки хороших знакомых [Parnes. Democratic donors...].

Господствующие настроения американской общественности в отношении Демократической партии и ее верхов суммировала «акула пера» — журналистка С. Боуди, язвительно написавшая, что «партия Джо Байдена и Камалы Харрис популярна примерно так же, как дорожная пробка в час пик. К сожалению, для лидеров меньшинства в Конгрессе, Хакима Джеффриса и Чака Шумера (демократы от Нью-Йорка), время работает не на повышение низких рейтингов партии, которая, как считает большинство американцев, «погружена в себя» и занимается «саморефлексией» [Bowdey].

Кто правил Америкой в 2021–2025 гг.?

Официальное завершение президентской кампании 2024 г. явилось прелюдией к не менее захватывающим и по-своему еще более драматичным, чем сама кампания, событиям в стане демократов. Выбытие 21 июля президента Дж. Байдена из президентских выборов стало беспрецедентным фактом в американской политической истории. По меркам прошлого президента-неудачника должно было ожидать просто общественное забвение и издание мемуаров, интересных в основном для сравнительно узкого круга американских историков. Кто, например, помнит президентство Дж. Картера (1977–1981), который прославился тем, что дожил до 100 лет и скончался 29 декабря 2024 г.? Комментируя его мемуары «Сохраняя веру», вышедшие в 1982 г., даже самые восторженные поклонники писали, что «Картер являет собой воплощение того, каким должен быть христианский президент, но горько осознавать, что именно христиане и отвергли его» [см. напр.: Aliventi].

С президентом Дж. Байденом, едва он покинул Белый дом 20 января 2025 г., встреча с Клио — музой истории в древнегреческой мифологии — сразу приняла характер фантазмагии. Этот казус, возможно, с течением времени в корне перевернет привычные представления американцев о природе, устройстве и механизме функционирования института президентской власти в США. Все началось с доклада правоконсервативного фонда «Наследие», опубликованного 17 марта 2025 г. и озаглавленного «Автоматическая ручка и упадок когнитивных способностей Байдена».

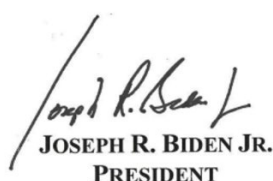
На основе проведенного графологического исследования эксперты фонда пришли к сногсшибательному выводу: значительная часть ордеров Дж. Байдена о президентском помиловании, включая помилование его сына Хантера (от 1 декабря 2024 г.), подписана «автоматической ручкой», то есть специальной машинкой, используемой для копирования человеческой подписи. В общей сложности был проанализирован 51 ордер о президентском помиловании, от уголовного преследования и отбывания тюремного срока Байден избавил 4245 человек — больше, чем любой другой президент за всю предыдущую историю США [Oversight Project... Р. 5]. Эксперты пришли к выводу, что 16 ордеров были подписаны автоматической ручкой А, еще 16 ордеров — автоматической ручкой Б, и лишь 19 ордеров подписаны лично президентом Дж. Байденом.

В качестве доказательства в докладе фонда «Наследие» были воспроизведены подписи авторучками А и Б в сравнении, возможно, с самой важной подписью Дж. Байдена за все время его президентства — его собственноручной подписью под заявлением о выходе из президентской гонки (см. рисунок).

Согласно американской Конституции, именно на президента США как на главу исполнительной власти возложена вся полнота ответственности за принимаемые на высшем политическом уровне решения, что и требует его собственноручной подписи под всеми исходящими из Белого дома документами. Это является гарантией против злоупотреблений и мошенничества, поскольку «президент США наделен колоссальной

властью» [Oversight Project... P. 3]. В условиях упадка когнитивных способностей Дж. Байдена и видимой всей Америке потери им дееспособности, возникал естественный вопрос: каким образом принимались решения в Белом доме по ключевым вопросам внутренней и внешней политики? Как подчеркивалось в докладе фонда «Наследие», «никто не может быть уверен в том, какие действия фактически санкционировал президент Байден» [Oversight Project... P. 27].

Подписи президента Дж. Байдена

JOSEPH R. BIDEN JR.
PRESIDENT

Авторучка А

JOSEPH R. BIDEN, JR.
President

Авторучка Б

Собственноручная подпись Дж. Байдена на заявлении о снятии своей кандидатуры с участия в президентских выборах от 21 июля 2024 г.

Доклад фонда «Наследие» открыл правовой и политический «ящик Пандоры», давая как администрации Д. Трампа, так и республиканцам в Конгрессе США возможность дезавуирования Демократической партии с точки зрения перспектив наделения ее властными полномочиями, особенно по итогам будущих президентских выборов. Если президент Дж. Байден не делегировал своих полномочий другим лицам, что предусмотрено американским законодательством, то возникала проблема узурпации власти неизвестным кругом лиц как в окружении Дж. Байдена в Белом доме и в его администрации, так и за их пределами. Узурпация власти в период 2021–2025 гг. с правовой точки зрения давала возможность признания недействительными законы, президентские указы и иную документацию, подписанную авторучками с подписью Дж. Байдена. В политическом плане она создавала потенциальную возможность для республиканцев инициировать мощную кампанию по вынесению «вотума недоверия» Демократической партии и ее кандидатам в качестве носителей исполнительной власти. И республиканцы в полной мере воспользовались открывающимся окном возможностей.

В мае — июле 2025 г. председатель Комитета по надзору и государственным реформам Палаты представителей Дж. Комер организовал закрытые слушания, на которые были вызваны лечащий врач Дж. Байдена К. О'Коннор и ряд других высокопоставленных сотрудников администрации Дж. Байдена. Слушания были посвящены «сокрытию психического состояния президента Дж. Байдена и потенциально несанкционированному использованию авторучки для подписания огромного числа ордеров о помиловании и другой документации Белого дома» [Chairman Comer Demands...].

9 июля Комитет по надзору и государственным реформам в закрытом режиме провел слушания с участием д-ра К. О'Коннора, которые в видеоформате были немедленно доведены до сведения американской общественности. В ходе слушаний лечащий врач Дж. Байдена категорически отказался отвечать на вопросы конгрессменов, сославшись на Пятую поправку Конституции, принятую еще в 1791 г., которая давала ему право не свидетельствовать против самого себя. В коротком заявлении для прессы Дж. Комер прямо заявил: «Совершенно очевидно, что существовал заговор с целью сокрытия когнитивных нарушений президента Байдена после того, как доктор Кевин О'Коннор, врач Байдена и его семейный деловой партнер, отказался отвечать на вопросы и предпочел спрятаться за Пятой поправкой. Американский народ требует прозрачности, но доктор О'Коннор предпочел скрыть правду. Доктор О'Коннор воспользовался Пятой поправкой, когда его спросили, заставляли ли его лгать о здоровье президента Байдена и о том, достоин ли он занимать пост президента Соединенных Штатов» [Chairman Comer Statement...].

Еще более скандальными оказались открытые слушания, проведенные в июне 2025 г. Юридическим комитетом Сената США, под говорящим названием «Непригоден к выполнению президентских обязанностей: как сокрытие информации о Байдене поставило под угрозу Америку и подорвало Конституцию». Демократическая фракция Юридического комитета «дружными рядами» бойкотировала слушания, а сопредседатель комитета сенатор-демократ Р. Дурбин назвал их попыткой «диванного анализа состояния здоровья бывшего президента Дж. Байдена», которая отвлекает внимание американской общественности от более важных проблем, стоящих перед США, в частности — от правового надзора над деятельностью Министерства юстиции и всей администрации Д. Трампа в целом, что является прямой и главной обязанностью Юридического комитета Сената [Fucks].

Тем не менее в ходе слушаний внимание сенаторов было обращено на то, что активное использование факсимильных подписей Дж. Байдена началось летом 2022 г., а это является косвенным свидетельством его полной недееспособности исполнять обязанности президента США. В данном случае Конституция США предусматривает процедуру использования 25-й поправки (принятой в 1967 г., но никогда не применявшейся), согласно которой вице-президент США обязан известить Конгресс США о неспособности президента исполнять свои конституционные обязанности, имея в виду возможную передачу президентских полномочий вице-президенту. В этой связи возникал вопрос, не «была ли система факсимильных подписей (среди прочих схем) использована для обхода 25-й поправки с тем, чтобы позволить другим лицам из окружения Дж. Байдена управлять страной?» [Unfit to Serve... P. 2].

Таким образом, проблема недееспособности Дж. Байдена плавно перетекла в проблему бездействия или некомпетентности вице-президента К. Харрис. Ее провальные 107 дней в качестве кандидата от Демократической партии на пост президента (с 21 июля по 5 ноября), на которые были потрачены умопомрачительные 1,5 млрд долл. [Goldmacher. How Kamala Harris...], требовали если не оправдания, то хотя бы

взвешенного анализа. 31 июля издательство «Саймон энд Шустер» объявило, что 23 сентября увидят свет мемуары К. Харрис, озаглавленные «107 дней». К тому времени в сознании значительной части американских политологов и историков, в том числе и либеральных, прочно утвердилось представление, что 5 ноября 2024 г. главным проигравшим политиком оказался президент Дж. Байден, лишившийся возможности войти в анналы американской истории «как тот, кто вернул Америку к нормальной жизни после хаоса первого срока Дональда Трампа; кто поставил страну на ноги после пандемии COVID-19; кто восстановил лидерство США в мире после периода отступления и восстановил демократию после событий 6 января 2021 г. в американской столице» [Greenberg] .

Мемуары К. Харрис еще больше усугубили кризис политического лидерства в Демократической партии, поскольку в качестве средства собственного спасения она сделала ставку на дальнейшую карьеру в большой политике, в том числе в качестве возможного кандидата от Демократической партии на президентских выборах 2028 г. Главную вину за свое поражение Харрис возложила даже не столько на Дж. Байдена, сколько на его жену Джил Байден, которая в ультимативном плане настояла на том, чтобы ее престарелый муж выдвинулся на второй срок — решение, охарактеризованное Камалой Харрис как «безрассудное». В итоге сама она, по ее утверждению, вступила в президентскую гонку, заранее смирившись с вероятным поражением, поскольку ее кампании суждено «было стать самой короткой за всю современную американскую историю. В современной Америке, как правило, требуется от одного года до двух лет, чтобы избиратели могли составить представление о планах, политике, ценностях и характере кандидатов на должность президента. Мне предстояла кампания против политика, который вот уже на протяжении почти десяти лет не выходил из президентских гонок с тех пор, как страна увидела его в 2015 г. ступающим на эскалатор небоскреба «Трампа Тауэр»» [Harris. P. 25].

Издание «Политико» взяло интервью у 15 ведущих политтехнологов Демократической партии, расспросив их о замысле и влиянии мемуаров К. Харрис. Все они единодушно высказали критическое отношение к книге. Их мнение суммировал ведущий политтехнолог демократов Д. Аксельрод, который дважды — в 2008 и в 2012 г. — привел к победе на президентских выборах Б. Обаму. По словам Д. Аксельрода, «если эти мемуары и содержат политическую стратегию, то она никуда не годится — сплошное перечисление обид и перекладывание вины за поражение на руководство партии, что никак не отвечает цели укрепления единства ее рядов» [цит. по: Mason, Schneider].

В целом на настоящем этапе Демократическая партия США переживает серьезный кризис политического руководства, не имея признанных общенациональных лидеров, и перспективы их появления достаточно туманны. По результатам опроса среди избирателей демократов, проведенного в конце лета 2025 г. социологической службой «Эмерсон Колледж Поллинг», тройку лидеров возглавляют губернатор Калифорнии К. Ньюсом (1967 г. р.), которого поддержали 25,1% респондентов, бывший министр транспорта в администрации Дж. Байдена П. Буттиджич (1982 г. р.) — 16,0% и К. Хар-

рис (1964 г. р.) — 11,4%. Далее, примерно с 4-5% поддержки, следуют губернатор Пенсильвании Дж. Шапиро (1973 г. р.), губернатор Иллинойса Дж. Прицкер (1965 г. р.) и харизматичная леворадикальная А. Окасио-Кортес (1989 г. р.) — член Палаты представителей от шт. Нью-Йорк (табл. 2).

Таблица 2

Десять ведущих политиков Демократической партии
(по состоянию на конец лета 2025 г.)

№	Политик	Занимаемая должность	Степень поддержки, %
1.	К. Ньюсом	Губернатор Калифорнии	25,1
2.	П. Буттиджич	Бывший министр транспорта	16,0
3.	К. Харрис	Бывший вице-президент США	11,4
4.	Дж. Шапиро	Губернатор Пенсильвании	5,3
5.	А. Окасио-Кортес	Член Палаты представителей Конгресса США	4,1
6.	Дж. Прицкер	Губернатор Иллинойса	4,1
7.	К. Букер	Сенатор от шт. Нью-Джерси	2,3
8.	Э. Бешир	Губернатор Кентукки	2,0
9.	У. Мур	Губернатор Мэриленда	1,9
10.	Г. Уитмер	Губернатор Мичигана	1,5
	Прочие/не определившиеся с выбором политика	-	26,3
	Всего	-	100

[August 2025 National Poll...]

Показательно, что на долю первой тройки лидеров приходится лишь немногим свыше половины симпатий избирателей партии. Эти данные являются косвенным признаком глубокого кризиса, переживаемого демократами, еще и по причине того, что и К. Ньюсом, и К. Харрис в сознании американских избирателей отождествляются прежде всего со шт. Калифорния, который считается «неприступным бастионом» Демократической партии. С точки зрения современных особенностей политического и социально-экономического развития штата в целом, не говоря уже о его географическом положении, Калифорния стоит особняком от остальной Америки, особенно от ее южных штатов. Последними президентами — выходцами из Калифорнии были Р. Никсон (1969–1974) и Р. Рейган (1981–1989), однако они представляли Республиканскую партию, а в случае с Р. Рейганом — ее правоконсервативное крыло.

Назревающий экзистенциальный кризис Демократической партии

Политические фигуры Дж. Байдена и К. Харрис могут считаться самым ярким олицетворением современного состояния Демократической партии. Недееспособный престарелый Дж. Байден воплощает ее прошлое, К. Харрис — сравнительно новое поколение демократов, не имеющее практически никаких шансов на победу на общенациональ-

ных выборах. После президентских выборов 2024 г. стало очевидно, что Демократическая партия переживает глубокий, можно даже сказать — экзистенциальный кризис, проистекающий из того, что она «лишилась поддержки широких слоев многорасового рабочего класса, разрушив тем самым шаткую коалицию избирателей, которая в той или иной форме, с переменным успехом и спадами, составляла ее базис с 1960-х годов. Очевидно, что партия столкнулась с самым глубоким кризисом со времен «Нового курса», и выхода из него пока не предвидится» [Freeman].

Этот кризис имеет глубокие исторические корни. Современная Демократическая партия была создана почти 100 лет назад Ф. Рузвельтом во времена Великой депрессии и Второй мировой войны. Иными словами — в годы острейших социально-экономических потрясений в американском обществе и мировых кризисов. Тогда партия базировалась на мощной тройственной коалиции профсоюзов (объединявших главным образом рабочих и служащих обрабатывающих отраслей промышленности), американской интеллигенции (представленной университетами и колледжами) и консервативных демократов Юга США, известных как «диксикраты». Однако после окончания Второй мировой войны в Америке развернулись стремительные и масштабные политические и социально-экономические изменения: расовая интеграция и борьба за гражданские права в 1960-е годы, гендерная революция 1970-х годов, приведшая к заметному усилению роли женщин во всех сферах общественной жизни, создание сети крупных мегаполисов, в которых ритм городской жизни стали определять пригороды, начавшаяся в конце XX в. деиндустриализация, становление телевидения, последующее развитие интернета и цифровизация, а с недавних пор — появление индустрии искусственного интеллекта.

Все эти перемены привели к тому, что американское общество, в недрах и для решения острейших проблем, которого создавалась современная Демократическая партия, больше не существует, а партия по инерции продолжает действовать в рамках привычной идеологемы, восходящей корнями к эпохе Ф. Рузвельта и «Нового курса». Этим и объясняется ее кризис идентичности, особенно ярко проявившийся в ходе президентских выборов 2024 г. Если в начале XXI столетия не было общественного консенсуса о либеральном характере Демократической партии, то в 2023 г. почти две трети американцев (66%) пришли к выводу, что партия стала либеральной или очень либеральной (в том числе 37% сочли ее «очень либеральной») [Cox].

Решающую роль в создании кризиса идентичности Демократической партии сыграли 1990-е годы, прошедшие под мощным идейным влиянием администрации У. Клинтона, сменившей во власти республиканцев по итогам президентских выборов 1992 г. «Новые демократы» решили воспользоваться двумя факторами — окончанием холодной войны, увенчавшейся иллюзией «конца истории» в духе Ф. Фукуямы, и становлением интернета и «цифровой экономики», — с тем чтобы оседлать процессы глобализации, основываясь на идеологеме неолиберального мирового порядка. При этом «новые демократы» стремились ускорить темпы экономического роста с целью найти ключ к выходу из трудностей и потрясений, с которыми столкнулась экономика США

в 1970-е и 1980-е годы. Именно в 1990-е годы «новые демократы» трансформировали Демократическую партию в партию неолиберального мирового порядка, совершив одновременно поворот вправо в определенных сферах внутренней политики. Демократическая партия заключила союзы с новыми сегментами капитала — в финансовой и технологической сферах. «Она обратилась к стратегии сокращения бюджетного дефицита, соглашениям о свободной торговле, таким как НАФТА, сокращению социальных расходов и, прежде всего, приоритету свободного рынка и частного сектора. Все это изменило ситуацию в сфере труда и производства в США, подорвало профсоюзное движение и привело к формированию непробиваемой бизнес-ориентированной профсоюзной бюрократии» [Freeman].

Процессы деиндустриализации, фактически ставшие магистральным направлением деятельности клинтоновской администрации, привели к тому, что Демократическая партия стала ускоренными темпами терять поддержку профсоюзов и рабочего класса, особенно в производственных отраслях экономики. Можно в этой связи указать, что если в 1944 г. 60% рабочих в производственных секторах поддерживали Ф. Рузвельта, то на президентских выборах 2024 г. их поддержка кандидатов от Демократической партии сократилась до 30% [Freeman].

Как «новые демократы» 1990-х годов, так и демократы времен Б. Обамы (который победил на президентских выборах 2008 г. исключительно потому, что США находились в эпицентре мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг.) встали на путь постепенной замены поддерживавших партию традиционных сегментов демократического электората на денежное спонсорство глобалистски ориентированных финансовых элит, причем не только США, но и многих других промышленно развитых стран. Считалось, что именно «монетарная покупка» голосов самых широких слоев избирателей, а не идеологические стереотипы политического сознания, является самым верным путем к победам на выборах как президента, так и Конгресса. Поэтому на протяжении последних 30 лет Демократическая партия постепенно превратилась в «своего рода управляющую партию мирового неолиберализма, ориентированную на поддержание статус-кво как во внутренней, так и во внешней политике и все менее способную искать пути выхода из кризиса неолиберализма [Freeman]».

Параллельно с усилением влияния в Демократической партии финансовых элит и социальных слоев с высшим образованием) шел процесс заметного ослабления коллективных начал и нарастания значения традиционного для США фактора индивидуализма. Американские политологи и социологи, анализирующие причины экзистенциального кризиса партии, указывают на то, что ее основная политическая идентичность всегда была нестабильной и даже имела тенденцию к долговременной «смене полюсов». Так, в 1860-е годы типичным демократом был мелкий фермер — ярый сторонник рабства. Спустя 100 лет, в 1960-е годы, в эпоху Дж. Кеннеди, «модельным» демократом уже был белый горожанин, рьяно отстаивавший права этнических меньшинств и выступавший за расовую интеграцию. В XXI в. наиболее узнаваемым стал расово-этнический архетип «цветного американца». Современная Демократическая партия по сути

является сетевой организацией, состоящей из «множества концентрических и пересекающихся профессиональных кругов, члены которых объединяются в первую очередь для продвижения по карьерной лестнице посредством коллегиальности, налаживания связей и совместного «фирменного логотипа». Не существует четко сформулированного, а тем более обязательного набора политических принципов, которые необходимо принять и соблюдать, чтобы быть демократом. Попытки разработать такие основные обязательства осуждаются как «проверка на чистоту»» [Morgan]. Сетевые организации подобного рода существуют в основном для организации политических кампаний в преддверии выборов, а также проведения финансируемых спонсорами партии, такими как Дж. Сорос, протестных акций.

При сетевой структуре организации ведущую роль в Демократической партии стали играть люди с высшим образованием, которые последовательно пытаются придать партии элитарный характер. Это проявляется не только в особой стилистике речи, но и в методах управления, при которых основная масса трудящихся, живущих от зарплаты до зарплаты, «чувствует себя униженной и отчужденной» [Thompson].

Сетевая организация Демократической партии в ситуации нарастания противоречий между тремя ее основными группировками: правым крылом, центристами и левым, так называемым прогрессивным крылом — в ближайшем будущем может породить — если уже не породила — ситуацию «гражданской войны» между ними. Основной водораздел проходит между умеренными, центристскими группировками и леворадикальным крылом. По мнению известного в демократических кругах политолога Дж. Чайта, «в последние годы внутренние разногласия в партии определялись почти исключительно позициями групп по различным вопросам. Наиболее прогрессивные демократы отстаивали свои позиции наиболее рьяно; умеренные демократы отличались скорее относительным отсутствием энтузиазма по отношению к повестке дня отдельных групп, чем какими-либо собственными целями. Демократическая партия разделялась на «прогрессивную» и «умеренно прогрессивную»» [Chait].

Суть нарастающего противоречия между демократами-центристами и леворадикальными демократами может быть определена следующим образом. Левые демократы выступают с позиций усиления борьбы и противодействия администрации Д. Трампа и созданного им движения MAGA, что предполагает радикализацию идеологического арсенала, вплоть до насильственной конфронтации с «фашистским режимом» Д. Трампа (ярким проявлением этого стало убийство известного республиканского активиста Ч. Кирка в сентябре 2025 г.). Умеренные демократы, группирующиеся в основном вокруг губернаторов «синих» штатов, таких как Калифорния, Нью-Йорк, Массачусетс, Миннесота, Орегон, Вашингтон, Иллинойс и ряд других, выступают за совершенствование управления штатами, основанного на развитии инфраструктуры, улучшении системы здравоохранения и образования, развитии наукоемких отраслей экономики на региональном и местном уровнях. С этой точки зрения речь идет о возрождении философии и принципов, на которых строился «Новый курс» Ф. Рузвельта.

В основе этой конфронтации лежат почти полярные представления о том, «каким образом Демократическая партия может вернуть себе свою прежнюю базу из рабочего класса. Каждая сторона признает факт потери этой базы и приобретения новой среди более обеспеченных избирателей с высшим образованием. Но центристы считают, что демократам необходимо дистанцироваться от определенных идей и принципов, связанных с их новым электоратом: “прогрессистских” культурных норм, политики идентичности, ориентированной на меньшинства, и, в некоторых случаях более эгалитарной концепции экономики. Левые же отстаивают именно эти культурные нормы и политику идентичности, хотя и не так громко, как до прошлого ноября, и хотят усилить ставку на более эгалитарную экономику» [Meyerson].

Именно эта внутрипартийная борьба и будет определять облик, роль и место Демократической партии США в американской политической системе, а в конечном итоге и ее дальнейшую судьбу.

Литература

- Саломатин А.Ю. Президентские выборы в США 2024 г.; перестройка государственного механизма и перестройка двухпартийной системы // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 2. С. 44-53. — URL: doi: 10.21685/2307-9525-2024-13-2-5.
- Травкина Н.М. Исторический реванш Д. Трампа // США&Канада: экономика, политика, культура. 2025. № 1. С. 14-33. — URL: doi: 10.31857/S2686673025010019.
- 2024 National Popular Vote Tracker // The Cook Political Report. — URL: cookpolitical.com/vote-tracker/2024/electoral-college. (date of access: 06.10.2025).
- Aliventi A. Book Review — Keeping Faith: Memoirs of a President by Jimmy Carter // Thoughts from the Mountain trip. Opinions, ideas, thoughts, & reviews. 18.04.2023. — URL: thoughtsfromthemountaintop.com/2023/04/18/book-review-keeping-faith-memoirs-of-a-president-by-jimmy-carter/ (date of access: 06.10.2025).
- August 2025 National Poll: Newsom Surges Ahead in 2028 Democratic Nomination Contest // Emerson College Polling. 29.08.2025. — URL: emersoncollegepolling.com/august-2025-national/ 2(date of access: 06.10.2025).
- Boutri A., Polychroniou C.J. America's Two-Party System Is A Relic of The Past And Bad For Democracy //Rozenberg Quarterly. The Magazine. 22.07.2024. — URL: rozenbergquarterly.com/americas-two-party-system-is-a-relic-of-the-past-and-bad-for-democracy/ (date of access: 06.10.2025).
- Bowdey S. 'Woke,' 'Weak,' and 'Out of Touch': The Crisis of the Democratic Brand // The Washington Stand»m. 15.07.2025.— URL: washingtonstand.com/commentary/woke-weak-and-out-of-touch-the-crisis-of-the-democratic-brand. (date of access: 06.10.2025).
- Chairman Comer Demands Testimony from Biden's Doctor, Former White House Aides on Cover-Up of Mental Decline // U.S. House of Representatives. Committee on Oversight and Government Reform. 22.05.2025. — URL: oversight.house.gov/release/chairman-comer-demands-testimony-from-bidens-doctor-former-white-house-aides-on-cover-up-of-mental-decline/ (date of access: 06.10.2025).
- Chairman Comer Statement on Dr. O'Connor Pleading the Fifth // U.S. House of Representatives.

- Committee on Oversight and Government Reform. 09.07.2025. — URL: oversight.house.gov/release/chairman-comer-statement-on-dr-oconnor-pleading-the-fifth/ (date of access: 06.10.2025).
- Chait J.* The Coming Democratic Civil War // The Atlantic. 25.05.2025. — URL: theatlantic.com/ideas/archive/2025/05/abundance-democrats-political-power/682929/ (date of access: 06.10.2025).
- Cox D.* The Democratic Party's Identity Crisis // Survey Center on American Life. 12.12.2024. — URL: americansurveycenter.org/newsletter/the-democratic-partys-identity-crisis/ (date of access: 06.10.2025).
- Freeman M.* The Seismic Crisis of the Democratic Party // Left Voice Magazine. 25.06.2025. — URL: leftvoice.org/the-seismic-crisis-of-the-democratic-party/ Survey Center on American Life.
- Fucks H.* Democrats walk out of Senate Judiciary hearing probing Biden's mental fitness // Politico. 18.06.2025. — URL: politico.com/live-updates/2025/06/18/congress/dems-boycott-hearing-probing-bidens-fitness-00412461. (date of access: 06.10.2025).
- Goldmacher Sh.* 5 Takeaway From the Times Analysis of Democratic Decline in Voter Registration // The New York Times. 20.08.2025. — URL: nytimes.com/2025/08/20/us/politics/takeaways-democratic-decline-voter-registration.html. (date of access: 06.10.2025).
- Goldmacher Sh.* How Kamala Harris Burned Through \$1.5 Billion in 15 Weeks // The New York Times. 17.11.2024. — URL: nytimes.com/2024/11/17/us/politics/harris-campaign-finances.html. (date of access: 06.10.2025).
- Goldmacher Sh., Smith J.* The Democratic Party Faces A Voter Registration Crisis // The New York Times. 20.08.2025. — URL: nytimes.com/2025/08/20/us/politics/democratic-party-voter-registration-crisis.html. (date of access: 06.10.2025).
- Greenberg D.* Joe Biden Didn't Just Lose the White House. He Lost His Legacy. What might have been a great chapter in the history books could be just a footnote // Politico. 18.01.2025. — URL: politico.com/news/magazine/2025/01/18/biden-lost-white-house-legacy-00198231. (date of access: 06.10.2025).
- Harris K.* 107 Days. N.Y. 2025.
- Jankowicz M., Porter T.* A Trump vs. Biden rematch is on, and it's a showdown most Americans didn't want // Business Insider. 13.03. 2024. — URL: businessinsider.com/trump-biden-clinch-party-nominations-race-few-people-want-president-2024-3 (date of access: 06.10.2025).
- Mason M., Schneider E.* Kamala Harris' new book befuddles Dems: 'If there's a political strategy here, it's a bad one' // Politico. 19.09.2025. — URL: politico.com/news/2025/09/19/kamala-harris-new-book-befuddles-dems-00574304. (date of access: 06.10.2025).
- Meyerson H.* The Real Democratic Civil War // The American Prospect. 16.06.2025. — URL: prospect.org/politics/2025-06-16-real-democratic-civil-war/ (date of access: 06.10.2025).
- Moran M.* The Democrats Were Designed For An America That No Longer Exists // Revolving Door Project. Newsletter. 11.08.2025. — URL: therevolvingdoorproject.org/the-democrats-were-designed-for-an-america-that-no-longer-exists/ (date of access: 06.10.2025).
- Oliphant J, Lange J.* Exclusive: Democrats want new leaders, focus on pocketbook issues, Reuters/Ipsos poll finds // Reuters. 19.06.2025. — URL: reuters.com/world/us/democrats-want-new-leaders-focus-pocketbook-issues-reutersipsos-poll-finds-2025-06-19/ (date of access: 06.10.2025).
- Oversight Project. It's Your Government! The Heritage Foundation. 17.03.2025. — URL: [oversight.heritage.org/Autopen_Memorandum_\(Final\).pdf](https://oversight.heritage.org/Autopen_Memorandum_(Final).pdf) (date of access: 06.10.2025).

- Parnes A.* Democratic donors, frustrated, say they are also motivated to fight Trump // The Hill. 29.09.2025. — URL: thehill.com/homenews/campaign/5524140-democratic-donors-frustrated-party/ (date of access: 06.10.2025).
- Parnes A.* New poll delivers troubling signs for Democrats // The Hill. 11.07.2025. — URL: thehill.com/homenews/campaign/5395563-democrats-losing-support-white-voters/ (date of access: 06.10.2025).
- Reilly T., Salit J.* In 2024, independent voters grew their share of the vote, split their tickets and expanded their influence // The CQnversation. 09.12. 2024. — URL: theconversation.com/in-2024-independent-voters-grew-their-share-of-the-vote-split-their-tickets-and-expanded-their-influence-245125. (date of access: 06.10.2025).
- The Rise and Fall of Woke? // Law&Liberty. 05.03. 2025. — URL: lawliberty.org/the-rise-and-fall-of-woke-ideology/(date of access: 06.10.2025).
- Thompson A.* The 10 theories driving Dems' identity crisis // Axios. 22.03.2025. — URL: axios.com/2025/03/22/democrats-theories-identity-crisis.(date of access: 06.10.2025).
- Unfit to Serve: How the Biden Cover-Up Endangered America and Undermined the Constitution // U.S. Senate. Committee on the Judiciary. Full Committee Hearing. 18.07.2025. — URL: (date of access: 06.10.2025). judiciary.senate.gov/committee-activity/hearings/unfit-to-serve-how-the-biden-cover-up-endangered-america-and-undermined-the-constitution .
- Zhang Sh.* 62 Percent of Democrats Want Current Party Leaders to Be Replaced, Poll Finds // Truthout. 20.06.2025. — URL: truthout.org/articles/62-percent-of-democrats-want-current-party-leaders-to-be-replaced-poll-finds/ (date of access: 06.10.2025).
- Zitner A.* Democrats Get Lowest Rating From Voters in 35 Years, WSJ Poll Finds // The Wall Street Journal. 25.07.2025. — URL: wsj.com/politics/elections/democratic-party-poll-voter-confidence-july-2025-9db38021. (date of access: 06.10.2025).

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-64-78

УДК 327; 339; 94

ПЕТР ЯКОВЛЕВ, НАИЛЯ ЯКОВЛЕВА

Испания через 50 лет после диктатуры: внешнеэкономические и внешнеполитические аспекты

Аннотация. Авторы подводят итоги развития международных связей Испании в постфранкистскую эпоху. С уходом из жизни диктатора Ф. Франко 20 ноября 1975 г. произошли крупные изменения в системе внешних политических и торгово-экономических связей Мадрида. Эти изменения перечеркнули длительный период внешнеполитической изоляции франкистского режима, место и роль испанского государства в европейских и мировых делах претерпели существенную эволюцию, голос официального Мадрида стал слышен на всех континентах. Вместе с тем геополитические и геоэкономические разломы последних лет испытывают внешнюю политику Испании на прочность. Тест проходят способность испанского истеблишмента и бизнес-сообщества не просто адаптироваться к происходящим глобальным переменам, но и уметь защищать коренные национальные интересы. Ключевая проблема — кризис евроатлантической системы, частью которой является Испания. Нарастающие трудности в отношениях с партнерами по Европейскому союзу и США побуждают Мадрид расширять круг деловых и политических контрагентов из числа государств Глобального Юга.

Ключевые слова: Испания, конец диктатуры, новая внешняя политика, торгово-экономические связи, международные кризисы, Мадрид перед геополитическими и геоэкономическими вызовами.

Переход испанского государства и общества от диктатуры к конституционной форме правления сопровождался политическими и социально-экономическими преобразованиями, результаты которых радикально изменили облик этой древней европейской страны. Националистически ориентированным правящим элитам и местному бизнес-сообществу при опоре на широкие слои населения удалось преодолеть наследие диктаторского режима и провести демократизацию партийно-политической системы, осуществить модернизацию экономики и наполнить современным содержанием социальную сферу [Яковлев. Испания: вызовы...].

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — главный научный сотрудник Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, доктор экономических наук, petrp.yakovlev@yandex.ru.

ЯКОВЛЕВА Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, кандидат исторических наук, nel-yakovleva@yandex.ru.

Вопреки немалым объективным трудностям переходного периода и неоднократным кризисам национального, регионального и глобального масштаба, последствия которых негативно сказались на состоянии экономики, Испания сумела добиться ощутимого прогресса в общественной жизни. Если в последней четверти XX в. страна в основном формировала потенциал роста в русле модели догоняющего развития, то в текущем столетии она во многом реализовала накопленные возможности. Статистические данные показывают, что за 25 лет XXI в. в Испании в два с половиной раза увеличился объем ВВП и вдвое — душевой ВВП (по этому показателю страна опережает Японию), в три раза вырос товарный экспорт, сохранилась относительно умеренная инфляция, практически вдвое возросло число иностранных туристов. Подъем экономики сопровождался сохранением умеренных (по европейским стандартам) налогов и позволил заметно повысить уровень минимальной зарплаты. Позитивные изменения в социально-экономической сфере способствовали значительному (почти на восемь лет) увеличению ожидаемой продолжительности жизни и привлекли в Испанию миллионы иммигрантов, приток которых в решающей степени обеспечил рост населения.

Вместе с тем узкими местами хозяйственного развития оставались сравнительно высокая безработица, хронический бюджетный дефицит, отрицательное сальдо во внешней торговле товарами и государственный долг, превысивший размер ВВП (табл. 1).

Таблица 1

Испания: изменение макроэкономических показателей

Показатель	2000 г.	2024 г.
Население (млн человек)	40,7	49,1
Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	75,9	83,8
Иммигранты (млн человек)	0,9	6,7
Иностранные туристы (млн человек)	46,4	93,8
ВВП (млрд евро)	647,6	1591,6
Душевой ВВП (тыс. евро)	16,0	32,6
Государственный долг (млрд евро)	374,6	1620,6
Государственный долг (% ВВП)	57,8	101,8
Бюджетные расходы (млрд евро)	253,3	722,9
Бюджетные расходы (% ВВП)	39,1	45,4
Бюджетный дефицит (млрд евро)	-7,5	- 50,2
Бюджетный дефицит (% ВВП)	1,2	3,2
Экспорт товаров (млрд евро)	124,8	392,1
Импорт товаров (млрд евро)	169,1	436,2
Торговый баланс (млрд евро)	-44,3	-44,1
Число безработных (млн человек)	2,2	2,6
Уровень безработицы (%)	13,9	10,6

Показатель	2000 г.	2024 г.
Минимальная зарплата (евро)	496,0	1323,0
Годовая инфляция (%)	3,4	2,8
Максимальный налог (%)	48,0	45,0
Налоговая нагрузка (% ВВП)	33,8	36,8

Источник: España: Economía y demografía. — URL: datosmacro.expansion.com/paises/espana

Параллельно с радикальными изменениями внутри испанского общества, не менее значимые перемены произошли в сфере международных отношений Испании. Опираясь на возросшие материальные ресурсы, внешняя политика Мадрида обрела новые измерения и характеристики, что позволило преодолеть традиционализм и международную ограниченность франкистского периода, кардинально раздвинуть рамки трансграничных связей и занять свое место в системе европейских и мировых торгово-экономических, финансовых, политико-дипломатических и военно-стратегических отношений [Яковлев. Глобальные головоломки... С. 24–54].

Новые внешнеполитические горизонты

Формирование современных направлений и практик международной политической и экономической деятельности Мадрида, начавшись в первые постфранкистские годы, продолжается по сей день, испытывая на себе воздействие как внутривнутриполитических, так и внешних факторов. В результате курс испанской дипломатии периодически корректируется, адаптируясь к меняющимся обстоятельствам и отвечая на постоянно возникающие новые вызовы. Последствия такого рода воздействий наглядно просматриваются на примере взаимодействия Испании с ее тремя приоритетными международными партнерами: Европейским союзом, Соединенными Штатами и Латинской Америкой.

С первых лет демократического транзита во внешнеполитической повестке Мадрида центральное место заняли отношения с европейскими государствами, вставшими на путь экономической и политической интеграции. Именно курс ведущих европейских держав (Германии, Италии, Франции) на создание и укрепление Объединенной Европы стал для испанских правящих элит своего рода внешнеполитическим ориентиром. Отсюда — упорное стремление Испании превратиться в участника европейского интеграционного процесса, а в более широком контексте — стать частью политического и экономического Запада [Reid]. С этой целью официальный Мадрид 30 мая 1982 г. оформил вступление Испании в НАТО, а 1 января 1986 г. состоялось ее присоединение к Европейскому экономическому сообществу (с 7 февраля 1992 г. — Европейскому союзу).

С тех пор взаимодействие Испании с Евросоюзом, фундамент которого образуют интенсивные торгово-экономические связи, выступает в качестве сердцевины всей системы международных отношений Мадрида. Этому в немалой степени способствовало и то, что ЕС оказывал значительную финансовую помощь Испании как на этапе ее

приспособления к условиям и требованиям Объединенной Европы, так и в пиковые моменты мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. и борьбы с последствиями коронавируса COVID-19 в 2020–2021 гг., когда Мадрид был чрезвычайно заинтересован во всесторонней поддержке со стороны руководящих органов ЕС [Яковлев, Яковлева]. Приводя подобного рода факты, а также ссылаясь на социально-экономические итоги нахождения испанского государства в составе Европейского союза, испанские политологи Игнасио Молина и Федерико Стейнберг утверждают, что членство в Евросоюзе сыграло роль «двигателя национального развития» Испании, но одновременно подчеркивают наличие и (главное) нарастание проблем и противоречий в отношениях Мадрида с европейскими партнерами [Molina, Steinberg].

Можно констатировать, что участие в объединительных процессах по лекалам Брюсселя послужило одной из опор испанской дипломатии, укрепило ее потенцию и расширило горизонты. Но в качестве «платы» за это испанское руководство должно было делегировать часть национального суверенитета органам ЕС, в значительной мере убрать границы между внешней и внутренней политикой. Более того, из-за негативных эффектов глобального кризиса 2008–2009 гг. международная деятельность Мадрида все чаще приобретала выраженный реактивный характер. В частности, по признанию самих испанских экспертов, обострение национальных, региональных (на европейском континенте) и мировых противоречий во второй половине 2010-х годов акцентировало линии внутреннего напряжения испанского общества и продемонстрировало внешнеполитическую уязвимость Мадрида [España y Brasil...].

Напомним основные черты мирового контекста, в котором находилась испанская дипломатия на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в.: турбулентный характер глобальных торгово-экономических и военно-стратегических трансформаций, обострение межгосударственного соперничества, рост числа вооруженных конфликтов и столкновений, усиление конкурентной борьбы за рынки сбыта, сырья и технологий, перекомпоновка сил в мировой экономике и торговле, кризисные тенденции в Европейском союзе (Брекзит) и Североатлантическом альянсе (нежелание целого ряда стран-членов повышать военные расходы). При этом указанные процессы развивались в условиях реальных рисков возникновения глобальной экономической рецессии, что придавало международным политическим отношениям трудно предсказуемый характер [Яковлев. Глобальные головоломки...].

На обозначенном фоне перед официальным Мадридом встала непростая задача сформулировать и применить на практике внешнеполитическую концепцию, отражающую фундаментальные национальные интересы и отвечающую новым региональным и мировым вызовам. Такого рода документ был разработан правительством коалиции левых сил во главе с лидером социалистов Педро Санчесом (во власти с июня 2018 г.), получил наименование «Стратегии внешних действий на 2021–2024 годы» и лег в основу международной политики испанского государства [Estrategia de Acción...]. Главной новацией «Стратегии» стало включение в нее (впервые в испанской дипломатической истории) особого внешнеэкономического раздела. Это означало, что на службу инте-

ресам бизнес-сообщества Испании была поставлена деятельность 128 испанских посольств за рубежом, 84 генеральных консульств и 96 консульских отделов, 27 бизнес-центров и 33 туристических офисов. Весь этот мощный дипломатический арсенал, как специально отмечалось в документах Министерства иностранных дел Испании, был призван всесторонне содействовать расширению внешних торгово-экономических и финансовых связей, способствовать форсированной интернационализации испанского бизнеса, оказывать действенную помощь тем корпорациям, которые заняты поисками новых зарубежных рынков для наращивания экспорта товаров и услуг, а также реализации масштабных инвестиционных проектов самостоятельно или совместно с иностранными партнерами [Diplomacia económica].

Как видим, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. фокус дипломатического внимания Мадрида в решающей степени сместился в область поощрения внешней экспансии испанского бизнеса — что, в принципе, отвечало торгово-экономическим интересам Испании. Однако практическая реализация нового внешнеполитического курса встретила ряд препятствий, в немалой степени осложнивших решение поставленных задач.

Потрясения на евроатлантическом пространстве

«Головной болью» испанской дипломатии в последние годы стали турбулентные процессы в Европейском союзе, где обострились имеющиеся конфликты и разногласия. Главной причиной этого явления можно считать очевидное отставание по темпам экономического роста многих западноевропейских государств не только от Соединенных Штатов, но и от новых лидеров глобального развития — Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, Мексики и ряда других стран Глобального Юга. По определению Ф. Стейнберга, эти (и некоторые другие) развивающиеся государства — «новые короли», определяющие будущее системы международных отношений [Steinberg. Acuerdo...].

Другими словами, наблюдаемое в настоящее время снижение мирового торгово-экономического, политико-дипломатического и военно-стратегического веса Евросоюза сопровождается поступательной экспансией его старых и новых глобальных конкурентов. В данной связи рядом испанских исследователей был выдвинут тезис о вступлении ЕС в полосу «экзистенциального кризиса». Например, такую точку зрения выразили известные политологи Сесар Молинас и Фернандо Рамирес Масаредо, которые, перефразировав К. Маркса и Ф. Энгельса, с горечью констатировали: «Призрак бродит по Европе, призрак пессимизма» [Molinas, Ramírez Mazarredo. P. 15]. На наш взгляд, по существу речь идет о наступающей геополитической вторичности Европейского союза.

Мадрид, сделавший главную ставку во внешней политике на сотрудничество с членами Объединенной Европы, оказался в сложном и противоречивом положении. С одной стороны, Испания была не в состоянии обойтись без финансовой помощи Брюсселя и вынужденно ориентировала международную деятельность на приоритетное взаимо-

действие с партнерами по Евросоюзу (это со всей очевидностью продемонстрировали мировой кризис 2008–2009 гг. и пандемия коронавируса). Вместе с тем европейские рынки в условиях стагнации не могли поглотить растущие объемы продукции, которые в состоянии предложить экономика Испании. В результате в 2022–2024 гг. экспорт испанских товаров в Евросоюз сократился почти на 9% — с 240,3 до 219 млрд евро (табл. 2). Это был чувствительный удар по внешнеэкономическим интересам испанского бизнеса и государства.

Таблица 2

Торговля Испании с партнерами по Евросоюзу (товары, млрд евро)

Показатель	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Экспорт	141,0	156,5	193,3	240,3	229,2	219,0
Импорт	139,5	139,4	167,0	201,0	198,6	190,4
Объем	280,5	295,9	360,3	441,3	427,8	409,4
Сальдо	+1,5	+17,1	+26,3	+39,3	+30,6	+28,6

Источник: ITC. Trade Map. Bilateral trade between Spain and European Union (EU 27). — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

Предметом разногласий Испании с такими партнерами по ЕС, как Австрия, Нидерланды, Польша и Франция, стал отказ этих стран ратифицировать уже подписанное соглашение о создании зоны свободной торговли между Европейским союзом и южноамериканской интеграционной группировкой МЕРКОСУР [Rizzi]. Для испанских властей положительное решение этого вопроса принципиально важно не только с торгово-экономической, но и с внешнеполитической точки зрения — в преддверии юбилейного XXX Иberoамериканского саммита (в этих регулярных встречах участвуют Испания, Португалия, Андорра и 19 латиноамериканских стран), заседания которого пройдут в 2026 г. в Мадриде [Яковлев. Иbero-американское...].

Серьезные осложнения возникли в отношениях Испании с другим ключевым западным союзником — Соединенными Штатами. На этот раз поводом для недовольства Вашингтона Мадридом стала позиция правительства П. Санчеса по вопросу о лоббируемом Дональдом Трампом увеличении к 2035 г. военных расходов стран-членов НАТО до 5% ВВП.

Коллизия заключается в том, что Испания до последнего времени тратила на оборону порядка 1% ВВП, а потому беспрецедентно резкое повышение военных ассигнований грозит пробить в государственном бюджете, и без того дефицитном, недопустимо большую брешь. В испанских коридорах власти это хорошо понимают, в связи с чем П. Санчес (единственный из лидеров стран-членов Североатлантического альянса) отказался подписывать обязательство тратить на оборону 5% ВВП, понизив указанный ориентир до 2,1%. Разъясняя существующую ситуацию, председатель испанского правительства подчеркнул, что повышение военного бюджета до 5% потребует от Испании дополнительных расходов в размере 350 млрд евро и приведет к значительно-

му повышению налогов, сокращению пенсий и прекращению финансирования целого ряда социальных программ [Jakes, Bautista].

Дипломатический демарш П. Санчеса вызвал у Д. Трампа остро негативную реакцию. Американский президент назвал позицию Испании «ужасной» и заявил, что, хотя «испанская экономика находится в хорошем состоянии», это может измениться, «если произойдет что-то плохое». В данной связи хозяин Белого дома пригрозил ввести на испанские товары вдвое более высокие тарифы, чем на продукцию других европейских стран [Portillo].

По имеющимся оценкам, тарифные меры Вашингтона (в случае их введения) могут вызвать сокращение испанского экспорта товаров в США почти на 10 млрд евро в год, что приведет к потере 55 тыс. рабочих мест в экономике Испании и отрицательно скажется на темпах прироста ее ВВП [Asencio, Montes]. Нужно при этом заметить, что испанско-американская торговля уже длительное время складывается в пользу Соединенных Штатов, в результате чего совокупное отрицательное сальдо в торговле Испании с США в последние 10 лет превысило 45 млрд евро (табл. 3).

Таблица 3

Торговля Испании с США (товары, млрд евро)

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2015	11,5	12,8	24,3	-1,3
2016	11,4	13,0	24,4	-1,6
2017	12,5	13,6	26,1	-1,1
2018	12,8	13,2	26,0	-0,4
2019	13,7	15,5	29,2	-1,8
2020	12,2	14,1	26,3	-1,9
2021	14,8	17,1	31,9	-2,3
2022	19,0	34,0	53,0	-15,0
2023	18,2	28,2	46,4	-10,0
2024	17,0	27,1	44,1	-10,1
Всего	143,1	188,6	331,7	-45,5

Источник: ITC. Trade Map. Bilateral trade between Spain and United States of America. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=

В испанских политических и деловых кругах крепнет мнение, что резкими действиями в сфере международной торговли администрация Д. Трампа в одностороннем порядке стремится усилить и застолбить американские бизнес-позиции, не слишком считаясь с устремлениями других стран. Вместе с тем нельзя игнорировать и геополитические расчеты. Как полагают эксперты ведущего испанского исследовательского центра Real Instituto Elcano, в современной конфликтогенной мировой обстановке логика противостояния и интересы «большой» геополитики нередко превалируют над конкретными торгово-экономическими потребностями [Steinberg. “Los nuevos reyes”...].

Как бы подтверждая данный тезис, Д. Трамп сделал в адрес Мадрида еще один грубый политический выпад. В начале октября текущего года американский лидер предложил «вышвырнуть Испанию из НАТО» за отказ правительства П. Санчеса увеличить военные расходы в соответствии с требованиями Альянса [Bennett].

Многие факты свидетельствуют, что в условиях растущей геоэкономической и геополитической турбулентности во внешнеполитических и внешнеэкономических отношениях Мадрида с ключевыми партнерами (Брюсселем и Вашингтоном) создаются новые линии напряжения, вокруг которых с большой долей вероятности будет формироваться силовое поле острой международной конкуренции за новые рынки с участием наиболее крупных бизнес-структур. На это, в частности, указывает заметная активизация мадридской дипломатии и ведущих корпораций Испании в регионах Азии, Африки и Латинской Америки.

В фокусе внимания — Глобальный Юг

Благодаря сопряженным усилиям испанского государства и бизнеса многие государства Глобального Юга (или Мирового большинства) в последние годы не только превратились в привлекательных торговых контрагентов Испании, но и стали пространством деловой активности сотен испанских компаний. Например, крупнейшая строительная корпорация Grupo ACS имеет обширные деловые интересы и реализует масштабные инфраструктурные проекты, среди других стран, в Аргентине, Индии, Индонезии, Мексике, Турции, Чили [ACS].

В настоящее время в силу ряда весомых причин приоритетным для испанского бизнеса становится регион Большого Ближнего Востока — Северной Африки и собственно Ближнего Востока. В 2005–2024 гг. торговый оборот Испании с государствами этого района мира вырос практически вдвое и превысил 75 млрд долларов. Так, Марокко и Турция вошли в число главных торговых партнеров Испании. В 2024 г. объем товарооборота с ними (почти 42 млрд долл.) был сопоставим с объемом торговли со всей Латинской Америкой (48,5 млрд) [Bilateral trade between Spain and Turquía]. При этом товарная структура испанской торговли с указанными двумя странами характеризуется абсолютным преобладанием изделий обрабатывающей промышленности. В частности, Испания в значительных объемах вывозит на марокканский и турецкий рынки продукцию машиностроения, легковые автомобили, технологичное энергетическое и электрооборудование, черные и цветные металлы, разнообразные химические товары, продовольствие.

В свою очередь, ряд государств Северной Африки и арабских стран Персидского залива являются крупными поставщиками критически необходимых испанской экономике углеводородных энергоресурсов — нефти и природного газа. В последние годы на пять стран (Алжир, Ирак, Ливию, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовскую Аравию) стабильно приходится свыше 20% общего импорта в Испанию этих видов энергетического сырья, что акцентирует заинтересованность Мадрида в сохранении торго-

во-экономических связей с Северной Африкой и Ближним Востоком на максимально высоком уровне.

В середине сентября текущего года Египет посетила испанская королевская чета. В ходе визита между двумя странами было подписано первое в истории двусторонних отношений «Соглашение о сотрудничестве в целях развития на 2025–2030 годы». В фокусе внимания, помимо роста взаимной торговли товарами и услугами, инвестиционное сотрудничество в энергетике, логистике и обрабатывающей промышленности [Zibaoui]. По мнению международных экспертов, Египет является для Мадрида «ключевым геополитическим узлом», который связывает Европу с Ближним Востоком и Африкой.

Традиционно тесные отношения связывают Мадрид со странами Латинской Америки. В частности, Испания является крупным инвестором для целого ряда латиноамериканских государств, включая Аргентину, Боливию, Бразилию, Доминиканскую Республику, Колумбию, Сальвадор и Чили. Например, только в 2024 г. испанские прямые инвестиции в этих странах превысили 11 млрд долл., что составило почти 25% всех капиталовложений Испании за рубежом [La Inversión Extranjera... P. 82-85].

Огромный интерес испанский бизнес проявляет к бразильскому рынку. Здесь Испания — третий по значимости зарубежный инвестор после Нидерландов и США. Обращает на себя внимание широкая отраслевая диверсификация испанских инвестиций, которая включает в себя энергетику, транспорт, строительство, телекоммуникации, автомобилестроение, финансы, страховой бизнес, туризм. В самое последнее время ведущие испанские бизнес-структуры анонсировали новые крупные операции на бразильском рынке.

Например, энергетическая корпорация Iberdrola достигла соглашения о приобретении почти за 2 млрд евро 30% акций бразильской компании Neoenergía. Телекоммуникационный гигант Telefónica через свой филиал Vivo обслуживает в Бразилии свыше 116 млн клиентов (в два с половиной раза больше, чем население самой Испании). Постоянно расширяет присутствие в Бразилии производитель автокомпонентов CIF Automotive, который довел число своих предприятий в этой стране до 16. С 2020 г. компания Aena управляет 17 бразильскими аэропортами, обеспечивающими 20% национальных авиаперевозок. Крепкие позиции на бразильском финансовом рынке занимают банки Santander и BBVA, в частности, в сфере производственных инвестиций. Для крупнейшей страховой компании Mapfre Бразилия — второй источник доходов после Испании. Значимые многомиллионные инфраструктурные проекты в латиноамериканской стране реализуют строительные компании Abertis, Acciona, OHLA, Sacyr [España y Brasil...].

Разумеется, важнейшим районом мира в контексте испанского «поворота в сторону Глобального Юга» является Азия, где сосредоточены основные людские и торгово-экономические ресурсы современного мира. Но, как показывает практика, Азия не толь-

ко континент больших возможностей, но и пространство высокой конкуренции. Здесь многие страны нацелены на внешние рынки, активно поощряют собственный экспорт и ограничивают импорт. Поэтому для испанских компаний крайне сложно пробиться со своими товарами к азиатским потребителям. Цифры говорят сами за себя. Возьмем в качестве примера торговлю Испании с Китаем, Индией и Индонезией.

В последние два десятилетия объем испанско-китайской торговли товарами вырос в три с лишним раза и в 2024 г. превысил 54 млрд долларов. Но при этом Испания имела торговый дефицит в размере почти 39 млрд долларов. В том же году дефицит Испании в торговле с Индией составил 4 млрд, а с Индонезией — около 1,4 млрд долларов [Bilateral trade between Spain and China].

Оставаясь на почве реальности, можно утверждать, что испанскому бизнесу в обозримом будущем вряд ли удастся переломить сложившуюся ситуацию и сбалансировать торговлю с азиатскими странами. Лучшие шансы закрепиться на азиатских рынках имеют высококонкурентоспособные испанские корпорации, имеющие богатый опыт реализации инвестиционных проектов в таких отраслях, как энергетика, строительство, инжиниринг, туризм, а также в финансовой сфере.

Подобного рода примеры уже есть. В частности, в Китае прочно обосновались такие лидеры испанской экономики, как Telefonica, Repsol, Inditex, Técnicas Reunidas, Alsa, Meliá, Gestamp, El Corte Inglés. В свою очередь, в Индии открыли свои филиалы порядка 240 испанских корпораций.

Несмотря на существующие трудности, испанское политическое руководство и бизнес-сообщество намерены продолжать курс на диверсификацию внешних связей за счет расширения отношений с государствами Глобального Юга.

Мадрид и международные кризисы

Суровым тестом для внешнеполитического курса Испании в третьем десятилетии XXI в. стали два крупнейших международных кризиса: российско-украинский конфликт и события в секторе Газа.

И в том и в другом случаях официальный Мадрид занял активную позицию, декларируя свое стремление содействовать достижению мирного урегулирования военно-политических кризисов и пытаясь по возможности «заходить с дипломатических козырей» — стать заметной фигурой в международных антикризисных усилиях. Как подчеркивал министр иностранных дел Испании Хосе Мануэль Альбарес, Мадрид крайне обеспокоен «сложной и нестабильной международной обстановкой», кризисным состоянием европейской безопасности и выступает за «диалог, взаимопонимание и мир» [Albares].

В испанском политико-дипломатическом истеблишменте сложилось ощущение, что возникшая в годы холодной войны система евро-атлантической безопасности вступи-

ла в период кризиса, развивающегося по нарастающей и подрывающего стратегические позиции и международный авторитет Евросоюза и НАТО, а следовательно, и государств-членов, включая Испанию. В частности, политические и экономические опоры ЕС были выбиты «войной в центре Европы» — вооруженным конфликтом на Украине, де-факто похоронившим еще сравнительно недавно популярные идеи строительства единой Европы «от Лиссабона до Владивостока», или «большого европейского пространства», которые находили сторонников и последователей в официальных и предпринимательских кругах Испании.

Например, тысячи испанских компаний поддерживали деловые связи с российскими и украинскими партнерами, а их экспортно-импортные операции включали широкую гамму промышленных товаров, энергоносителей, продовольствия, коммерческих услуг (прежде всего в сфере туризма). Переход украинского кризиса в горячую фазу и последовавшая вслед за этим политика принятия Евросоюзом одного за другим пакетов антироссийских торговых, финансово-экономических и гуманитарных санкций обернулись для испанского транснационального бизнеса многомиллионными потерями [Яковлев. Экономика Испании... С. 104].

Вследствие присоединения Мадрида к западным санкциям против России в документах российского МИДа отмечалась практически полная «заморозка» отношений между Российской Федерацией и Королевством Испании, что надолго отбросило назад «весь комплекс российско-испанских связей» [Российско-испанские отношения].

Между тем, придерживаясь в целом согласованной линии на достижение силового решения «украинской проблемы» в рамках алгоритма, выработанного коллективным Западом, испанские власти должны были принимать в расчет широко распространенные в обществе антивоенные и пацифистские настроения. Это побуждало правительство П. Санчеса делать акцент не на военно-технической помощи Киеву (хотя она тоже была), а на вопросах политического, социально-экономического и гуманитарного характера — в первую очередь, приеме и размещении на испанской территории многочисленных украинских беженцев. По официальным данным, в Испании на середину 2025 г. их количество достигло 235 тыс. человек, и по этому показателю страна занимала четвертое место в Евросоюзе (после Германии, Польши и Чехии), опережая такие крупные европейские государства, как Италия и Франция [Число украинских...].

Занимая откровенно проукраинскую позицию, официальный Мадрид, тем не менее, считает неизбежным будущее восстановление отношений с Российской Федерацией в полном объеме. Об этом прямо заявил министр Х.М. Альбарес, связав нормализацию связей с Москвой с определением взвешенного и прагматичного внешнеполитического курса испанского государства в формирующемся новом миропорядке [Albares: “Hay].

Более конструктивную позицию Испания заняла в отношении ближневосточного кризиса. 17 мая 2025 г. П. Санчес в качестве специального гостя принял участие в работе XXXIV саммита Лиги арабских стран, проходившего в Багдаде. Выступая на этом

представительном форуме, председатель испанского правительства затронул одну из самых болевых точек Ближнего Востока — палестино-израильский конфликт и заявил о подготовке совместно с руководством Палестинского государства резолюции Генеральной Ассамблеи ООН с требованием к Израилю снять гуманитарную блокаду сектора Газа. «На наших глазах Палестина обливается кровью», — подчеркнул испанский лидер и призвал к скорейшему прекращению конфликта на основе соблюдения принципа мирного сосуществования еврейского и арабского государств [Pedro Sánchez].

В испанских правящих кругах учитывают тот факт, что в первые десятилетия текущего столетия рычаги политико-дипломатического и силового влияния Европейского союза (как коллективного органа, представляющего интересы большинства европейских стран) на Ближнем Востоке ощутимо ослабли. Данное обстоятельство побуждает Испанию, хотя и с оглядкой на Брюссель, но все чаще действовать самостоятельно, вырабатывая оригинальную модель внешнеполитического поведения в кризисных ситуациях и наращивая дипломатические усилия [Magreb y Oriente...].

Продвигая собственный внешнеполитический дискурс, Мадрид выступил сторонником взаимодействия с ближневосточными государствами не только на двусторонней основе, но и в многостороннем формате, вовлекая в процесс поиска эффективной модели мирного урегулирования арабо-израильского конфликта другие европейские страны. В данном контексте обратила на себя внимание инициатива министра Х.М. Альбареса, который 7 мая 2025 г. обнародовал согласованную с главами внешнеполитических ведомств Ирландии, Исландии, Люксембурга, Норвегии и Словении совместную декларацию, касающуюся намерений израильского руководства расширить военные операции в секторе Газа.

В декларации выражалась «глубокая озабоченность» планами правительства Б. Нетаньяху по эскалации вооруженного присутствия Израиля на палестинских территориях, поскольку такая политика может иметь катастрофические политические последствия. Европейские министры «решительно отвергли» любые попытки изменить демографический состав или территориальные границы сектора Газа, подчеркнув, что этот район «является неотъемлемой частью Палестинского государства и принадлежит его народу». Одновременно единодушно осуждению были подвергнуты препятствия, воздвигаемые израильскими властями на пути международной гуманитарной помощи, предназначенной гражданскому населению, и содержался призыв «прекращения огня и освобождения всех заложников». Авторы совместного документа вновь подтвердили свою приверженность концепции мирного сосуществования Израиля и арабского Палестинского государства [Declaración...].

Таким образом, голос испанской дипломатии слышен в общем хоре осуждения израильской политики эскалации насилия в отношении палестинского населения, что вносит свой вклад в сложный процесс нормализации международной обстановки на Ближнем Востоке.

* * *

За полвека развития в условиях конституционного строя испанское государство прошло непростой путь формирования многовекторной системы международных связей, установило дипломатические отношения с большинством стран мира, создало механизмы поощрения внешнеторговой и внешнеэкономической деятельности национального бизнес-сообщества.

Относительно новым направлением международной деятельности Мадрида стало расширение и интенсификация взаимодействия с государствами Мирового большинства — Азии, Африки, Латинской Америки. «Поворот на Глобальный Юг» раздвинул рамки деловых контактов испанских корпораций, позволил испанской дипломатии заявить о себе на фоне конфликтов, во многом определяющих характер и содержание современной мировой политики. Вместе с тем, оставаясь в силовом поле зависимости от Европейского союза и Североатлантического альянса, Испания до настоящего времени не в состоянии преодолеть гравитацию международного влияния коллективного Запада, а потому нередко вынуждена принимать решения, не отвечающие ее коренным национальным интересам.

Литература

- Российско-испанские отношения // МИД РФ. 28.09.2022. — URL: mid.ru/ru/detail-material-page/1103799/ (дата обращения: 14.10.2025).
- Число украинских беженцев в Европе в 2025 году превысило 6,3 млн. // ТАСС. 22.05.2025. — URL: tass.ru/obschestvo/24018485 (дата обращения: 14.10.2025).
- Яковлев П.П. Глобальные головоломки. Иberoамерика в меняющемся мире. М. 2020. С. 24-54.
- Яковлев П.П. Иbero-американское сообщество наций в формирующемся миропорядке // Латинская Америка. 2016. № 8. С. 43-57.
- Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М. 2012.
- Яковлев П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 2. С. 5-14.
- Яковлев П.П. Экономика Испании на траектории процесса модернизации // Современная Европа. 2023. № 3 (117). С. 104.
- Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Испания на переходе к стрессоустойчивой модели роста // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 40-49.
- ACS. Información general. — URL: grupoacs.com (date of access: 12.10.2025).
- Albares J.M. España como actor para el diálogo, el entendimiento y la paz // Política exterior. 13.02.2024. — URL: politicaexterior.com/articulo/espana-como-actor-para-el-dialogo-el-entendimiento-y-la-paz/ (date of access: 14.10.2025).
- Albares: “Hay una Internacional reaccionaria, claro que sí, que va en contra del interés de los europeos” // El Diario 01.02.2025. — URL: eldiario.es (date of access: 15.10.2025).
- Asencio C., Montes L. España crecerá la mitad de lo previsto y perderá 54.600 empleos si Trump duplica los aranceles // El Economista. 27.06.2025.

- Bennett R.* Trump suggests Spain should be THROWN OUT of NATO for their 'inexcusable' low defence spending // Daily Mail. 10.10.2025.
- Bilateral trade between Spain and China // ITC. Trade Map. — URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (date of access: 13.10.2025).
- Bilateral trade between Spain and Turquía // ITC. Trade Map. URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm= (date of access: 12.10.2025).
- Declaración conjunta sobre el plan israelí de ampliar sus operaciones militares en Gaza // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. 07.05.2025. — URL: exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Comunicados/Paginas/2025_COMUNICADOS/Declaracion-conjunta-sobre-el-plan-israeli-de-ampliar-sus-operaciones-militares-en-Gaza.aspx (date of access: 12.10.2025).
- Diplomacia económica // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. — URL: exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Paginas/DiplomaciaEconomica.aspx (date of access: 30.09.2025).
- España y Brasil refuerzan su relación comercial y exploran futuras oportunidades de inversión // Ministerio de Economía, Comercio y Empresa. 17.02.2025. — URL: comercio.gob.es/es-es/NotasPrensa/2025/Paginas/comision-bilateral-espana-brasil.aspx (date of access: 12.10.2025).
- España y la crisis del coronavirus: Una reflexión estratégica en contexto europeo e internacional. Madrid. 2020.
- Estrategia de Acción Exterior 2021-2024. Gobierno de España. — URL: lamoncloa.gob.es/consejodeministros/resumenes/Documents/2021/270421-estrategia_de_accion_exterior_2021-2024.pdf (date of access: 29.09.2025).
- La Inversión Extranjera Directa en América Latina y el Caribe, 2025. CEPAL. Santiago. 2025.
- Jakes L., Bautista J.* Why Spain Is Reluctant to Spend Even a Little More on Security // The New York Times. 24.07.2025.
- Magreb y Oriente Próximo // Ministerio de Asuntos Exteriores, Unión Europea y Cooperación. — URL: exteriores.gob.es/es/PoliticaExterior/Paginas/Magreb-y-Oriente-Próximo.aspx (date of access: 12.10.2025).
- Molina I., Steinberg F.* 40 años de España en la UE // Real Instituto Elcano. 12.06.2025. — URL: realinstitutoelcano.org/especiales/40-anyos-de-espana-en-la-ue/ (date of access: 27.09.2025).
- Molinas C., Ramírez Mazarredo F.* La crisis existencial de Europa. ¿Es la Unión Europea el problema o la solución? Barcelona. 2017. P. 15.
- Pedro Sánchez: "Palestina se desangra ante nuestros ojos. Frente a la violencia, defendemos un orden mundial donde prevalezca la justicia" // La Moncloa. 17.05.2025. — URL: lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Paginas/2025/170525-sanchez-plenario-liga-arabe.aspx (date of access: 15.10.2025).
- Portillo J. de. Trump: "España es terrible" al negarse a invertir más en defensa "le haremos pagar el doble" de aranceles // Expansión. 25.06.2025.
- Reid M.* Spain: The Trials and Triumphs of a Modern European Country. New Haven. 2023.
- Rizzi A.* Open trade, open minds: Why opposing the Mercosur trade deal would hurt the EU // European Council on Foreign Relations. 09.12.2024. — URL: ecfr.eu/article/open-trade-open-minds-why-opposing-the-mercotur-trade-deal-would-hurt-the-eu/ (date of access: 11.10.2025).

Steinberg F. Acuerdo comercial entre UE y EEUU: cuando la lógica económica choca con la geopolítica // Real Instituto Elcano. 29.07.2025. URL: realinstitutoelcano.org/comentarios/acuerdo-comercial-entre-la-ue-y-eeuu/ (date of access: 12.10.2025).

Steinberg F. Los “nuevos reyes” y el futuro del sistema internacional // Real Instituto Elcano. 07.10.2025. — URL: realinstitutoelcano.org/comentarios/los-nuevos-reyes-y-el-futuro-del-sistema-internacion... (date of access: 11.10.2025).

Zibaoui A. Egipto y España: hacia una asociación estratégica // Expansión. 22.09.2025.

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-79-90

УДК 327; 323/324

Ладислав ЗЕМАНЕК

Секьюритизация в Европейском союзе (на примере Чехии)

Аннотация. В статье на примере Чешской Республики исследуется феномен секьюритизации в Евросоюзе. Подход, в рамках которого «интересы безопасности» ставятся выше демократических ценностей, гражданских свобод и иных соображений, больше не ограничивается традиционной военно-политической сферой, распространяясь на экономику, информацию, образование, науку и культуру. Под влиянием геополитической конфронтации, в первую очередь с Россией и Китаем, и предписаний Европейской комиссии, правительство Чехии институционализовало эту тенденцию посредством законодательных изменений, механизмов надзора, ограничений на экономическое взаимодействие и академическое сотрудничество. Делается вывод о том, что комплексная секьюритизация отражает парадоксальную эволюцию либеральной демократии к авторитарному управлению и снижению политической прозрачности.

Ключевые слова: секьюритизация, Евросоюз, рекомендации Еврокомиссии, Чехия, правительство П. Фиалы, безопасность, конфронтация, ограничения гражданских свобод, либеральная демократия, авторитарная эволюция.

Одним из ведущих трендов в политике Европейского союза является так называемая секьюритизация, подразумевающая приоритет «интересов безопасности» над всеми иными принципами и соображениями. Регламентация самых разных сфер — не только традиционных направлений обеспечения национальной безопасности, но и экономики, информации, образования, науки, культуры, гуманитарных контактов и т.д. — проникается дискурсом на тему угроз безопасности и политизированным видением, в основу которого положено противопоставление «демократий» и «автократий» как фундаментального разделительного рубежа современного мира.

Причины этого явления не сводятся к кризису европейской безопасности на почве конфронтации Запада с Россией и украинского конфликта в частности. Оно связано с общей трансформацией международного порядка и новым этапом глобальной конкуренции, подъемом крупных незападных держав, кризисом западного доминирования, с тенденцией к фрагментации, а точнее — регионализации мира, идущей на смену всеобщей глобализации. Правящие неолиберальные элиты, столкнувшись с систем-

Сведения об авторе: Ладислав ЗЕМАНЕК — научный сотрудник China-CEE Institute при Академии общественных наук КНР (Венгрия), доктор философии, zemanek.ml@gmail.com.

ными альтернативами как на международном уровне, так и внутри своих стран, пытаются удержать монопольное положение и собственные привилегии. Отсюда — курс на «секьюритизацию» экономических связей с «автократиями», нарративы «расцепления» и «дерискинга»; ужесточение контроля над инфраструктурной, информационной, идеологической, культурной, гуманитарной и др. сферами. Все это сочетается с резким увеличением оборонных бюджетов, вложениями в военно-промышленный комплекс (ВПК) и конфронтационной стратегией силового противостояния альтернативным игрокам.

От дискурса гибридной войны и кибербезопасности к всеобъемлющей секьюритизации

Традиционно проблематика безопасности и ее обеспечения ассоциировалась главным образом со сферами оборонной / военной стратегии, вооруженных сил, разведки и контрразведки, а также военно-политических союзов. Во всяком случае, тема безопасности не имела прямого определяющего влияния на большинство других общественных сфер. Ситуация стала меняться с появлением концепции гибридной войны, которая к середине 2010-х годов вышла на первый план официальной политической повестки НАТО. Дискурс гибридной войны создал концептуальный и психологический фон для неограниченной драматизации угроз, радикализировал общий дискурс безопасности и распространил его нарративы на сугубо гражданские области. Заметной вехой на этом пути стал, в частности, Варшавский саммит НАТО 2016 г., дополнивший наземные, военно-морские и воздушные оперативные сферы киберпространством.

С этого времени в Чехии (где первый закон о кибербезопасности был принят в 2014 г.) начались институциональные нововведения, затронувшие как военный, так и гражданский сектор. Начиная с 2017 г. возникла целая система соответствующих институтов: Национальное агентство кибер- и информационной безопасности (NUKIB / NCISA) в качестве головного административного ведомства в области кибербезопасности; Центр по борьбе с терроризмом и гибридными угрозами (CATHT) при чешском МВД; Комитет по кибербезопасности при Совете национальной безопасности; должность Специального представителя МИД по вопросам устойчивости и новых угроз; армейское Командование кибервойск и другие.

Все эти ведомства сформировали институциональную и нормативную базу «высокосекьюритизированного» всеобъемлющего дискурса гибридной войны. В «Стратегии кибербезопасности», принятой в 2020 г., устанавливались следующие приоритеты: разработка целостного подхода к кибербезопасности, основанного на гражданско-военном сотрудничестве; повышение устойчивости стратегической информационной инфраструктуры и систем управления; развитие основанного на единых ценностях международного сотрудничества в области кибербезопасности; взаимосвязь гражданского и военного секторов и создание совместной правовой базы евроатлантического киберпространства и т.п. [National Cyber Security Strategy...]

Следует отметить, что все разработанные в этой сфере программные документы, в том числе опубликованная в декабре 2021 г. «Национальная стратегия противодействия гибридному вмешательству» [National Cyber Security Strategy...], опираются на стратегические документы НАТО и ЕС, постулируя прежде всего неделимость чешской и евроатлантической безопасности — в согласии с основополагающей «Стратегией безопасности Чешской Республики».

Гибридное вмешательство связывается исключительно с действиями против западных либеральных демократий, которые, как утверждается, сталкиваются с угрозами «подрыва или срыва» в них демократических процессов, верховенства права и безопасности. В «Стратегии безопасности Чешской Республики» (2021) говорится, что атакам наиболее часто подвергаются, помимо инфраструктуры безопасности и обороны, ценности либерально-демократической системы и экономика. Всеобъемлющая политика противодействия гибридным угрозам, согласно документу, предполагает в том числе развитие возможностей адекватного и своевременного реагирования, публичное выявление лиц, совершающих гибридные преступления, и снижение зависимости от стран с «иными идеологическими и ценностными системами».

Принятая Чехией (и ЕС в целом) концепция кибербезопасности строится на принципах «нулевой суммы», исключительности западных либеральных демократий и их противопоставления «недемократическим» режимам, с которыми аксиоматически отождествляются все киберугрозы и риски. Такова и философия Пражских конференций по кибербезопасности, ежегодно организуемых NUKIB с участием представителей НАТО, США и европейских стран, а также «единомышленников» из Азии, включая Тайвань. Именно на первом из этих форумов в 2019 г. были одобрены поддержанные затем Большой семеркой «Пражские предложения» [The Prague Proposals], которые определили рекомендации по политике кибербезопасности в глобальном масштабе и стали отправной точкой для многих документов в этой области в разных странах.

Самоабсолютизация современной либеральной демократии и политизированный дискурс гибридной войны против нее парадоксальным образом ведут ее саму к антилиберальной и антидемократической эволюции. Показательно, что последние редакции «Стратегии безопасности Чешской Республики» включают в категорию серьезных угроз критику либерально-демократической модели, независимо от того, исходит ли эта критика со стороны внешних или внутренних субъектов [См. напр.: Security Strategy...2015].

Проблема такого подхода заключается в том, что он по сути делегитимирует свободу мысли и слова, идейный плюрализм, внутривнутриполитическую дискуссию, открытость к международному обмену — то есть то, что составляло фундаментальные черты самой либерально-демократической системы. Отныне любая внутренняя критика официального мейнстрима легко может быть расценена как действия в пользу внешних противников и гибридная угроза, что оказывает сильное давление на политическую оппозицию и гражданское общество во всех его сегментах, от административных

и бизнес-кругов до деятелей культуры, медийного, научно-экспертного и других сообществ.

Неотъемлемой стороной европейской политики секьюритизации становится противодействие избирательно определяемому «иностранному влиянию» во всех сферах общественной жизни. В некоторых областях, включая образование и науку, такой курс уже частично институционализирован. Об этом свидетельствуют создание должностей «менеджеров по безопасности» в ряде европейских (в том числе чешских) университетов, введение механизмов проверки, сокращение проектов сотрудничества с коллегами из «автократических» государств, ужесточение контроля и надзора за научными сотрудниками, преподавателями и студентами.

Новые законопроекты правительства П. Фиалы

Тенденция к всеобъемлющей секьюритизации усилилась в Чехии с приходом к власти в конце 2021 г. коалиционного правительства во главе с П. Фиалой. Аппарат безопасности и разведки активизировал усилия по внедрению принципа «безопасность превыше всего» в гражданские сферы — от производственного бизнеса и торговли до информации, образования и науки. Отдельные аспекты этой политики уже рассматривались нами в ряде публикаций [См. Напр.: Zemánek. Securitisation...].

В 2024 г. МВД и Национальное агентство кибер- и информационной безопасности Чехии подготовили и внесли в парламент очередные законопроекты — соответственно, о критической инфраструктуре и о кибербезопасности. Принятые в 2025 г., эти законы предусматривают внедрение обширных механизмов проверки для обеспечения «безопасных» цепочек поставок и исключения «рисков». Они серьезно скажутся на развитии таких отраслей, как энергетика, транспорт, информационно-коммуникационный сектор (ИКТ), финансы и банковское дело.

Доступ на чешский рынок экономических субъектов из идеологически неблизких стран существенно ограничивается. В последние годы объектом наиболее жестких рестрикций стал российский бизнес, причем эта практика началась еще до военной операции Москвы на Украине (например, консорциум с участием Росатома, как, впрочем, и китайские компании, не был допущен к тендеру на строительство нового энергоблока АЭС «Дукованы» [См. также: Задорожнюк. Провокация во Врбетице...]). Теперь в Праге вознамерились нанести решительный удар по позициям крупных китайских корпораций, в первую очередь Huawei (давнего партнера многих известных чешских компаний, включая Vodafone, T-Mobile и ČEZ), а также ZTE, Hikvision и Dahua [Sedlák]. Чешские органы безопасности еще в прошлом десятилетии были главной движущей силой кампании против стратегического партнерства с Пекином, в том числе и в экономической области. Они давно лоббируют ограничительный подход, предостерегая от китайских телекоммуникационных компаний, производителей видеооборудования и электромобилей, а также социальных сетей. По признанию высокопоставленных чешских чиновников, страны Запада, включая Чехию, рано или поздно введут общий запрет на определенные китайские технологии [Zelenka].

Следует отметить, что новый закон о кибербезопасности был разработан в порядке реализации Директивы NIS2 Европейской комиссии, принятой в конце 2022 г. [Directive (EU) 2022/2555]. Этот документ европейского права резко расширил требования к частным субъектам по внедрению мер безопасности, а также круг охватываемых организаций и секторов и обязал государства-члены ЕС адаптировать национальные законодательства к новым «стандартам кибербезопасности». Количество чешских юридических лиц, подпадающих под действие соответствующего регулирования, должно возрасти в 15 раз, примерно до 6 тыс. (вместо порядка 400), причем выполнение новых требований потребует от них огромных финансовых и кадровых ресурсов [NÚKIB sent...]. Кроме того, значительно расширятся запретительные полномочия Национального агентства кибер- и информационной безопасности. На фоне широкой негативной реакции в стране на этот законопроект Чешская торгово-промышленная палата и ряд компаний призвали правительство к его пересмотру.

Кабинет П. Фиалы также инициировал изменения в законе о защите страны. Прежде всего, было дано новое определение объектов, имеющих важное значение с точки зрения обороны и безопасности. До недавних пор круг таких стратегических объектов ограничивался особыми военными зонами, число которых сократилось до четырех (Болетице, Бржезина, Градиште и Либава). Объекты за их пределами не подпадали под действие данного закона, а различные военные объекты нередко возводились на участках земли, находящихся в частной собственности. По утверждению министерства обороны, некоторые «чувствительные» участки пытались купить иностранные граждане, что поставило бы под угрозу интересы национальной безопасности. На этом основании правительство провело поправку в закон, которая уполномочивает государственные органы выкупать либо даже экспроприировать участки, имеющие стратегическое значение для обороны страны, независимо от того, находятся ли они в специальных военных зонах или нет.

Как подчеркивали в оборонном ведомстве, законодательные изменения должны позволить увеличить мощности складов боеприпасов. (Запланировано расширение как минимум четырех из восьми государственных складов боеприпасов.) При этом с большой вероятностью встанет деликатный вопрос экспроприации частной собственности. Хотя чешская Конституция допускает использование данного правового инструмента во имя общественных интересов, до сих пор это было крайне затруднено. Законодательство, сложившееся после падения коммунистического режима, отдавало явный приоритет защите индивидуальных прав и конкретных частных интересов. Теперь следует ожидать смещения баланса в противоположную сторону и расширения практики экспроприации частной собственности.

Кроме того, секьюритизация уже привела к снижению прозрачности и затруднению общественного контроля в области политических решений и деятельности государственных инстанций в целом. Например, министерство обороны Чехии перестало предоставлять конкретную информацию о военной технике и закупках, ссылаясь на соображения безопасности. Ограничения на гласность государственных решений вышли

и далеко за рамки оборонной сферы: так, правительство П. Фиалы не опубликовало официальные доклады о пересмотре отношений с Россией и Китаем — одним из внешнеполитических приоритетов либеральной коалиции. Информация, связанная с подготовкой бюджета на 2025 г., также скрывалась — не только от общественности, но и от парламентской оппозиции. Для посткоммунистической Чехии подобная непрозрачность действий власти беспрецедентна. Отсутствие прозрачности критикуется оппозицией как «правительственная цензура» и вызывает негативную реакцию в чешском обществе [Wirnitzer. Nákupe...].

Проверка инвестиций и экономическая безопасность

Одним из инструментов политики секьюритизации (как на национальном уровне, так и на уровне Евросоюза) является механизм проверки и отбора иностранных инвестиций.

Европейская комиссия представила первую рамочную программу ЕС по проверке инвестиций в 2017 г. К тому моменту некоторые государства-члены уже внедрили свои национальные механизмы. К 2025 г. 24 из 27 стран-членов ЕС имели механизм проверки иностранных капиталовложений на национальном уровне, исключение составили Хорватия, Кипр и Греция. При этом действующие на пространстве Евросоюза правовые нормы в этой области различаются от страны к стране, что, по мнению сторонников секьюритизации, может снизить эффективность инструмента. Механизм фильтрации инвестиций является частью стратегии экономической безопасности, на растущем значении которой настаивают брюссельские инстанции.

Что касается Чехии, то в «Национальной стратегии противодействия гибридному вмешательству» 2021 г. поставлена, среди прочего, задача разработки эффективных механизмов проверки иностранных инвестиций. На практическом уровне скрининг инвестиций был введен в том же 2021 г. Он применяется в отношении иностранных инвесторов в тех случаях, когда конечный бенефициарный владелец средств находится за пределами ЕС. Обычно проверке подлежат капиталовложения, составляющие не менее 10% акций чешской компании, ведущей деятельность в том или ином секторе, который считается важным для национальной безопасности. Более строгие правила действуют в отношении инвестиций в производство военного оборудования и определенных товаров двойного назначения, а также в критическую инфраструктуру.

Согласно ежегодному отчету министерства промышленности и торговли, в 2023 г. государственные органы Чехии задействовали механизм проверки в 28 случаях против 13 случаев в 2022 г. [Výroční zpráva...]. Увеличение было связано по большей части с ростом числа «консультаций», то есть предварительной добровольной проверки на предмет возможных рисков для национальной безопасности либо конституционного и общественного порядка. Случаев наложения запрета на иностранные вложения в 2023 г. не было. На уровне ЕС доля запретов, наложенных на иностранные инвестиции, составила 1% от всех проверок. Большинство инвесторов в чешскую экономику,

попавших под проверку, были из США и Люксембурга, при этом конечные бенефициары находились в США и на Тайване. Что касается сфер предпринимательства, то в Чехии чаще всего проверялись капиталовложения в электротехническую отрасль, ИКТ и здравоохранение, а в ЕС в целом — в обрабатывающую промышленность и ИКТ.

В октябре 2023 г. Европейская комиссия определила десять технологических областей, критически важных с точки зрения безопасности:

- высокотехнологичные полупроводники;
- искусственный интеллект;
- квантовые технологии;
- биотехнологии;
- передовые средства связи, навигация и цифровые технологии;
- передовые сенсорные технологии;
- космос и двигатели;
- энергетика;
- робототехника и автономные системы;
- современные материалы, технологии производства и переработки [Commission Recommendation...].

Повестка экономической безопасности предполагает в этих областях как ужесточение контроля за экспортом, так и усиленный контроль над иностранными инвестициями. Кроме того, можно ожидать давления с целью включения в этот список иных категорий, например, «чистых технологий», что еще больше подстегнет тренд к избирательному «расцеплению» (decoupling) и «дерискингу» (derisking)¹ во внешнеэкономической политике [Demarais].

Секьюритизация в академическом секторе

Нарратив ограничения («безопасности») международного обмена в сфере науки и образования громко звучит в Евросоюзе как минимум с прошлого десятилетия. В Чехии, да и ряде других стран ЕС, сотрудничество с российскими академическими учреждениями и коллегами стало если не невозможным, то связанным с административными трудностями и карьерными рисками уже к началу 2020-х годов, еще за несколько лет до военной операции России на Украине, — будь то из-за ведомственных предписаний или активности ангажированных НПО, медийной травли и т.п. [см.: Zemánek. Securitisation...].

В государственной политике секьюритизации академического сектора официальная Прага выступила впереди большинства своих партнеров по ЕС. Реструктуризация на этом направлении началась в 2021 г., когда министерство внутренних дел выпустило «Руководство по противодействию иностранному влиянию для чешских высших учебных заведений».

1 Термин «дерискинг» (derisking) ввела в оборот глава Еврокомиссии У. фон дер Ляйен, говоря в марте 2023 г. об отношениях с Китаем.

Данный документ исходил из тезиса, что чешские университеты и ученые являются целями «воздействия из-за рубежа» и что они недостаточно защищены от внешнего влияния. Ссылаясь на опыт США и Великобритании, МВД Чехии предостерегало академическое сообщество от сотрудничества с коллегами и учреждениями из «авторитарных» стран, особенно России, Китая и Ирана, и призывало преподавателей и студентов сообщать администрации университета либо органам безопасности о контактах с представителями этих государств [Protivlivový manuál...].

В том же 2021 г. появилось подготовленное аналитическим управлением министерства финансов «Руководство по технической помощи и нематериальной передаче технологий», содержавшее еще более радикальные положения. В нем, в частности, определялись области, закрытые для изучения гражданами определенных стран. Аналогичные запреты устанавливались и на зарубежное сотрудничество образовательных и научных организаций [Příručka technické pomoci...].

С началом военных действий российской армии на Украине в 2022 г. практически все европейские университеты и научные центры прекратили отношения с российскими партнерами. Схожая тенденция, несмотря на формально иной контекст, наблюдается и в отношении Китая. Чешская академия наук и растущее число университетов Чехии принялись свертывать совместные проекты с китайскими коллегами, переориентируясь под влиянием курса официальной Праги на тайваньских партнеров.

Точкой отсчета качественно нового этапа в секьюритизации академической сферы на уровне Евросоюза можно считать май 2024 г., когда Совет ЕС по предложению Еврокомиссии принял «Рекомендацию по укреплению безопасности научных исследований» [Council Recommendation...]. Такое укрепление определяется как управление рисками, связанными с нежелательной передачей критически важных знаний и технологий, злонамеренным влиянием со стороны третьих стран либо в их интересах, а также нарушениями этики и «целостности», когда знания и технологии используются для нанесения ущерба фундаментальным «правам и ценностям» Евросоюза. Документ прямо ссылается на опубликованную в июне 2023 г. Европейскую стратегию экономической безопасности, которая отводит одну из ключевых ролей исследованиям и инновациям, а также на вышеупомянутый перечень десяти технологических областей, критически важных для безопасности и стратегической автономии ЕС.

Фактически секьюритизация подразумевает подчинение сферы науки и высшего образования задачам геополитики и международной конфронтации. Европейские власти используют концепцию гибридных угроз, чтобы, апеллируя к соображениям безопасности, подчинить научные исследования своим политическим интересам и наложить ограничения на профессиональное сотрудничество европейских академических кругов с коллегами из «автократических» стран.

Важно, что к прежним, часто неформальным, методам давления и контроля добавляется институционализация «исследовательской безопасности» посредством взаи-

модействия университетов и научных учреждений со спецслужбами. Принятая в мае 2024 г. рекомендация ЕС призвала вовлечь в экосистему исследований и инноваций такие инстанции, как Единый аналитический центр разведки (SIAC), Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Hybrid CoE), Агентство ЕС по кибербезопасности (ENISA) и Европейский центр по киберпреступности (EC3).

Предусмотрено создание механизмов официального сотрудничества научных организаций со спецслужбами и подобными инстанциями. Совет ЕС заключил, что обмен информацией между исполнителями и спонсорами исследований, с одной стороны, и представителями разведки и контрразведки, с другой, должен осуществляться посредством закрытых и открытых брифингов, а также через «офицеров связи» в исследовательских центрах и университетах. Кроме того, была отмечена необходимость укреплять соответствующее взаимодействие в системе государственного управления и правительственных органов путем межведомственной координации действий высокопоставленных чиновников, отвечающих за высшее образование, исследования и инновации, торговлю, внешнюю политику, разведку и безопасность. Данные предписания явно направлены в первую очередь против Китая, поскольку правящие круги Евросоюза все больше опасаются влияния КНР на европейские дела, в том числе по каналам передачи знаний и технологий [Наеск].

Все эти инструменты контроля постепенно внедряются в Чешской Республике. В июне 2024 г. чешское министерство образования, со своей стороны, представило инструкции по укреплению «устойчивости против нелегитимного влияния» в области образования и науки.

Следствиями «секьюритизированного» подхода к научно-образовательной политике стали: распространение атмосферы недоверия и подозрений; усиление цензуры и самоцензуры; исключение из академического процесса (либо маргинализация) ряда учебных курсов, научных тем и концепций; административные наказания ученых и преподавателей с альтернативными взглядами; их публичная диффамация в СМИ и социальных сетях.

Парадоксально, что руководящие органы государств-членов ЕС и сами брюссельские инстанции не признают эти ограничения и репрессивные меры нарушениями академических прав и свобод. В то же время стандартное профессиональное сотрудничество с коллегами из так называемых авторитарных стран, к которому чаще всего сводится «влияние иностранной державы», расценивается как серьезное нарушение этих самых академических прав и свобод.

Изменения в Уголовном кодексе

Однако все директивы о «секьюритизации» и дискриминация инакомыслия в академической среде меркнут на фоне поправок к Уголовному кодексу Чешской Республики, которые в ноябре 2024 г. получили одобрение кабинета министров и были приняты

в феврале 2025 г. Правительство П. Фиалы и поддерживающая его либеральная коалиция согласились с настойчивым требованием службы контрразведки провести новый уголовный закон, который в определении шпионажа выходит далеко за рамки действующего законодательства.

До сих пор Уголовный кодекс предусматривал наказание за несанкционированное использование секретной информации в пользу иностранного субъекта. Новая поправка существенно расширяет сферу уголовно наказуемых действий, распространяя ее как на секретную, так и на несекретную информацию. Правительство утвердило положение о том, что чешский гражданин, осуществлявший деятельность в пользу иностранного субъекта в ущерб национальной безопасности и интересам соответствующих международных организаций, может быть приговорен к тюремному заключению сроком до 12 лет. Согласно новой поправке, наказуемой является уже подготовка к такой деятельности, причем государственные органы не будут принимать во внимание, осуществляется ли она в Чехии или за рубежом [Zákon, kterým... Svorník]. Такие изменения в Уголовном кодексе предоставят спецслужбам и аппарату безопасности беспрецедентные полномочия. Например, они позволят преследовать и наказывать за практически любые формы сотрудничества или контактов с иностранными субъектами из так называемых автократических стран. Бывший президент Чехии М. Земан назвал данную поправку в УК «тоталитарным инструментом», что резонирует с давно звучащими предостережениями политической оппозиции против опасности возникновения либерального «нового тоталитаризма» [Panenka; Rambousková, Gavenda, Machová].

* * *

Как показывает проведенный анализ, распространение дискурса безопасности на различные общественные сферы — это долгосрочная тенденция, усилившаяся в последний период, особенно в связи с концепцией гибридной войны и нарастанием глобальной конкуренции. Всеобъемлющая секьюритизация ведет к капитальным политическим, экономическим и социальным последствиям.

Расширительное и произвольное, политически и идеологически мотивированное, толкование безопасности ставит под угрозу основные права и гражданские свободы, налагая все большие ограничения на индивидуумов и общественные субъекты. Более того, подчинение экономического, культурного, академического обмена, гуманитарных контактов такому дискурсу безопасности подрывает нормальные прагматичные отношения с внешним миром, поскольку создает разделительную линию между идеологически близкими странами, с одной стороны, и так называемыми врагами и соперниками, с другой.

Происходящие в этом русле сдвиги в Чехии и во всем Европейском союзе свидетельствуют о парадоксальной трансформации западной либеральной демократии в направлении авторитаризма и закрытости.

Литература

- Задорожнюк Э. Провокация во Врбетице: опасные повороты чешской нанополитики // Перспективы. Электронный журнал. 2021. №2/3. С. 129-140. — URL: perspektivy.info/upload/iblock/d16/2_3_2021_0_129_140.pdf (date of access: 03.09.2025).
- Commission Recommendation (EU) 2023/2113 of 3 October 2023 on critical technology areas for the EU's economic security for further risk assessment with Member States. 11.10.2023. — URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202302113 (date of access: 03.09.2025).
- Council Recommendation on Enhancing Research Security. Brussels. 14.05.2024. — URL: data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-9097-2024-REV-1/en/pdf (date of access: 03.09.2025).
- Demarais A. What the EU list of critical technologies tells us about its de-risking plans // European Council on Foreign Relations. 11.10.2023. — URL: ecfr.eu/article/what-the-eu-list-of-critical-technologies-tells-us-about-its-de-risking-plans/ (date of access: 03.09.2025).
- Directive (EU) 2022/2555 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022// EUR-Lex. — URL: eur-lex.europa.eu/eli/dir/2022/2555/2022-12-27/eng (date of access: 03.09.2025).
- Haack P. EU wants spies on university campuses to fight Chinese tech espionage // Politico. 23.05.2024. — URL: politico.eu/article/academic-research-campus-eu-universities-intelligence-services-china-spying-technology/ (date of access: 03.09.2025).
- National Cyber Security Strategy of the Czech Republic. Prague. 2020. — URL: dataplan.info/img_upload/7bdb1584e3b8a53d337518d988763f8d/nscs_2021_2025_eng.pdf (date of access: 03.09.2025).
- NÚKIB sent a draft proposal of the new law on cyber security to the Government Legislative Council // NÚKIB. 03.01.2024. — URL: nukib.gov.cz/en/infoservis-en/news/2065-nukib-sent-a-draft-proposal-of-the-new-law-on-cyber-security-to-the-government-legislative-council/ (date of access: 03.09.2025).
- Panenska R. Zeman: Fiala připomíná Hitlera v bunkru. BIS se chystá zatýkat // ParlamentníListy.cz. 20.11.2024. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Zeman-Fiala-pripomina-Hitlera-v-bunkru-BIS-se-chysta-zatykat-765127 (date of access: 03.09.2025).
- Příručka technické pomoci a nehmotného přenosu technologií. Prague. 2021. Aktualizováno v prosinci 2024. — URL: fau.gov.cz/files/prirucka-technicke-pomoci-v2024-final.pdf (date of access: 03.09.2025).
- Protivlivový manuál pro sektor vysokých škol // Centrum proti hybridním hrozbám. — URL: mv.gov.cz/chh/clanek/protivlivovy-manual-pro-sektor-vysokych-skol.aspx (date of access: 03.09.2025).
- Rambousková M., Gavenda J., Machová M. Nová totalita je tu, hájí Babiše jeho poslanci v předvečer 17. listopadu // Seznam Zprávy. 16.11.2023. — URL: seznamzpravy.cz/clanek/domaci-politika-nova-totalita-je-tu-haji-babise-jeho-poslanci-v-predvecer-17-listopadu-239839 (date of access: 03.09.2025).
- Security Strategy of the Czech Republic. Prague. 2015. — URL: mzv.gov.cz/public/2a/57/16/1375879_1259981_Security_Strategy_CZ_2015.pdf (date of access: 03.09.2025).
- Sedlák J. Také vnitro chce zakazovat dodavatele do kritické infrastruktury. Dřímají v ní rizikové kamery z Číny // Lupa.cz. 17.04.2024. — URL: lupa.cz/clanky/take-vnitro-chce-zakazovat-dodavatele-do-kriticke-infrastruktury-drimaji-v-ni-rizikove-kamery-z-ciny/ (date of access: 03.09.2025).

- Svorník P.* Nový trestný čin: Za sběr dat pro cizí mocnost až 12 let vězení // Novinky.cz. 18.11.2024. — URL: novinky.cz/clanek/domaci-novy-trestny-cin-za-sber-dat-pro-cizi-mocnost-az-12-let-vezeni-40497777 (date of access: 03.09.2025).
- The Prague Proposals. The Chairman Statement on cyber security of communication networks in a globally digitalized world. Prague 5G Security Conference. Prague, 3 May 2019. — URL: vlada.gov.cz/assets/media-centrum/aktualne/PRG_proposals_SP_1.pdf (date of access: 03.09.2025).
- Výroční zpráva o prověřování zahraničních investic v České republice za rok 2023. Ministerstvo průmyslu a obchodu. 10.12.2024. — URL: mpo.gov.cz/assets/cz/zahranicni-obchod/proverovani-zahranicnich-investic/2024/12/vyrocní_zprava23_1.pdf (date of access: 03.09.2025).
- Wirnitzer J.* Nákupy bez „jakékoli kontroly“? Co a proč už ministerstvo obrany nechce zveřejňovat // Deník N. 26.01.2024. — URL: denikn.cz/1332436/nakupy-bez-jakekoli-kontroly-co-a-proc-uz-ministerstvo-obrany-nechce-zverejnovat/ (date of access: 03.09.2025).
- Zákon, kterým se mění zákon č. 40/2009 Sb., trestní zákoník, ve znění pozdějších předpisů, zákon č. 141/1961 Sb... // ODok. — URL: odok.cz/portal/veklep/material/KORND3QJZZZ3/ (date of access: 03.09.2025).
- Zelenka F.* Směřujeme k zákazu některých čínských technologií, říká český kyberzmocněnec // E15. 20.04.2024. — URL: e15.cz/byznys/technologie-a-media/smerujeme-k-zakazu-nekterych-cinskych-technologie-rika-cesky-kyberzmocnenec-1415061 (date of access: 03.09.2025).
- Zemánek L.* Securitisation of the Social Sphere: Synchronic and Diachronic Perspective // Weekly Briefing. Vol. 46. No. 3 (CZ) December 2021. — URL: china-cee.eu/2022/01/11/czech-republic-social-briefing-securitisation-of-the-social-sphere-synchronic-and-diachronic-perspective/#_ftnref5 (date of access: 03.09.2025).

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПАС

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-92-102

УДК 94

Антон Крутиков

Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 1. Февральская революция и активизация национальных процессов в прибалтийских губерниях

Аннотация. После Февральской революции российское Временное правительство подготовило серию проектов административных реформ в прибалтийских губерниях, в русле расширенной автономии. Обращение к этим источникам позволяет более детально оценить многовекторную динамику процессов в Прибалтике, в том числе отсутствие заданности и предопределенности в последующем образовании там национальных государств. Официальный Петроград рассчитывал использовать стремления к национальной автономии и антинемецкие настроения среди народов Прибалтики для завоевания поддержки местных национальных элит и борьбы с растущим влиянием левых партий. При этом в вопросах национального самоопределения власти в Петрограде исходили из принципа верховенства будущего Учредительного собрания, что вызвало разочарование у эстонских и латышских национальных элит. Острой проблемой было и определение новых административных границ. Актуальные на февраль 1917 г. границы Эстляндской и Лифляндской губерний не совпадали с этнолингвистической картой. Исследование основано в том числе на малоизвестных документах из фонда департамента общих дел министерства внутренних дел Временного правительства, хранящихся в ГАРФ.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, Эстляндия, Лифляндия, Временное правительство, Февральская революция, Первая мировая война, национальный вопрос, национальная политика, Постановление 30 марта 1917 г.

Роль Временного правительства России в становлении новых форм национальной государственности в Прибалтике, как неотъемлемый аспект Русской революции, часто рассматривается исследователями *post factum*, в отрыве от динамики российского политического ландшафта в 1917 г. Крушение российской монархии и централизованного государства в ходе революционной смуты вызвало глубокий эмоциональный отклик не только современников, но и потомков, дав начало многолетней дискуссии о причинах национальной катастрофы. В современных исследованиях популярна точка зрения о нарастании межнациональных противоречий, в том числе на западных окраинах бывшей империи, которые в условиях вакуума власти неизбежно вели к дезинтег-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorz1000@gmail.com.

рации государства и распаду страны [Назарова. С. 74]. Временное правительство указывается в числе других важных акторов, стимулировавших процессы национального самоопределения и нациестроительства на окраинных территориях [Межевич. С. 184]. В рамках данного подхода становление новых независимых наций в Прибалтике часто описывается как линейное движение от имперской модели немецкого сословного самоуправления к национальной автономии и обретению независимости. Верхней хронологической границей национальных процессов, инициированных мировой войной и революционными потрясениями 1917 г., объявляется образование по итогам Гражданской войны новых национальных государств [Бочарников. С. 15; Межевич. С. 184]. В зарубежной литературе также прослеживается стремление установить связь между современными Эстонией и Латвией и демократическими изменениями, принесенными Февральской революцией [Брюггеманн. С. 409].

Между тем проекты реформ, подготовленных Временным правительством в западных губерниях России, являются ценным историческим материалом, отражающим столкновение идей, партийных интересов и образов будущего российского государства и его окраин, актуальных после февраля 1917 г. Обращение к этим источникам позволяет зафиксировать динамику национальных процессов и «многовекторность» в действиях правительства, отсутствие заданности и предопределенности в последующем формировании национальных государств в Прибалтике.

Максимой для новых властей в Петрограде был отказ от предрешения вопросов национального самоопределения, целиком отнесенных к компетенции будущего Учредительного собрания. В качестве альтернативного подхода Временное правительство подготовило серию масштабных административных преобразований в прибалтийских губерниях, опираясь на расширенное толкование понятия «самоуправление». Изучение документов ГАРФ из фонда департамента общих дел Министерства внутренних дел Временного правительства дает возможность заполнить существующие в историографии лакуны и более детально рассмотреть этапы национальной политики Петрограда в Прибалтике весной и летом 1917 г.

Февраль 1917 г. и национальные процессы в Прибалтике

Вопрос о предоставлении самоуправления национальным окраинам бывшей империи оказался в повестке Временного правительства уже в первые недели после Февральской революции. 7 марта 1917 г. правительство приняло декларацию о восстановлении действия конституции Великого княжества Финляндского и расширении прав работы сейма. Накануне, для защиты Петрограда от возможной «контрреволюции», в Гельсингфорсе произошла смена администрации, бывший генерал-губернатор Ф.А. Зейн был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Комиссаром по делам великого княжества был назначен депутат Государственной Думы кадет Ф.И. Родичев. Помощником комиссара по делам статс-секретариата Великого княжества Финляндского стал видный эстонский национальный деятель, депутат Государственной Думы и член конституционно-демократической фракции Яан Рамот.

Однако наиболее существенные ограничения конституционных прав сейма, введенные в 1904 г. самодержавной властью, предполагалось отменить после окончания войны. Для отмены других «изданных за последние годы противоречащих финляндским законам положений» финляндскому Сенату было предписано «войти с соответствующими предположениями» к Временному правительству [Манифест...].

Власти в Петрограде полагали, что статус Финляндии будет окончательно утвержден Всероссийским учредительным собранием. Уже 31 марта правительство назначило нового генерал-губернатора Финляндии — либерального общественного деятеля и бывшего члена Государственного Совета М.А. Стаховича.

Восстанавливая финляндскую конституцию, Временное правительство стремилось найти опору в национально-буржуазных элитах западных окраин бывшей империи. Это означало определенный разрыв с прежней имперской практикой, традиционно опиравшейся в Финляндии на умеренных конституционалистов и бюрократию, а в Лифляндии и Эстляндии — на немецкое дворянское самоуправление.

Затруднения в использовании прежних подходов к административному управлению национальными окраинами были очевидны уже накануне Февральской революции. Первая мировая война принесла дополнительные вызовы в виде двоевластия военной и гражданской администрации. Совет министров, гражданские губернаторы и Славка были вовлечены во взаимные интриги и часто оказывались бессильны против роста местного национализма и обострения межнациональных конфликтов. Учитывая развернутую в годы войны официальную антинемецкую кампанию, «поиск внутреннего врага» (шпиономанию) среди балтийских немцев, запрет на использование немецкого языка в публичном пространстве, местные национальные элиты в Прибалтике уже были готовы заявить о своих политических правах [Бахтурина. Окраины Российской империи... С. 89–91].

В отличие от Финляндии, в прибалтийских губерниях близость линии фронта была важнейшим фактором, который Временное правительство вынужденно учитывало при реализации своей национальной политики. С августа 1915 г. фронт проходил под Ригой, оставляя в зоне германской оккупации всю Курляндскую губернию и часть Лифляндии. На рижском фронте была расположена российская 12 армия под командованием генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Присутствие большого числа российских военных в дальнейшем напрямую отразилось на развитии политических процессов в регионе, в первую очередь за счет расширения влияния советов и левых партий. С другой стороны, созданные в 1915 г. латышские стрелковые части рассматривались местными национальными активистами в качестве основы будущих вооруженных сил автономной Латвии.

Германская оккупация Литвы и Курляндии в 1915–1917 гг. привела к волне беженцев, направлявшихся в Лифляндию и внутренние губернии России. Латышские национальные элиты в этот период приобрели большой опыт разрешения гуманитарных

и административно-хозяйственных проблем, защищая интересы беженцев и жертв войны. Руководящей организацией по оказанию помощи беженцам был созданный в 1915 г. в Петрограде Центральный комитет по обеспечению латышских беженцев. Председателем этой организации стал латышский историк, публицист и общественный деятель Вилис Олавс. Комитет, имевший более 200 филиалов по всей Российской империи, объединил многих представителей латышской интеллигенции, впоследствии занимавших государственные посты в Латвийской республике. В определенном смысле этот орган выступал прообразом будущего национального правительства. К февралю 1917 г. в России уже сложились национальные структуры латышей, которые могли быть использованы для формирования органов управления латвийской автономии.

В Эстляндской губернии немецкое балтийское дворянство стремилось к прагматичному сотрудничеству с национальными эстонскими элитами, чтобы сгладить межнациональные противоречия, однако до февраля 1917 г. этот подход не принес практических результатов [Назарова. С. 84]. Было очевидно, что ограниченные проекты реформ самоуправления, подготовленные еще при царской власти, не устраивали местных национальных лидеров. Известия о свержении самодержавия в Петрограде были получены в Эстляндии с опозданием (это было характерно для многих других окраинных территорий). Однако уже 2 марта в Ревеле произошли массовые выступления рабочих, в ходе которых были захвачены канцелярия губернатора и полицейские участки, а их документы, как и в столице, преданы огню [Брюггеманн. С. 413]. Внешние формы революционных выступлений в Эстляндии и состав их основных участников в значительной степени были отражением процессов в Петрограде. Несмотря на тыловой характер губернии, здесь, как и в Лифляндии, определяющим был фактор присутствия большого числа российских военных. Крупной тыловой базой Балтийского флота был Ревель, отдельные гарнизоны находились и во всех крупных эстонских городах. Численность только сухопутных войск в Эстляндской губернии к февралю 1917 г. превысила 100 тысяч человек.

4 марта 1917 г. Временное правительство своим постановлением отстранило всех губернаторов и вице-губернаторов от должности, передав полномочия губернским комиссарам. В этот же день в Ревеле и Нарве были организованы Советы рабочих и воинских депутатов. Комиссаром Эстляндской губернии был назначен Ревельский городской голова Яан Поска — в будущем министр иностранных дел, министр юстиции и вице-премьер Временного правительства Эстонии. Его назначение стало дополнительным сигналом поддержки Петроградом местных национально-буржуазных элит и углубило раскол между революционными массами и национальными партиями.

13 марта 1917 г. в Ревеле на заседании представителей городского и уездного самоуправления был принят меморандум с требованием создания Эстонской автономии, который 18 марта был направлен Временному правительству [Назарова. С. 87]. 26 марта в Петрограде прошла демонстрация в поддержку национально-территориальной автономии Эстонии. В ней приняли участие до 40 тысяч эстонцев, в том числе, рабочие Путиловского завода и несколько тысяч военных из Петроградского гарнизона. Шест-

вие под лозунгами «Да здравствует демократическая республика» и «Автономная Эстония» началось у эстонской лютеранской церкви Св. Иоанна и завершилось у Таврического дворца. Временное правительство согласилось на проведение реформ местного самоуправления в Эстляндии (слово «автономия» не упоминалось), хотя окончательное решение этой проблемы откладывалось до проведения Всероссийского учредительного собрания [Там же].

В первые дни и недели после Февральской революции в Риге, Ревеле и других крупных городах Прибалтики начался процесс активного конституирования органов новой революционной власти. 12–13 марта 1917 г. на собрании представителей латышских национальных организаций был избран Видземский временный земский совет (Временный земский совет Лифляндской губернии) [Воспоминания...]. В собрании в Риге приняли участие делегаты из исторических областей Латвии, в том числе представители оккупированной Курляндской губернии, а также организаций беженцев. В Юрьеве (Тарту) 25–28 апреля проходило отдельное собрание представителей Курляндии (Курземе), которое поддержало идею о создании Латвийской автономии и избрало Курземский временный земский совет. Среди его членов заметную роль играл адвокат Альберт Квиесис — в будущем министр внутренних дел и президент Латвийской республики.

В Латгалии (исторической области Латвии, входившей в состав Витебской губернии) существовали серьезные разногласия по вопросу о создании единой Латвийской автономии. Часть местных национальных лидеров требовали создания отдельной Латгальской автономии, учитывая различия в языке, иной состав населения и исторически сложившийся порядок управления в западных уездах Витебской губернии. 26–27 апреля 1917 г. в Режице (Резекне) состоялся Первый конгресс латгальских городов и волостей с участием депутата Государственной Думы Я. Залитиса. Конгресс принял резолюцию о признании жителей всех исторических областей Латвии одним народом и желании «объединиться с латышами Видземе и Курземе в один автономный организм в российском государстве». Определенная степень автономии Латгалии, по мнению конгресса, также была необходима: «Мы, латыши Латгалии, объединяясь с латышами Курземе и Видземе, оставляем за собой право на решение своих хозяйственных, языковых, религиозных вопросов, а также вопросов, связанных со школьным образованием» [Конгресс латышей Латгалии...].

8–9 марта 1917 г. в Риге состоялся съезд депутатов 12-й армии при участии членов Государственной Думы П.М. Макогона и И.Н. Ефремова, а также командующего 12-й армией генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. На съезде был образован Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов (ИСКОСОЛ). Участие эmissаров из Петрограда в событиях в Риге объяснялось как политической незрелостью военной среды, так и стремлением Временного правительства контролировать наиболее значительные проявления «прямой демократии» на местах. По свидетельству источников, офицерский состав армии оказался не готов к политическим потрясениям февраля — марта 1917 г. и с трудом ориентировался в актуальных социально-политических и наци-

ональных вопросах. По словам участника событий, подпоручика 43-го армейского корпуса 12-й армии Л.Н. Пунина, «Подавляющее большинство наших офицеров были совершенно безграмотными в вопросах внутренней политики. Мы не знали, какие точно партии существуют, какие у них программы и что эти программы обещают народу и солдатам. Выходившие газеты различных направлений мало помогали разбираться в этих сложных вопросах» [Воспоминания...].

Довольно скоро в 12-й армии установилось двоевластие — на съезде делегатов солдатских комитетов латышских стрелковых полков 27–29 марта 1917 г. был образован Исполком Объединенного совета латышских стрелковых полков (ИСКОЛАСТРЕЛ). 12–13 апреля 1917 г. совместное заседание комитетов рот и команд резервных полков латышских стрелков приняло резолюцию об автономии Латвии. Латвийская автономия должна была иметь «государственный характер» и включать «Курляндию, 4 уезда Лифляндской губ. и 3 уезда Витебской губ. (Латгалию), а также пограничные области, населенные латышами» [Революция и национальный вопрос... С. 227]. Для России стрелки выдвинули требование федеративной республики. В мае латышские стрелки поддерживали политическую программу большевиков и выступили против Временного правительства, что было расценено латышскими лидерами как акт «национального предательства». Резолюция 2-го съезда латышских стрелков 17 мая 1917 г. потребовала мира «без аннексий и контрибуций» и передачи власти советам. Видземский временный земский совет латышские стрелки также не признавали.

Временное правительство и Постановление 30 марта 1917 г.

В этих динамично изменяющихся политических обстоятельствах Временное правительство было вынуждено проявлять гибкость, чтобы заручиться поддержкой местных национальных элит в прибалтийских губерниях. Скорейшее введение национального самоуправления должно было, по мнению властей, разрешить сложный комплекс социальных противоречий на этих прифронтовых территориях, укрепить тыл действующей армии и не допустить расширения влияния левых партий. 24 марта 1917 г. правительством была образована комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина для рассмотрения проекта реформ местного управления в Прибалтике. Комиссия была создана при участии комиссаров Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) от латышского и эстонского населения (Я. Залитис, Я. Голдманис и Я. Рамот), а также других представителей национальной общности. Создание этого органа стало возможным благодаря личным контактам представителей латышей и эстонцев с премьером Г.Е. Львовым. Проект реформы местного самоуправления в Эстляндской губернии был предложен эстонскими представителями, его рассмотрение облегчали неформальные связи, которые имели в правительстве бывшие члены Государственной Думы Я. Тыниссон и Я. Рамот.

На первом заседании комиссии председатель объявил «принципиальное постановление» Временного правительства: вопросы о самоопределении национальностей и об автономии могут быть разрешены лишь Учредительным собранием. «Задачей комис-

сии может служить лишь выработка Положения о временном устройстве Эстляндской губернии на началах удобства управления в соответствии с настоящими общественно-политическими условиями» [Журнал Комиссии... Л. 15].

Комиссия Д.М. Щепкина отказалась обсуждать вопрос об автономии, речь шла лишь о широких реформах местного самоуправления, необходимых в интересах создания более эффективной администрации и общей демократизации местной власти. Характер этих реформ, предложенных в качестве временной паллиативной меры, говорил о желании Петрограда опереться на умеренные национальные партии в Прибалтике, получить поддержку официальной линии правительства на войну «до победного конца» с Германией и передать окончательное решение вопроса о национальном самоопределении Учредительному собранию. Так как антинемецкие настроения в годы Первой мировой войны были органичной частью национальных процессов в Прибалтике, реформа местного управления должна была покончить с остатками балтийской немецкой автономии и продемонстрировать новый курс правительства на сотрудничество с национальными латышскими и эстонскими элитами.

Важнейшей в данной ситуации была проблема определения этнической территории латышей и эстонцев, напрямую связанная с установлением новых административных границ. Актуальные на февраль 1917 г. границы Эстляндской и Лифляндской губерний не совпадали с этнолингвистической картой, являясь наследием исторически сложившихся реалий многовекового господства балтийского немецкого дворянства. Эстонское население, помимо Эстляндии, проживало в северных уездах Лифляндской губернии, а латышское — в Лифляндии, Курляндии и на западе Витебской губернии. Город Нарва, на который также предъявляло претензии эстонское национальное движение, находился в составе Петроградской губернии.

Комиссия под руководством Д.М. Щепкина приняла решение выделить из Лифляндской губернии северные уезды с преимущественно эстонским населением и передать их Эстляндской губернии. Были выделены пять уездов: Юрьевский, Перновский, Феллинский, Верроский и Эзельский, а также населенные эстонцами волости Валкского уезда. Южная, латышская часть Лифляндской губернии в источниках называлась также Видземской (по названию исторической области Латвии — Видземе).

Фактически Временное правительство создало прецедент, когда вновь образуемые административные единицы получили характер национальных самоуправляемых территорий и отличались от прежних прибалтийских губерний более однородным по составу населением. Кроме того, комиссия Д.М. Щепкина решила объединить вопрос о новых административных границах в Прибалтике с вопросом о реформе местного самоуправления в Эстляндской губернии. Постановление Временного правительства «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии» было утверждено 30 марта 1917 г. Согласно этому документу, подлежали ликвидации все существовавшие ранее органы местного управления в губернии, вместо них создавались новые учреждения.

Управление Эстляндской губернией в пределах этнографических границ эстонских земель осуществлялось губернским комиссаром Временного правительства, которому помогали двое помощников. При комиссаре был учрежден Губернский временный земский совет. Первоначально, при разработке проекта, данный совет задумывался как высший выборный орган местного управления. Однако согласно Постановлению 30 марта Губернский временный земский совет оказался под контролем комиссара. На уровне уездов планировалось создание уездных земских советов в составе 7–15 членов, которые должны были избираться уездными избирательными собраниями. Выборы в уездные избирательные собрания (по одному представителю на каждую тысячу населения) проходили в волостных собраниях «всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием». В выборах могли участвовать все жители губернии, достигшие 21 года. [О временном устройстве... 30 марта 1917 г. С. 257].

Губернский временный земский совет Эстляндской губернии избирался уездными земскими советами и городскими думами (один представитель от 20 тысяч жителей) [Там же]. Избирательного права лишались те, кто проживал на территории своего избирательного округа менее года на 1 марта 1917 г. Число таких жителей было значительным в связи с беженством и вызванными войной перемещениями населения.

В городах выборы в Губернский временный земский совет должны были проводиться отдельно от сельской местности. Временное правительство подготовило список городов Лифляндской и Эстляндской губерний, которые по числу жителей подлежали выделению из состава губернского и уездного самоуправления. В Эстляндской губернии таких городов было четыре: Ревель, Юрьев (Тарту), Пернов (Пярну) и Валк (Валга) [Список городов... Л. 2].

Согласно документам Временного правительства, первые выборы в Губернский временный земский совет «почти повсеместно» прошли на основе общероссийского законодательства, нормы которого отличались от принятого 30 марта Постановления о самоуправлении в Эстляндии [Журнал Комиссии... Л. 8]. Это означало, что требование к избирательному цензу на практике не применялось. Спешка, в которой готовился документ, привела к нестыковкам местного закона и общероссийского избирательного права (Временное правительство наделило всех граждан России избирательным правом с 20 лет, а Постановление 30 марта допускало участие в выборах с 21 года). Возникшую юридическую коллизию обнаружили только летом 1917 г., когда правительство было вынуждено санкционировать уже прошедшие выборы. Открытие Губернского временного земского совета было намечено на 1 июля, а выборы в сельской местности состоялись в апреле — мае 1917 г. В городах выборы прошли значительно позднее, в июле — августе, когда Совет уже начал свою работу. Срок действия органов самоуправления Эстляндской губернии был установлен до 1 января 1919 г., после чего планировалось провести новые выборы.

Несмотря на компромиссный характер, принятие Постановления 30 марта было преподнесено властями как значительное достижение в решении проблемы эстонского

самоуправления. 9–10 апреля Ревель посетила делегация Временного правительства с участием министра юстиции А.Ф. Керенского и живой легенды партии эсеров, «бабушки Русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. По словам эстонской газеты «Tallinna Teataja», ни один царский визит прежде не привлекал к себе такого внимания. На торжественном собрании эстонской общественности в театре «Эстония» министр юстиции получил заверения в лояльности эстонского населения и его желании остаться в составе Российской демократической республики. «Мне предоставлена честь доложить Временному правительству, что эстонский народ передает свою судьбу в руки Всероссийского учредительного собрания», — заверил А.Ф. Керенского адвокат Отто Штрандман, назначенный после революции прокурором Ревельского окружного суда [Ревельское слово. 11 апреля. С. 3]. По его словам, стремление эстонцев к автономии по примеру соседней Финляндии не означало тайного желания отделиться от обновленной демократической России, если новое российское государство готово уважать права всех проживающих в нем национальностей.

В сложном положении оказалось русское население Ревеля — русские общественные организации поддержали демократическую программу Временного правительства, но с недоверием относились к росту местного национализма. Выступая в Ревельском русском общественном собрании, А.Ф. Керенский фактически назвал русское население заложником прежней имперской политики царского правительства. Однако русская демократия, по его словам, «всегда умела находить правильный тон для установления дружеских отношений к демократии эстонской» [Ревельское слово. 10 апреля. С. 3].

Отражением сложных взаимоотношений русской и эстонской общин Ревеля стал конфликт в местной периодической печати, вызванный публикацией газеты «Tallinna Teataja» о том, что русские организации якобы направили Временному правительству жалобы и доносы на «неблагонадежность» эстонцев. По мнению эстонского издания, это могло вызвать меры репрессивного характера со стороны Петрограда, в том числе увольнение губернского комиссара Я. Поска, назначенного Временным правительством. Русская газета «Ревельское слово» была вынуждена запросить официальный комментарий товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, который опроверг эти слухи. По его словам, «Временное правительство всегда верило в преданность эстонского народа России и всегда открыто об этом объявляло» [Там же]. Но и после этих заявлений определенная степень недоверия к властям в ревельском обществе, наэлектризованном революционными событиями, все же оставалась.

Несмотря на очевидные разногласия между «русской и эстонской демократией», Временному правительству весной 1917 г. удалось сохранить контроль над этой важной окраинной территорией, где ключевую ценность представлял военный порт Ревеля и прикрывавшие Петроград морские укрепления на островах Нарген, Эзель и Даго. Программа визита А.Ф. Керенского в Ревель включала выступления не только на эстонских и российских митингах, но и перед военнослужащими местного гарнизона. Это давало основания полагать, что Временное правительство было в не меньшей

степени озабочено лояльностью военных и моряков, чем проблемами эстонского самоуправления¹.

Прибалтийские губернии рассматривались властями как органичный элемент единого политического пространства постфевральской России, символизируя распространение «идеалов революции», идейное присутствие Петрограда на окраинных территориях. По мнению товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, власти в Петрограде не видели признаков «эстонского сепаратизма» [Там же]. Для эстонских же элит наибольшей проблемой в связи с принятием Постановления 30 марта 1917 г. было отсутствие официального документа о введении его в действие — без такого документа постановление оставалось лишь декларацией.

Весной 1917 г. национальные элиты в Прибалтике продолжили контакты с Временным правительством с целью скорейшего введения в действие Постановления 30 марта и принятия аналогичного документа для Лифляндской губернии, где вопрос о самоуправлении также требовал решения Петрограда. 23 мая 1917 г. Ригу посетил А.Ф. Керенский, занимавший на тот момент пост председателя Временного правительства и одновременно военного и морского министра. Керенский выступил перед войсками Северного фронта, пытаясь вдохновить их на продолжение борьбы и убедить в необходимости наступления.

Встреча премьера с представителями латышских стрелков не состоялась (их не пустили на митинг). Таким образом, уладить конфликт Временного правительства и Исполкома Объединенного совета латышских стрелковых полков не удалось. Латышские стрелки настаивали на передаче власти советам и ожидали победы «общеевропейской революции», считая себя ее авангардом. Для Временного правительства стало очевидно, что большевизация Латвии представляет собой угрозу гораздо более серьезную, чем рост местного сепаратизма. В этих условиях опора на национально-буржуазные партии в прибалтийских губерниях была необходима правительству не только для реализации его программы демократических преобразований и продолжения войны, но и для сдерживания влияния местной социал-демократии.

Литература

- Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. 2004.
- Бочарников И.В. Внешнеполитические факторы обретения независимости государствами Прибалтики в 20-х годах XX столетия // Вестник института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 3 (32). С. 15–26.
- Брюггеманн К. Революционные события 1917 года в остзейских губерниях Российской им-

1 Выступая перед представителями военных и моряков в Ревеле 10 апреля 1917 г., министр юстиции А.Ф. Керенский призвал их защищать интересы революции так же, как это «делала до сих пор русская интеллигенция».

- перии // *Zeitenwende: deutsche und russische Erfahrungen 1917–1919* / J. Kusber (Hrsg.); A. Tschubarjan (Hrsg.). Frankfurt. 2022. С. 409–421.
- Воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте // *Родина*. № 2. 2017. — URL: rodina-history.ru/gazeta/rodina/2017/02/01.html (дата обращения: 01.07.2025).
- Журнал Комиссии по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях, 26–29 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Конгресс латышей Латгалии (1917): как это было // *Грани.lv*. 28 апреля 2016. — URL: kurl.ru/eXMRI (дата обращения: 01.07.2025).
- Манифест об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении её в полном объеме, 7 марта 1917 г. // *Wayback Machine*. — URL: kurl.ru/chbrr (дата обращения: 01.07.2025).
- Межевич Н.М.* К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2019. С. 184–194.
- Назарова Е.Л.* Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917 // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2018. С. 74–105.
- О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. // *Сборник указов и постановлений Временного правительства*. Вып. 1. Пг. 1917. С. 256–257.
- Ревельское слово. 10 апреля 1917 г.
- Ревельское слово. 11 апреля 1917 г.
- Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. Т. 3. 1917. Февраль — октябрь. М. 1930.
- Список городов Прибалтийского края подлежащих выделению из земств губернского либо уездных // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-103-114

УДК 94

Антон Крутиков

Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 2. Законотворческая деятельность в мае-июне 1917 г. и ее итоги

Аннотация. Временное правительство в Петрограде предполагало решить проблему самоуправления прибалтийских территорий не столько путем предоставления дополнительных прав местным национальностям, сколько в духе революционного централизма и интеграции прибалтийских губерний в общероссийскую систему земских учреждений. Главным вызовом для него стал не рост регионального национализма, а распространение большевизма. Большевизация прибалтийских территорий, особенно нынешней Латвии, действительно, в значительной мере предопределила плачевную судьбу кабинета А. Керенского. После углубления Русской революции и ухода с исторической сцены Временного правительства развитие ситуации в Прибалтике происходило в условиях определяющей роли факторов Первой мировой и Гражданской войн. «Антинемецкий» и «антибольшевистский» характер провозглашения государственности Эстонии и Латвии подчеркивал сложные внешнеполитические обстоятельства, в которых оказались малые народы Прибалтики, стремившиеся прежде лишь к национальной автономии. В статье использованы малоизвестные документы из фонда департамента общих дел министерства внутренних дел Временного правительства, хранящиеся в ГАРФ.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, Эстляндия, Лифляндия, Временное правительство, Первая мировая война, национальный вопрос, национальная политика, Комиссия Б.Б. Веселовского.

Реформы местного самоуправления в Прибалтике в мае — июне 1917 г.

Май 1917 г. стал временем активной законотворческой работы Временного правительства, когда были подготовлены несколько важных проектов административных реформ общегосударственного масштаба. Разработанное Юридическим совещанием Временное положение о губернских и уездных комиссарах стало основным нормативно-правовым актом, регламентирующим организацию местной власти. Губернский комиссар, согласно этому документу, был представителем Временного правительства «как Всероссийской государственной власти» [Проект положения...]. Специфический

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorzel1000@gmail.com.

характер власти Временного правительства (соединившего в своих руках законодательные и исполнительные функции) распространялся также и на институт комиссаров. Как представитель исполнительной власти, губернский комиссар выступал «стражем законов, а равно блюстителем общественного благосостояния, спокойствия и безопасности» [Там же]. Кроме этого, комиссары обладали правом издания обязательных для исполнения постановлений. Институт комиссаров находился в ведении Министерства внутренних дел, губернные комиссары назначались на должность и увольнялись Временным правительством по представлению министра внутренних дел. Таким образом, комиссар выступал главным носителем местной власти, сохранение этой должности в структуре МВД продолжало дореволюционную традицию организации местного управления.

В разработке правительства находилось также Временное положение о волостном земском управлении, которое содержало главную новацию — введение бессословного волостного земского самоуправления. Иницилируя эти реформы, Временное правительство готовилось распространить действие земских учреждений на те губернии России, где до февраля 1917 г. не было общегосударственной системы земского самоуправления. Речь шла об Архангельской губернии, Сибири, а также о «других местностях, в которых до настоящего времени земское положение еще не действует, в том числе, в губерниях Прибалтийских» [Журнал Комиссии... Л. 7].

Находившиеся в Петрограде представители латышского и эстонского населения были осведомлены об этой законодательной работе, и курс правительства вызывал у них растущее беспокойство. У эстонских и латышских национальных элит сложилось впечатление, что правительство готовится распространить на прибалтийские губернии действие общероссийского положения о земском самоуправлении. В связи с этим Постановление 30 марта для Эстляндии следовало рассматривать лишь как декларативный акт, не имеющий силы закона. Для представителей латышей и эстонцев была очевидна тенденция к унификации местного управления, которой придерживалось Временное правительство, пытаясь положить конец возникшей на местах «революционной вольнице».

Дальнейшая судьба прибалтийских территорий должна была разрешиться через конфликт общегосударственных и местных интересов в ходе прямой дискуссии представителей национальных элит и назначенных правительством экспертов. 20 мая 1917 г. правительство подготовило Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, где содержались предварительные предложения по реформе местного самоуправления в Прибалтике. Согласно этому документу, Прибалтийский край планировалось разделить «по этнографическому признаку на две части: эстонскую и латышскую, из коих каждая образует особую земско-хозяйственную единицу — губернию, подразделяемую на существующие уезды и волости. Города выделяются из состава уезда и участвуют особо в губернском представительстве» [Основные положения... Л. 5]. Общие принципы уездного и губернского самоуправления должны были соответствовать принципам организации земских учреждений во внутренних губер-

ниях. Органы земского самоуправления в Прибалтике предполагалось организовать «путем выборов на началах, установленных для земских выборов во внутренних губерниях» [Там же]. Земства имели распорядительные и исполнительные органы: советы и управы (комитеты). Число членов советов определялось в зависимости от количества населения. Компетенция земских органов охватывала дела самоуправления, определяемые в Положении о земских учреждениях и «в других законах, а равно предметы ведения упраздняемых волостных, приходских и дворянско-земских учреждений» немецкого сословного самоуправления [Там же].

Документ регулировал также важный вопрос использования национальных языков в прибалтийских губерниях: язык делопроизводства земских учреждений в эстонской половине края был установлен эстонский, а в латышской — латышский. При этом сохранялась возможность использования местным населением русского языка: «Каждый имеет право обращаться в земские учреждения и получать от них ответы на русском языке или одном из местных» [Основные положения... Л. 5]. Сношения земских органов со всеми правительственными учреждениями, местными и центральными, должны были происходить на русском языке [Там же].

В конце мая 1917 г. Временное правительство создало Комиссию под председательством Б.Б. Веселовского, историка земства и специалиста по местному самоуправлению, для рассмотрения проекта административных преобразований в прибалтийских губерниях. Журнал заседаний Комиссии 26–29 мая является ценным историческим источником, детально раскрывающим ход обсуждения вопроса о реформах самоуправления в Прибалтике весной 1917 г.

В состав Комиссии вошли представители латышской и эстонской общественности, а также эксперты Временного правительства. Среди участников эстонских национальных организаций были представлены Яан Поска, Антон Пийп, Яан Рамот и Яан Тыниссон, в будущем занимавшие высшие государственные посты в Эстонской республике [Комиссия по разработке... Л. 7]. Среди латышских представителей выделялся бывший депутат Государственной Думы, социал-демократ А.И. Предкальн, назначенный Временным правительством комиссаром Лифляндской губернии. Интересы правительства представляли среди прочих участников князь С.П. Мансырев (депутат Государственной Думы от г. Риги, товарищ председателя Комиссии по борьбе с немецким засильем, в марте 1917 г. — комиссар ВКГД на Западном фронте) и барон В.В. Меллер-Закомельский, бывший член Государственного Совета [Там же]. В Комиссии участвовал также барон А.А. Пилар фон Пильхау, бывший член Государственного Совета и Лифляндский губернский предводитель дворянства. Состав позволял говорить о достаточно полной репрезентации интересов всех заинтересованных групп.

Комиссия предполагала рассмотреть Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, подготовленные МВД. Однако такая повестка сразу встретила возражения представителей прибалтийских губерний. Национальные представители указали, что после издания Постановления 30 марта для Эстляндской губернии

уже начались выборы в уездные и губернский земские советы. «Население, идя на встречу высказанному Временным правительством пожеланию, начало уже самоорганизовываться» [Журнал Комиссии... Л. 7]. Кроме того, решить вопрос о самоуправлении в Прибалтике в целом можно было только после освобождения Курляндии, оккупированной противником. «При таких условиях, — считали латышские и эстонские представители, — в переживаемое революционное время едва ли было бы целесообразным вместо Постановления 30 марта 1917 г., несмотря на некоторые его несовершенства, вводить в жизнь новый закон о земском управлении» [Там же].

Вместо этого представители прибалтийских губерний предложили рассмотреть и принять документ о введении в действие Постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии. Также было необходимо принять аналогичное постановление для Лифляндской губернии и проект закона о введении его в действие.

Документ о введении в действие Постановления 30 марта 1917 г. о местном самоуправлении в Эстляндской губернии был рассмотрен Комиссией и принят с рядом изменений и дополнений. Открытие новых земских учреждений в Эстляндской губернии было возложено на губернского комиссара на основании изданных им правил [Журнал Комиссии... Л. 8]. Было предложено устранить несоответствие между Постановлением 30 марта и общероссийским избирательным правом, установив для всех граждан минимальный возраст 20 лет для участия в выборах [Там же].

Дискуссию вызвал вопрос о немедленной ликвидации старых губернских учреждений в Эстляндии после открытия новых, обнаруживший диаметрально противоположные подходы представителей местного населения и Временного правительства. Эстонские представители настаивали на ликвидации всех прежних губернских учреждений после открытия земских советов в Эстляндской губернии. Разрушение старого административного аппарата было продиктовано самим ходом революции и позволяло общественным активистам и национальным партиям на местах захватить и удерживать власть. Временное правительство (которое всего несколько недель назад получило власть из рук Временного комитета Государственной Думы и Петросовета) неожиданно обнаружило, что этот путь несет риски дезинтеграции аппарата управления на местах и угрожает безопасности государства.

Многие губернские учреждения по характеру их деятельности не могли быть заменены ни земскими советами, ни губернским комиссаром. Это относилось, например, к губернским по воинским делам присутствиям и к губернским присутствиям по крестьянским делам (последние ведали выдачей пайков семьям военнслужащих, находившихся на фронте). Эксперты Временного правительства выступили против немедленной ликвидации этих учреждений. По их мнению, «в этом деле нужна известная техника и рушить уже налаженное дело было бы крайне неосторожно» [Журнал Комиссии... Л. 10]. Не возражая в принципе против передачи «некоторых функций государственной власти земскому совету», члены Комиссии полагали, что для этого нужно

дать «возможность сконструироваться новым местным органам управления» [Там же].

Образование новых исполнительных органов на местах было предложено считать обязательным условием для передачи им дел и имущества ликвидируемых учреждений. Присутствия по воинским и крестьянским делам было решено сохранить, введя в их состав выборных представителей от земских советов. В будущем дела ликвидируемых административных учреждений Эстляндской губернии планировалось передавать не Земскому совету (как предлагал проект), а созданным им новым исполнительным органам [Журнал Комиссии... Л. 10]. Комиссия также дополнила проект определением волостного устройства земского самоуправления в соответствии с ранее рассмотренным правительством Временным положением о волостном земском управлении. Бессословная волость в Эстляндской губернии должна была включать все типы земель, в том числе крестьянские, частновладельческие, церковные и казенные [Журнал Комиссии... Л. 14].

Рассмотрение проекта постановления о самоуправлении в Лифляндской губернии и закона о введении его в действие встретило наибольшее число замечаний членов Комиссии. Латышские представители надеялись, что после успешного разрешения вопроса о новых границах Эстляндской губернии и издания Постановления 30 марта Временное правительство согласится на увеличение территории Лифляндии до естественных этнографических границ проживания латышского населения. Притязания латышей распространялись на три западных уезда Витебской губернии (Латгалию) и оккупированную противником Курляндию.

Рассматривая предложение латышских представителей о присоединении к Лифляндской (Видземской) губернии трех пограничных уездов Витебской губернии (Люцинского, Режицкого и Двинского), председатель отметил, что по этому вопросу «не последовало какого-либо распоряжения Временного правительства». По мнению Б.Б. Веселовского, «впредь до получения прямого поручения Временного правительства по сему предмету вряд ли Комиссия может считать себя правомочной разрешать по существу вопрос, имеющий характер самоопределения национальности» [Журнал Комиссии... Л. 15].

Представители латышей дипломатично возразили, что предложенный ими проект отнюдь не преддрешает вопрос об «автономии Латвии, а носит лишь характер временной административной меры» [Журнал Комиссии... Л. 15]. Латышские представители настаивали, что прецеденты изменения административных границ Временным правительством уже имели место. Они ссылались на укрупнение Эстляндской губернии за счет передачи ей пяти уездов Лифляндской губернии (по Постановлению 30 марта 1917 г.) и разделение Томской губернии на две: Томскую и Алтайскую.

Было также отмечено, что после Февральской революции «среди населения трех уездов Витебской губернии возникло сильное движение в пользу присоединения этих уездов к Лифляндской губернии» [Журнал Комиссии... Л. 16]. Это движение вы-

разилось в образовании уже упомянутого Конгресса латышей Латгалии в Режице (Резекне).

Наконец, латышские представители выдвинули самый сильный аргумент, чтобы склонить Комиссию к принятию их проекта: отказ Временного правительства мог, по их мнению, «вызвать самые нежелательные результаты в общественно-политической жизни названных уездов Витебской губернии, непосредственно прикасающихся к театру военных действий» [Журнал Комиссии... Л. 16].

Из рассмотренных Комиссией документов, а также карты, предоставленной латышскими представителями, следовало, что среди сельского населения трех уездов Витебской губернии 60% составляли латыши, до 35% русские и до 5% евреи (к русским участники заседания относили также и белорусов). По мнению Комиссии, «это процентное соотношение изменяется значительно в сторону, неблагоприятную для латышского населения в городских поселениях, где преобладающим элементом являются евреи, русские, а затем уже латыши» [Журнал Комиссии... Л. 16].

Смешанный состав населения трех уездов Витебской губернии, по мнению правительства, не позволял говорить о целесообразности их присоединения к Лифляндской губернии. На этих территориях действовал иной порядок административного управления, а местное законодательство, принятое в Прибалтике, здесь никогда не применялось. «Не надо забывать, — указывали эксперты Временного правительства, — что кроме латышского населения в этих уездах имеется значительный процент (30–35%) населения русского, белорусского и старообрядческого, которое издавна привыкло к общеимперскому строю» [Журнал Комиссии... Л. 17].

Возражения латышских представителей сводились к тому, что в случае присоединения указанных уездов к Лифляндии была бы подчеркнута историческая связь этих территорий с остальными латышскими землями. Также, по их мнению, невозможно было допустить действие в границах одной губернии разных правовых систем. Национальные представители считали, что «земское устройство в упомянутых выше трех уездах Витебской губернии должно быть построено на тех же началах, которые приняты будут для Лифляндской губернии» [Журнал Комиссии... Л. 17].

В итоге мнения членов Комиссии разделились: большинство выступило за передачу Лифляндской губернии трех пограничных уездов Витебской губернии, меньшинство (представители Временного правительства) выступило против. В журнал заседания Комиссии были включены оба мнения, окончательное решение было оставлено за Временным правительством.

Поднятый латышскими представителями вопрос об объединении Лифляндской губернии и Курляндии в одну административную единицу оказался еще более дискуссионным [Журнал Комиссии... Л. 17]. Латышские национальные элиты предполагали распространить все положения реформы местного управления в Лифляндской губер-

нии на Курляндию после ее освобождения. Многие члены Комиссии возражали против самого обсуждения проблемы, считая несвоевременным решать судьбу территории, оккупированной противником. Но так как Временное правительство было настроено на компромисс, участники Комиссии смогли найти устраившую всех формулу.

«По предложению одного члена Комиссии местные представители большинством голосов решили дополнить проект указанием, что настоящее положение распространяется и на Курляндскую губернию после освобождения оккупированной ее части, причем образованная Видземская и Курляндская губернии составляют одну самоуправляющуюся единицу — Латвию» [Журнал Комиссии... Л. 18].

Рассматривая вопрос о языке делопроизводства в Лифляндии, Комиссия опиралась на уже принятое постановление для Эстляндии 30 марта 1917 г. Было решено, что язык делопроизводства губернских и уездных органов самоуправления определяется постановлениями этих органов, «причем каждый имеет право обращаться в эти учреждения и получать от них ответы на русском или на одном из местных языков» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186].

Все сношения новых органов управления Лифляндской губернии с государственными учреждениями (центральными и местными) должны были происходить на русском языке.

В заключение Комиссия рассмотрела выработанный местными представителями проект закона о введении в действие Постановления о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Лифляндской губернии (в новых границах). Этот проект был подготовлен с учетом уже принятого Комиссией документа о введении в действие Постановления 30 марта для Эстляндской губернии.

Как и в случае с Эстляндией, латышские представители настаивали на немедленном закрытии старых губернских учреждений и передаче их имуществ и дел уже сформированным в Лифляндии земским советам. Комиссия приняла решение признать уже существующие земские советы «общественными организациями, призванными, между прочим, организовать выборы в Губернский совет» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186]. Таким образом, стихийно возникшие в марте — апреле 1917 г. органы общественного управления в Лифляндии и Латгалии не получили санкции Временного правительства и не стали полноценными местными учреждениями.

На губернского комиссара было возложено «издание правил для производства выборов во Временные губернский и уездные земские советы, а равно общее руководство производством этих выборов» [Постановление Временного правительства... Л. 30]. Выборы во Временный губернский земский совет проводились от уездов и городов по одному представителю от каждых 15 тысяч жителей (в Эстляндии — 20 тысяч жителей). При этом города с меньшим числом населения выбирали по одному представителю от каждого поселения [О временном устройстве... С. 185]. Для законного состава

заседаний губернского земского совета требовалось присутствие не менее половины числа его членов [Правила... Лифляндской губернии. С. 189]. Временные уездные земские советы планировалось образовать из представителей, «избираемых по одному на каждые 5 тысяч жителей от сельских избирательных округов уезда» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 186]. Время открытия губернского и уездных земских советов в Лифляндской (Видземской) губернии было намечено на 1 августа 1917 г. [Журнал Комиссии... Л. 18]. Как и в Эстляндской губернии, срок полномочий новых органов местного управления был установлен до 1 января 1919 г., после чего земские советы в Лифляндии подлежали переизбранию [Правила... Лифляндской губернии. С. 195].

Закон Временного правительства о введении в действие Постановления 30 марта о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии был опубликован 22 июня 1917 г. В дополнение к Постановлению 30 марта в этот документ были включены новые статьи. Они касались организации выборов волостного схода и волостного управления, а также статьи о дорожных и прочих повинностях и сборах, возлагаемых на население волости. В состав волостного общества включались «все лица, проживающие в пределах волости или владеющие на каких-либо основаниях недвижимым имуществом, либо арендующие таковое» [О введении в действие... С. 176]. Правительство опубликовало также подробные Правила введения самоуправления для Эстляндской губернии.

В этот же день было опубликовано Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний. Опубликованные вместе с ним Правила о введении местного самоуправления касались только Лифляндской губернии [Правила... Лифляндской губернии. С. 189].

Постановление 22 июня о Лифляндии содержало отличия от ранее рассмотренного проекта; в частности, оно не упоминало о присоединении к Лифляндской губернии трех западных уездов Витебской губернии (Латгалии). Временное правительство поддержало мнение меньшинства Комиссии и отказало латышским представителям в присоединении этих территорий. Положения документа были распространены на Курляндскую губернию, но без указания на образование новой административной единицы — Латвии. Даже в декларативной форме упоминание об объединении Лифляндии и Курляндии отсутствовало. Министру внутренних дел было поручено «внести на усмотрение Временного правительства подробные правила о введении в действие в Курляндской губернии упомянутого постановления» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 188]. Это означало, что все территориальные притязания латышских представителей по итогам работы Комиссии остались нереализованными.

Временное правительство строго придерживалось принципа «непредрешения» вопросов национального самоопределения, относя их к компетенции Учредительного собрания. Формально-юридический подход, который применили представители правительства во время работы Комиссии Б.Б. Веселовского, оказался удобным бюрократическим инструментом для сдерживания амбиций национальных представи-

телей прибалтийских губерний. Правительству удалось доказать отсутствие правовой связи между западными уездами Витебской губернии и Лифляндией, т.к. на этих территориях действовали разные нормы местного права. Упоминание «общеимперского строя», к которому привыкло русское население Витебской губернии, свидетельствовало о желании правительства добиться известной унификации местного управления и противостоять хаосу на местах из-за стихийно возникших органов новой революционной власти. По этой же причине самопровозглашенным общественным органам не были немедленно переданы дела и имущество ликвидируемых государственных учреждений. В лучшем случае такие общественные структуры рассматривались как промежуточное звено в реформе местной администрации. В постановлении 22 июня для Лифляндии особо подчеркивалось, что оно действует «впредь до издания Положения о новом административном устройстве Прибалтийского края» [О временном устройстве... 22 июня 1917 г. С. 185]. Это означало, что Временное правительство не отказалось от идеи дальнейшей унификации местного управления с включением Прибалтики в единую систему земских учреждений (со своими особенностями).

Заключение

В национальной политике Временного правительства в прибалтийских губерниях весной — летом 1917 г. можно выделить два основных этапа. Первый этап охватывал март — начало апреля 1917 г., когда правительство издало несколько деклараций, при помощи которых стремилось успокоить национальную общественность на окраинах бывшей империи, в том числе в Прибалтике. К числу таких декларативных актов принадлежало Постановление 30 марта 1917 г. для Эстляндской губернии, которое не было сразу введено в действие, оставаясь декретным распоряжением правительства. Оценив обстановку в Эстляндии и Лифляндии, власти в Петрограде пришли к выводу, что в регионе отсутствует выраженное сепаратистское движение, а местные национальные элиты поддерживают революционные изменения и выдвигают требования национальной автономии. Антинемецкие настроения в Прибалтике были использованы Временным правительством для мобилизации дополнительной поддержки официального курса на продолжение войны со стороны местных национальных партий и их лидеров. Это же обстоятельство позволяло окончательно решить проблему немецкого дворянского самоуправления в прибалтийских губерниях и ликвидировать старые сословные и административные учреждения, введя вместо них новые выборные институты.

Второй этап охватывал май — июнь 1917 г. и характеризовался стремлением Петрограда унифицировать систему местного управления в прибалтийских губерниях с общероссийской системой земских учреждений. Подготовленные правительством административные реформы планировалось распространить на всю территорию государства, что также должно было привлечь местное население к строительству нового «демократического» строя. Временное правительство по-прежнему рассматривало Россию в качестве унитарного государства и было не готово давать далеко идущие обещания национальным лидерам, когда речь шла о национальной автономии, а тем более о федерализации.

Благодаря присутствию в Комиссии Б.Б. Веселовского хорошо подготовленных экспертов, обладавших глубокими знаниями местного права, удалось защитить интересы правительства по наиболее принципиальным для него вопросам. Несмотря на обширные требования национальных представителей эстонского и латышского населения, разработанные правительством проекты реформ местного управления в Прибалтике оказались более чем консервативными. Это привело к разочарованию части местных национальных лидеров и протестам сторонников социал-демократической ориентации. На фоне растущей популярности левых партий Временное правительство в глазах многих современников имело один существенный недостаток: оно оказалось «слишком правым» и «слишком умеренным» [Ломоносов. С. 63]. За исключением уступок в области национального языка и введения всеобщих выборов, многие важные требования национальных представителей не были удовлетворены. Укрупнение территории Эстляндской губернии за счет передачи ей пяти уездов Лифляндской губернии осталось редким прецедентом: никакой территориальной компенсации представители Лифляндии не получили. Кроме того, многие вопросы будущего устройства прибалтийских территорий невозможно было разрешить вне контекста Первой мировой войны, причем это касалось не только оккупированной противником Курляндии.

Временное правительство также руководствовалось военно-стратегическими соображениями, которые диктовали необходимость обладания прибалтийским регионом для стратегической обороны Петрограда. Речь шла о тыловых базах Балтийского флота в Ревеле, Рогокюле (Хаапсалу) и морских укреплениях на островах Нарген, Эзель, Даго и Моон.

Практика Временного правительства показала, что решить проблему лояльности прибалтийских территорий предполагалось скорее в духе революционного централизма, а не путем предоставления дополнительных прав населяющим Россию национальностям. Министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко на заседании Временного совета республики (Предпарламента) отмечал: «Задачи наши на северном Балтийском море ясны и понятны каждому. Россия без незамерзающей гавани на Балтийском море вернется к временам допетровским. Но тут есть пункт, на который я не могу не указать. Ведь если бы были сильны чувства к единой великой России, великой демократической и свободной России, то не было бы тех болезненных проявлений желания отойти от центра, желания самоопределиваться, которое мы видим сейчас не только в определенных национальностях, но даже в определенных русских группах». [Вестник Временного правительства. С. 3]. Альтернативный путь, «излечение стремления к отторжению и ослаблению великой России», по мнению министра, заключался в создании сильного демократического центра, признаваемого всеми областями.

Последующие события показали, что главным вызовом для Временного правительства в Прибалтике (и в России в целом) был не рост регионального национализма, а распространение большевизма. «Северный фронт, — писал очевидец событий, штабной офицер 12-й армии С.С. Посевин, — опора и защита путей к столицам, это была, вместе с тем, и колыбель обеих российских революций» [Посевин. С. 8]. Больше-

визация российской армии и флота в Прибалтике, защищавших ближайшие подступы к Петрограду, прямо угрожала военным поражением и падением правительства. В августе 1917 г. положение на Северном фронте изменилось не в пользу российских войск: деморализованные части 12-й российской армии под воздействием большевистской пропаганды не смогли больше удерживать свои позиции под Ригой. 21 августа (3 сентября) 1917 г. Рига была захвачена германскими войсками, российские части в беспорядке отступали к Вендену (Цесис). Наибольшие цифры российских потерь в боях под Ригой приходились на военнопленных и пропавших без вести. Некоторые отступившие дивизии оказались в районе Пскова [Зайончковский. С. 146]. Поражение России в Моонзундском морском сражении 12–20 октября и захват кайзеровскими флотом и армией Моонзундских островов открыли дорогу полной германской оккупации Прибалтики. Считанные дни оставались до падения власти Временного правительства в Петрограде, после чего единый «демократический центр», о котором говорил министр М.И. Терещенко, перестал существовать.

Дальнейшее формирование национальных государств в Прибалтике происходило в условиях определяющего фактора Первой мировой, а затем и Гражданской войн. «Антинемецкий» и «антибольшевистский» характер провозглашения государственности Эстонии и Латвии подчеркивал сложные внешнеполитические обстоятельства, в которых оказались малые народы Прибалтики, стремившиеся прежде лишь к национальной автономии. Независимость этих «окраинных государств» (как их называла в том числе советская дипломатия) стала вынужденным компромиссом, достигнутым по итогам Гражданской войны. Становление независимых Эстонии и Латвии (а также Литвы) стало формой разрешения вооруженного конфликта большевистской России и Антанты, а также частью новой архитектуры безопасности на востоке Европы. Роль Временного правительства России и созданных им выборных местных институтов в Прибалтике в формировании этих новых национальных государств невозможно отрицать. Однако весной и летом 1917 г. их последующее становление в качестве независимых наций еще не было предрешено. Национальная политика властей в постфевральской России оказалась достаточно консервативной и централистской, она опиралась на прежние бюрократические практики и паллиативные решения, направленные на сохранение государственного единства. После углубления революции и ухода с исторической сцены общероссийского правительства в Петрограде внешнеполитические факторы в развитии Прибалтики вышли на первый план.

Литература

Вестник Временного правительства. 17 октября 1917 г.

Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. Т. II. Кампания 1916–1918 гг. М. 1939.

Журнал Комиссии по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях, 26–29 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).

Комиссия по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).

- Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин. 1921.
- О введении в действие постановления 30 марта 1917 г. о временном устройстве административного управления и местного самоуправления в Эстляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 174-176.
- О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний, 22 июня 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 185-188.
- Основные положения проекта земского устройства Прибалтийского края, 20 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Посевин С.С.* Гибель империи. Северный фронт. Из дневника штабного офицера для поручений. Рига. 1932.
- Постановление Временного правительства о введении в действие Постановления о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии, 1 июня 1917 г. (Проект). ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Правила о введении в действие постановления Временного правительства о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской губернии // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Пг. 1918. С. 189-196.
- Проект Временного положения о губернских и уездных комиссарах, составленный Юридическим совещанием при Временном правительстве, 10 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 15; ГАРФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 12. // Российское Историческое Общество. Электронная библиотека исторических документов. — URL: docs.historyrussia.org/nodes/80424?#mode/inspect/page/2/zoom/4 (дата обращения: 01.07.2025).

Authors

Anton KRUTIKOV — Independent Historian and Political Analyst; Member of International Society for the Study of the First World War; bialyorzel1000@gmail.com.

Ekaterina LABETSKAYA — Leading Research Fellow, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; PhD in Economics; lbtskaya@imemo.ru.

Natalia TRAVKINA — Chief Researcher, Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada RAS; Doctor of Political Science; uspolitika@gmail.com.

Stephen WERTHEIM — Senior Fellow, Carnegie Endowment for International Peace; Visiting Lecturer at Yale Law School; PhD in History (Columbia University); stephen.wertheim@columbia.edu.

Petr YAKOVLEV — Chief Researcher, Institute of Latin America RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petr.p.yakovlev@yandex.ru.

Nailya YAKOVLEVA — Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America RAS; Ph.D. in History; nel-yakovleva@yandex.ru.

Ladislav ZEMÁNEK — Doctor of Philosophy, Research Fellow, China-CEE Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); zemanek.ml@gmail.com.

Abstracts and Keywords

Anton KRUTIKOV

THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF RUSSIA AND THE LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORMS IN THE BALTICS IN 1917. PART 1. FEBRUARY REVOLUTION AND THE INTENSIFICATION OF NATIONAL PROCESSES IN THE BALTIC PROVINCES

Abstract: *Following the February Revolution, the Russian Provisional Government initiated a series of administrative reforms aimed at granting increased autonomy to the Baltic provinces. These documents provide a more nuanced understanding of the complex dynamics at play in the Baltics, particularly highlighting the absence of clear direction and predetermined outcomes in the later establishment of nation-states in the region. The authorities in Petrograd aimed to leverage the local desire for national autonomy and the prevalent anti-German sentiment among the Baltic populations to garner support from regional national elites and counter the rising influence of leftist factions. Concurrently, regarding national self-determination, the Petrograd authorities adhered to the principle of the supremacy of the future Constituent Assembly, which led to dissatisfaction among the Estonian and Latvian national elites. Additionally, the delineation of new administrative boundaries emerged as an urgent concern. The borders of the Estland and Livonia provinces as they stood in February 1917 did not align with the ethnolinguistic distribution. This study draws upon lesser-known documents from the collection of the General Affairs Department of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional Government, preserved in the State Archives of the Russian Federation.*

Keywords: *Russia, Baltics, Estonia, Livonia, Provisional Government, February Revolution, First World War, national question, national policy, Resolution of March 30, 1917.*

Anton KRUTIKOV**THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF RUSSIA AND THE REFORMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE BALTIC STATES IN 1917. PART 2. LEGISLATIVE ACTIVITY IN MAY-JUNE 1917 AND ITS RESULTS**

Abstract: *The Provisional Government in Petrograd aimed to address the issue of self-governance in the Baltics not primarily by extending further rights to local nationalities, but rather through a lens of revolutionary centralism, seeking to incorporate the Baltic provinces into the already existing framework of zemstvo institutions. The main challenge facing it was not the rise of regional nationalism, but the spread of Bolshevism. The Bolshevization of the Baltic territories, particularly of today's Latvia, indeed largely predetermined the disastrous fate of A. Kerensky's cabinet. With the radicalization of the Russian Revolution and the departure of the Provisional Government from the historical stage, the situation in the Baltics developed under the decisive influence of World War I and the Russian Civil War. The "anti-German" and "anti-Bolshevik" nature of the proclamations of Estonian and Latvian statehood underscored the challenging international circumstances facing the small Baltic peoples, who had previously sought only national autonomy. This article draws on little-known documents from the collection of the General Affairs Department of the Ministry of Internal Affairs of the Provisional Government, held by the State Archives of the Russian Federation.*

Keywords: *Russia, Baltics, Estonia, Livonia, Provisional Government, February Revolution, First World War, national question, national policy, B.B. Veselovsky Commission.*

Ekaterina LABETSKAYA**MILITARY INTELLIGENCE OFFICER, DIPLOMAT AND SCIENTIST NIKOLAY IVANOVICH ISAEV**

Abstract. *This article examines the life and work of Nikolay Ivanovich Isaev (1903–1969), a veteran of Soviet military intelligence. During World War II, his role was instrumental in enhancing the Soviet Union's military-economic potential in its struggle against Nazi Germany and Imperial Japan. In the post-war period, Isaev contributed significantly to developing a scientific methodology for military analysis within the Main Directorate of the General Staff. A special focus is placed on his role in fostering expert collaboration between the USSR Academy of Sciences and the Main Intelligence Directorate, particularly in establishing a leading research program at the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). The study is based on materials from the archives of the Russian Foreign Ministry, IMEMO RAS, the Isaev family, and the memoirs of his daughter, Yulia Nikolaevna Isaeva.*

Keywords: *military intelligence, military analytics, military-industrial complex, GRU (Russian Federation), IMEMO, Nikolay I. Isaev, China, Manchukuo, deployment of productive forces, USA, Japan.*

Natalia TRAVKINA**WHAT IS THE FUTURE OF THE US DEMOCRATIC PARTY?**

Abstract. *The 2024 United States presidential election, which resulted in a defeat for the Democratic Party, has exacerbated its large-scale systemic crisis, a process that has been unfolding over the past three to four decades. The manifestations of this crisis permeate the entire party structure, from its leadership to its eroding electoral base. The party's identity dilemma has sharply worsened, since it effectively became an instrument for preserving the neoliberal world order and consolidating power in the hands of the globalist faction of the American financial elite. Furthermore, internal contradictions and fierce infighting between moderate centrists and the radical left wing are escalating, the outcome of which will determine the Democratic Party's future political trajectory.*

Keywords: *2024 US presidential election, US Democratic Party, systemic crisis, American electorate, J. Biden, K. Harris.*

Stephen WERTHEIM**INSTRUMENTAL INTERNATIONALISM: THE AMERICAN ORIGINS OF THE UNITED NATIONS, 1940–1943**

Abstract. *Why did the United States want to create the United Nations Organization, or any international political organization with universal membership? This question has received superficial historiographical attention, despite ample scrutiny of the conferences that directly established the UN in 1944 and 1945. The answer lies earlier in the war, from 1940 to 1942, when, under the pressure of fast-moving events, American officials and intellectuals decided their country must not only enter the war but also lead the world long afterwards. International political organization gained popularity — first among unofficial postwar planners in 1941 and then among State Department planners in 1942 — because it appeared to be an indispensable tool for implementing postwar US world leadership, for projecting and in no way constraining American power. US officials believed the new organization would legitimate world leadership in the eyes of the American public by symbolizing the culmination of prior internationalist efforts to end power politics, even as they based the design of the UN on a thoroughgoing critique of the League, precisely for assuming that power politics could be transcended.*

Keywords: *internationalism, isolationism, universal international organization, world organization, Second World War, United Nations, United States, State Department, League of Nations.*

Petr YAKOVLEV, Nailya YAKOVLEVA

SPAIN 50 YEARS AFTER THE DICTATORSHIP: FOREIGN ECONOMIC AND FOREIGN POLICY ASPECTS

Abstract. *The authors examine the evolution of Spain's international relations in the post-Franco era. The death of dictator Francisco Franco on 20 November 1975 triggered a profound transformation of Madrid's foreign policy and trade relations. This shift ended the prolonged international isolation of the Francoist regime, significantly altering Spain's place and role in European and global affairs and amplifying its voice on the international stage. However, recent geopolitical and geo-economic shifts have posed significant challenges to Spanish foreign policy. The key test for the Spanish establishment and business community lies not only in adapting to these global changes but also in proactively safeguarding the country's fundamental national interests. A central problem is the crisis within the Euro-Atlantic system. Growing difficulties with partners in the European Union and the United States are prompting Madrid to diversify its political and economic ties by engaging more actively with nations of the Global South.*

Keywords: *Spain, end of the dictatorship, new foreign policy, trade and economic relations, international crises, Madrid facing geopolitical and geo-economic challenges.*

Ladislav ZEMÁNEK

SECURITISATION IN THE EUROPEAN UNION (THE CZECH CASE)

Abstract. *This article examines the phenomenon of securitisation within the European Union, using the Czech Republic as a case study. It argues that the prioritisation of security concerns over democratic values and civic freedoms has expanded far beyond traditional defence policy into the spheres of economy, information, education, science, and culture. Driven by geopolitical confrontation, especially with Russia and China, the Czech government has institutionalised this trend through new legislation, surveillance mechanisms, and restrictions on academic and economic cooperation. The study concludes that comprehensive securitisation reflects a paradoxical evolution of liberal democracy towards authoritarian governance and diminished transparency.*

Keywords: *securitization, the European Union, European Commission recommendations, the Czech Republic, the government of P. Fiala, security, confrontation, restrictions on civil liberties, liberal democracy, authoritarian evolution.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2025

№3 (42)

E-journal «Perspectives and prospects»

2025

№3 (42)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*

Дизайн-макет *Ирина Гортинская*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

Адрес редакции и издателя:

127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 7.

тел./факс: +7 (495) 626-30-26